ISSN 2073-5618

Переводчик

Translator

№ 19 2019

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»
Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

ISSN 2073-5618

П Е Р Е В О Д Ч И К

Научно-художественный журнал

Выпуск 19

Чита
Забайкальский государственный университет
2019

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18
П 27

Научно-художественный журнал «Переводчик»
(Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России)

Главный редактор
*О. В. Стельмак***,** канд. филол. наук,
доцент кафедры европейских языков и лингводидактики ЗабГУ,
председатель Забайкальского регионального отделения Союза
переводчиков России;
контактный телефон 8 (3022) 26-86-55
e-mail: ovstelmak@mail.ru

Редакционный совет
Т. В. Воронченко д-р филол. наук, профессор, директор НИИ филологии
и межкультурной коммуникации ЗабГУ
М. В. Константинов д-р ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ
И. А. Романов канд. филол. наук, доцент, декан факультета филологии
и массовых коммуникаций ЗабГУ

Редакционная коллегия
О. В. Ушникова, И. Н. Силицкая, И. А. Боброва,
И. Н. Костина, А. Н. Булдыгерова

П 27 **Переводчик :** научно-художественный журнал / Забайкал. гос. ун-т ; [гл. ред. О. В. Стельмак]. – Чита : ЗабГУ, 2019. – Вып. 19. – 260 с. – (ISSN 2073-5618).

Журнал «Переводчик» знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы на русский язык. Раздел «В студенческой лаборатории» представляет молодых исследователей. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д-р филол. наук, проф. Т. В. Воронченко). Разделы «В копилку переводчика» и «Лексикография» предназначены переводчикам-практикам. Раздел «Земля Даурская» адресован краеведам Забайкалья. Раздел «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзиади) посвящен славным страницам российской истории. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы...!!!», «Новинки».

Издание предназначено для филологов, лингвистов, а также для всех тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения.

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18

© Забайкальский государственный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ

Итоги III Забайкальской летней школы перевода 2018 для старшеклассников.. 5
Елена Сластина. Зачем Забайкалью переводчики?.....…… 7

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

Вольтер. Трагедия «Гербы или Терпимость». Действия II, III. Перевод с французского Майи Квятковской……. 10

Йован Дучич. Стихотворения в прозе из книги «Голубые легенды». Вступительное слово и перевод с сербского Олега Комкова……... 41

Современная абхазская поэзия. Лирика. Вступление и перевод с абхазского Надежды Осьмининой…….. 45

Дугаржап Жапхандаев. Постижение смысла. Стихи. Перевод с бурят-монгольского Виктора Балдоржиева..... 51

Уолт Уитмен. К 200-летию со дня рождения. Лирика. Вступительная статья и перевод с английского Андрея Щетникова…….. 57

Кшиштоф Мария Сенявский. Русские сны польского поэта. Предисловие и перевод с польского Евгении Славороссовой……. 64

Андри Снайр Магнасон. Предисловие и перевод лирики с исландского Ольги Маркеловой……. 77

Музы Рикарду Рейша – самого таинственного гетеронима Фернандо Пессоа. Вступительная статья и перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой……... 84

Иван Петровций. Лирика. Перевод с русинского Ирины Ковалёвой…… 94

Керим Мхце. Лирика. Вступительное слово и перевод с абазинского Андрея Галамаги……. 104

Шуя-Ханда Базарсадаева. Мы платим ей любовью за любовь. Лирика. Предисловие и перевод с бурятского Дугармы Батоболотовой и Бориса Макарова……. 108

Современная французская поэзия. Луи Бертолом. Стихотворения. Вступительное слово и перевод с французского Нины Габриэлян…….. 116

Американская духовная лирика. Майкл Шипли. Перевод с английского Ольги Стельмак…….. 120

Уильям Шекспир. Трагедия «Макбэт». Отрывок. Перевод с английского Ашота Сагратяна……..... 125

Кристина Джорджина Россетти. Лирика. Вступительное слово и перевод с английского Валентины Брилёвой ……. 144

Михаил Ю. Лермонтов. Поэма «Мцыри» (части 13-17). Перевод с русского на английский язык Екатерины Коржовой…… 148

Проза

Современная американская проза. Сюзанна Карлсон. Новелла «Джек». Перевод с английского Иды Замирской……..... 153

Дугаржап Жапхандаев. Из повести «Между Алханаем и Ямато». Глава I. Перевод с бурят-монгольского Виктора Балдоржиева…… 156

Чарльз Уибли. Капитан Хайнд. Из «Книги об отпетой публике». Перевод с английского Евгения Фельдмана…… 160

Саамское сказание. Предисловие и перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой…….. 171

В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Татьяна Бут. О некоторых проблемах перевода библиографического списка (с иностранного языка на русский)…….. 174

АМЕРИКАНА

Шон Элдер. Дух земли. Интервью с Гэри Снайдером. Перевод с английского Светланы Гречишкиной…… 179

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

Ашот Сагратян. Перевод как резонатор сознания……... 186

Николай Воропаев. Устный переводчик в среде рабочего языка и заказчиков (на материале китайского языка)……..... 187

Анна Булдыгерова. К вопросу о профессиональной компетенции переводчика…… 200

ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ

Жюль Легра. В Сибири. Перевод с французского Николая Епишкина……. 205

Виктор Балабанов. Городская библиотека. Год 1908. Из книги «Строкой и памятью отмечено…». Перевод на немецкий Ирины Бобровой….. 216

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Сестры Волконские. Вступительная статья и перевод писем Марии Волконской с французского Людмилы Эмирзиади…….. 218

УГОЛОК ПОЭТОВ

Леонид Гуревич. Лирика. Предисловие «Памяти Учителя» Ольги Стельмак.. 228

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ…!!!

XXIV региональный конкурс молодых поэтов-переводчиков…….. 234

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Бурятские пословицы и поговорки. Перевод с бурятского Намсалмы Будаевой 240

Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова…. 242

НОВИНКИ

Кнут Гамсун. Визит к Гитлеру……. 251

Антология современной исландской поэзии…….. 252

Сведения об авторах……. 253

ИНФОРМАЦИЯ

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

Общероссийская общественная организация «СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)
член Международной федерации переводчиков (ФИТ)

Россия, 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, МИЛ, офис СПР
тел./факс +7 (495) 616-36-10 эл. почта gurutrus@yandex.ru

Исх. № 8-П от 28.03. 2016 г.

III Забайкальская Летняя школа перевода для старшеклассников

13 июня 2018 года были подведены итоги работы III Летней школы перевода для старшеклассников г. Читы и Забайкальского края.

Организаторами Школы явились: Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России, ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс», кафедра европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета.

Познакомиться с удивительной профессией переводчика собрались учащиеся 8-11 классов средних общеобразовательных школ № 19, 22, 27, 47, многопрофильного лицея ЗабГУ, многопрофильной гимназии № 12, многопрофильной языковой гимназии № 4 г. Читы, Кличкинской средней общеобразовательной школы Приаргунского района Забайкальского края.

Школа перевода для старшеклассников (на базе английского языка) проходила с 7 по 13 июня. Работу школы обеспечивали 10 доцентов и старших преподавателей ЗабГУ. В соответствии с расписанием занятий школьники ежедневно находились в стенах факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ с 10 до 16.00 часов. За это время «шко-

ляры» познакомились с необыкновенно притягательным и не менее сложным миром перевода.

Под руководством опытных наставников, среди которых были и действительные члены Союза переводчиков России, ребята совершили краткий, но насыщенный захватывающими событиями, экскурс в историю перевода в России и за рубежом, узнали о различных видах и способах перевода, оценили сложность научно-технического перевода и особенности перевода деловых документов, попрактиковались в устном и аудиовизуальном переводе, окунулись в мир перевода художественного текста, в частности, приобщились к искусству поэтического перевода.

В рамках летней школы проводились занятия по немецкому, французскому, китайскому, испанскому и японскому языкам, что способствовало расширению кругозора и лингвострановедческой компетенции учащихся.

В перерывах между занятиями и кофе-брейками ребятам предлагались различные психолингвистические тесты, направленные на самопознание, выявление личностных особенностей характера, потенциальных способностей и предрасположенности к переводческой деятельности.

Итоги работы Школы подводились на встрече, где организаторы Летней школы перевода, школьники и родители обменялись мнениями о её работе. Вниманию ребят был представлен научно-художественный журнал «Переводчик» – печатный орган Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России. Кроме того, состоялась встреча с Забайкальским переводчиком Николаем Епишкиным, который поделился с аудиторией опытом своей многолетней работы в области лексикографии и перевода уникальных исторических сочинений с французского языка, рассказал о трудностях перевода известного уже более двух тысяч лет латинского изречения Veni, vidi, vici, которое принадлежало легендарному полководцу Юлию Цезарю. Начинающие переводчики из числа «школяров» – Екатерина Белоплотова, Дана Аблязова и Олег Якунин познакомили собравшихся со своими поэтическими переводами с английского языка.

С приветственным словом к участникам Школы обратился Игорь Романов, декан ФФиМК. Он пожелал успехов молодым переводчикам. Все участники летней школы получили сертификаты, памятные книги и

сувениры с символикой ЗабГУ. Силами студентов для «школяров» была организована познавательная экскурсия в Музей декабристов на английском языке.

Организаторы III летней школы перевода выражают надежду на то, что проведенное мероприятие будет способствовать воспитанию в обществе уважительного отношения к благородному труду переводчика.

Ольга Стельмак, председатель Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России

ЗАЧЕМ ЗАБАЙКАЛЬЮ ПЕРЕВОДЧИКИ?

Авторы научно-художественного журнала подводили итоги пройденного пути.

«Переводчики. Ретроспективная презентация. Научно-художественный журнал... Не по моей части», – решит человек, не увлечённый иностранными языками. А приди он 25 октября на бывший иняз – поразился бы: забайкальские переводчики много лет занимаются именно тем, что превращают дивный мир, скрытый ото всех иноязычием, в нечто «по нашей части».

Потому не интригующей, но справедливой кажется тема, ставшая в этот раз основой мероприятия: вклад земляков-языковедов в культуру края.

Скорбным был зачин – с минуты молчания по ушедшей в тот день кандидату филологических наук, высокому профессионалу, великолепной переводчице, более пятнадцати лет возглавлявшей кафедру английского языка Татьяне Ивановне Сухановой. И если говорить о вкладе переводчиков в развитие региона, то и тогда следовало начать именно с этого замечательно талантливого человека. Татьяна Ивановна была и одним из первых авторов журнала «Переводчик».

Как начинался он в 2001 году? Главный редактор издания, председатель Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России Ольга Стельмак вспоминает: отчего-то не было ни страха, ни сомнений – Забайкалью нужен журнал, а переводчики найдутся. Нашлись! Конечно, первыми поддержали начинание сотрудники, студенты и выпускники ФИЯ. Переводили с английского, французского, немецкого, китайского, японского и наоборот. Всего же за годы существования журнала на его страницах были опубликованы переводы с 31 (!) языка – английского, армянского, венгерского, грузинского, испанского, бурятского, итальянского, корейского, мальтийского и т.д. Одна-

жды на страницах журнала увидел свет перевод известного стихотворения об осени Александра Сергеевича Пушкина на латинский!

И почти сразу журнал стал не только площадкой для публикации (где ещё публиковать результаты столь скрупулёзной, уникальной работы?), но и «двигателем прогресса»: как говорится, появился спрос – получите предложение. Стали традиционными конкурсы молодых поэтов-переводчиков. Здесь важен и соревновательный момент, и обмен опытом, и параллельная отточка языка и сопутствующих дисциплин, таких, как культурология, история... Благодаря этому русскоязычный читатель обретает недоступные ранее произведения иностранных авторов разных эпох. Да что там иностранных: «Переводчик» подхватил ветхие мостки сохранения языковой культуры малых народов Забайкалья – бурят, эвенков. На протяжении многих лет сотрудничают с журналом профессиональные писатели и переводчики с бурятского Виктор Балдоржиев и Борис Макаров. На октябрьской встрече прозвучала новость о том, что в масштабах России, наконец, спохватились об утере национальных языков, и огромная роль в спасении их принадлежит именно переводчикам.

Надо понимать, что речь идёт не только о переводах художественной литературы (недаром столь важным является тот факт, что большинство наших переводчиков – сами люди пишущие, литературно одарённые), но и о богатейшем краеведческом материале. Так авторы журнала, переводя путевые заметки путешественников, свидетелей знаковых событий, открывают страницы истории Забайкалья, до того неизвестные даже специалистам! Таким откровением стали переводы заметок о Чите 20-ых годов прошлого столетия американца Джуниуса Вуда, впечатлений первого француза, побывавшего в Забайкалье в конце 19 века – Эдмона Котто («Из Парижа в Японию через Сибирь»), и другие.

Статьи краеведа Виктора Балобанова часто переводятся на иностранные языки в разделе «Земля Даурская».

А как оценить вклад переводчиков в великое дело – знакомство мира с нашими, известными забайкальскими, писателями и поэтами. Геннадия Головатого, Георгия Граубина, Михаила Вишнякова, Бориса Макарова, Виктора Балдоржиева теперь могут читать жители разных стран.

Да и переводы, казалось бы, всемирно известных Марины Цветаевой, Михаила Лермонтова, Эдгара По добавляют очков интеллектуальной копилке Забайкальского края, потому что переводы молодой талантливой переводчицы Екатерины Коржовой – цитирую председателя отделения СПР – «просто великолепны!»

К жанру «оригинальному» можно отнести составленные земляками словари растений, французской моды, любовной лексики... И говорит

это, в первую очередь, о том, что занимаются переводом энтузиасты, профессионалы и по очень большой любви.

Ольга Стельмак, Людмила Эмирзиади, Олег Терёшин, Ольга Ушникова, Татьяна Воронченко, Ирина Боброва, Ольга Флешлер, Елена Юйшина, Лилия Краус, Николай Епишкин, Нина Маркова, Юлия Мусорина, Екатерина Коржова… В этом славном списке десятки человек, которые по-своему, каждый день трудятся во благо малой родины. Чтобы о ней узнал большой мир.

Елена Сластина

Поздравление с Юбилеем!

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России, редакция научно-художественного журнала «Переводчик» сердечно поздравляет с 80-летием замечательного забайкальского писателя, поэта-переводчика, члена Союза писателей России, заслуженного работника культуры РФ Бориса Константиновича Макарова! Мы благодарим Мастера за многолетнее и плодотворное сотрудничество с нашим изданием с самых первых шагов его существования. Начиная с 2001 года, увидели свет в переводе на русский язык многие поэтические произведения талантливых сынов и дочерей прекрасной и гостеприимной Агинской земли.

Редакция журнала «Переводчик»

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

ВОЛЬТЕР (1694 – 1778)

ГЕБРЫ,
или
ТЕРПИМОСТЬ

Трагедия в пяти актах.

Д Е Й С Т В И Е В Т О Р О Е

СЦЕНА I.

ИРАДАН, ЦЕЗЕН

Ц е з е н

Всё, что поведал ты о деве несчастливой,
Великой в скромности и в горе терпеливой,
К ней уважение внушает, и вдвойне
Гонитель чистых душ стал ненавистен мне.
Нет правды в небесах, страшны богов уставы –
Ужели палачи одни пред небом правы?
И Нума, дав святой закон земле своей,
Затем ли дал его, чтоб убивать людей?
В те времена жрецы несчастных утешали.
Как изменился мир! Какие дни настали!
Кончай же свой рассказ: столь гнусен этот суд,
Что дыбом волосы на голове встают.

И р а д а н

Затем они ко мне вторично, брат, явились,
Пугали Кесарем, грозили и ярились,
Они в уста богов вложили гнев и спесь,

Безжалостный закон отстаивая здесь,
Что призван обуздать преступников лукавых –
Они бессмертных чтут за палачей кровавых!
А воины мои, ни живы ни мертвы,
Потупились, поднять не смея головы.
Как и предвидел я, служители Плутона
Вошли, надменные, и вмиг дочь Арземона
Схватили силою и грубо повлекли
Арзаму (так её родные нарекли).
В слезах молили их растерянные стражи,
А об оружии никто не вспомнил даже!
Я бросился, отбил добычу у ловца:
– Страшитесь, палачи, жестокие сердца,
Коснуться римлянки, рождённой в Апамее,
Я с ней вступаю в брак! О, боги Гименея!
Вас, милосердные, о помощи молю
И вашей волею чудовищ посрамлю!
Даруйте мощь руке, что деве предлагаю! –
Очнулась тут моя когорта дорогая
И обступила нас, отвагу обретя, –
Тираны дрогнули, оставили дитя;
А я им: «Вспомните, что по законам Рима
Свята Гимена цепь, никем не расторжима,
И, если римлянин супругу изберёт,
Той римлянки никто коснуться не дерзнёт.
Я – римлянин: во мне почтите это званье».
Мой голос, точно гром, им помутил сознанье,
Но вдруг, опомнившись, они в себя пришли
И дерзость прежнюю, и злобу обрели,
С законом не страшась вступить в единоборство,
Кричат, что этот брак – преступное притворство,
Обида Кесарю, попранье алтарей,
Что я-де в брак вступать не собираюсь с ней,
Что их не проведёшь уловкою фальшивой…
И всё ж я заключу союз благочестивый:
Уверен я, что ты одобришь этот шаг:
Невинную спасёт от смерти только брак.
Она мила богам: послали не они ли
Меня на помощь ей и к ней любовь внушили?
В ней добродетель чту превыше красоты:
Божественные в ней достоинства слиты.

Ц е з е н

Как! Одобряю ль я союз, что с сердцем дружен?
Родной мой! Этот брак и справедлив, и нужен,
И если, слово дав, нарушишь ты его
И не осуществишь желанья своего,
Отступником тогда сочту тебя по праву,
Сообщником жрецов, готовящих расправу.
Ты говорил мне, что Арзама не знатна
И в скромной участи безвестной рождена –
Так пращуров своих презреть тебе угодно?
Нет! Добродетелью Арзама благородна.
Исполни свой обет, скрепи святой союз:
И Сципиона сын сих не презрел бы уз.
Я знаю, ваш союз – благое исключенье:
Свела вас не корысть, не плотское влеченье –
В нём милосердие явило чудеса,
Его благословят земля и небеса.
Назло фанатикам оборони от мщенья
Её, достойную любви и восхищенья.

И р а д а н

Прекрасно. Приготовь, что нужно, к торжеству:
Свидетелей, дары, алтарь; я призову
Самих тиранов – пусть казнятся изуверы,
В своей жестокости не знающие меры.
(сопровождающим):
Пусть приведут её. Останься, брат, со мной:
Ты будешь брачных клятв свидетель первый мой.
Вот и она.

Ц е з е н

Вполне твой выбор понимаю.

И р а д а н

Арзама, знай: тебе я сердце предлагаю,
Для сострадания оно раскрылось вмиг,
Дабы тебя удар смертельный не настиг.
Глас Справедливости услышал я сначала,

Что началось с неё – теперь любовью стало.
Я поклянусь тебе перед лицом богов,
Что в сладостный союз с тобой вступить готов,
Почётный для меня и для тебя полезный,
Защита от жрецов, от длани их железной;
Тебя он тайною свободой одарит:
Свободой веровать, как сердце повелит.
Я знаю – вечная, властительная сила,
Что в мире движет всем, и нас соединила;
На скалы грозные она тебя несла,
Но в гавань тихую сквозь бурю провела,
И спасшая тебя от гибели десница
Ткёт узы брачные, чтоб нам соединиться.
Арзама, вот мой брат. Всё приготовит он,
Чтоб радостный союз был тут же заключён.

А р з а м а

Я благодарна вам за ваше попеченье.
Но как мне быть? Душа моя полна смятенья…
Пусть на обоих вас прольёт светило дня
Чистейшие лучи священного огня,
Пусть вам удачу даст несчётных благ даритель!
Мой добрый господин, отец и покровитель,
Что лестный выбор свой остановил на мне,
Дозволь поговорить с тобой наедине!

Ц е з е н

Арзама, я уйду, мне приготовить надо
Всё для счастливого, священного обряда.
За брата радуясь, с ним счастье разделю:
В тебе свою сестру я вижу и люблю.

А р з а м а

Что станется со мной!

СЦЕНА III.

ИРАДАН, АРЗАМА

И р а д а н

Прекрасная Арзама,
Печали тайные твои открой мне прямо,
Теперь у нас с тобой все беды – пополам.

А р з а м а

Отец, склоняюсь я с мольбой к твоим стопам.

И р а д а н

Пред мужем любящим не бойся молвить слово.

А р з а м а

Свидетель солнце мне: я за тебя готова
Отдать до капли кровь, когда её прольют
Посланцы адовы, что смерть лишь признают.

И р а д а н

Да ты не веришь мне? Прогневал небеса я!
Я сам готов отдать всю кровь, тебя спасая,
Заставлю извергов союз наш уважать!

А р з а м а

О, Боже Истины! Сумею ль избежать
Столь пылкой доброты, которой я не стою?

И р а д а н

Арзама, я горжусь твоею чистотою,
Возвышен буду я подобною женой.

А р з а м а

Верь, мне хватило бы и жалости одной.
Есть тайна у меня, хочу тебе открыться,
Но пусть она навек в душе твоей хранится.

И р а д а н

Клянусь тебе…

А р з а м а

Так вот…

И р а д а н

Всё не решишься ты,
Не смотришь мне в глаза, искажены черты,
Ты плачешь и молчишь, так тяжко воздыхая…

А р з а м а

Так слушай, господин, то, что сказать должна я:
Тебе неведом наш обычай и закон,
Преступный, может быть, в глазах иных племён;
Всё разделяет нас: Бог, вера, долг и нравы,
В чём видите вы зло, в том пред собой мы правы.
Права Природы мы божественные чтим,
Но святотатством их провозглашает Рим.
Нам вера, вопреки всем римским постулатам,
Велит, чтобы сестра соединялась с братом,
И связью родственной упроченная кровь
Слила в единый ток Природу и Любовь –
Одна и та же кровь в их венах протекает,
Её священный ток вовек не иссякает.
Вот мой закон.

И р а д а н

Что ты, дикарка, говоришь!

А р з а м а

Я так и думала: от гнева ты горишь.

И р а д а н

Так у тебя есть брат?

А р з а м а

Люблю его глубоко.
Нас поженить хотел отец – и что ж? до срока
Смерть узы разрешит, законные у нас,
Но нечестивые и странные для вас.
И что я для тебя? Чужачка, дочь неверных,
Впрямь недостойная твоих щедрот безмерных,
К тому ж в твоих глазах преступница и враг –
Ты спас ничтожную и предложил ей брак.
Пусть так! В тебе отца второго обожая,
Тем более молчать трусливо не должна я!
Предай немедля жизнь, что втуне спасена,
Убийцам, чья рука уже занесена!

И р а д а н

Как громом поражён, стою, не понимая,
Не верю я ушам своим, тебе внимая!
Но тайну гнусную, как я ни оскорблён,
Я в сердце сохраню, хоть сердцем уязвлён.
Ступай. От брата я мою обиду скрою.
Я помню лишь одно: сколь дорожил тобою,
И, хоть разгневала меня дурная весть,
Быть благодарною моя сумеет честь
За то, что правды ты не прячешь боязливо;
Умом заблудшая, душою ты правдива.
Унижен и смущён, с самим собой в борьбе,
Глупец! – я всё ещё сочувствую тебе:
Моя любовь прошла, но я тебе подмога.

А р з а м а

Меня ты осудил в душе, я вижу, строго.
Пусть так – меня ты сам на гибель обреки:
Уж если умирать, то от твоей руки,
А не от злобных рук, что душат Апамею.
Отец мой и герой, меня любивший, смею
Тебя просить: мой день постылый оборви,
Вынь сердце из груди, предмет твоей любви!
Сладка мне будет смерть, и я, приемля муку,
Благословлю твою карающую руку.

И р а д а н

Напрасно думаешь в безумной слепоте,
Что стану я твоей потворствовать мечте.
Но чары тайные с их властью необорной
Влекут меня к тебе, преступной и упорной.
Мне гадок твой обет, но я, душой скорбя,
Не в силах ни уйти, ни видеть впредь тебя.

А р з а м а

И я в смятении от гневного укора,
Зачем же от тебя не отвести мне взора?
Твой гнев отеческий, о, как мне дорог он!
Утешил ты меня, хоть мною оскорблён.

СЦЕНА IV.

ИРАДАН, АРЗАМА, ЦЕЗЕН

Ц е з е н

Уж всё готово, брат, во храм вас призывают:
И жрицы собрались, и факелы пылают,
И горсточка друзей, доселе верных нам,
Сейчас проводит вас к священным алтарям,
Пусть скромно убранным, но озарённым ею
Светлей, чем Кесари всей славою своею.

И р а д а н

Пусть тушат факелы. И пусть друзья уйдут.

Ц е з е н

Вот странный поворот! Что нас за беды ждут?
Холодным ужасом чело твоё объято,
Ты взоры от меня отводишь виновато…

И р а д а н

Гимену не бывать.

А р з а м а

Я недостойна.

Ц е з е н

Как!
А я так счастлив был, ваш предвкушая брак!
Я украшал алтарь, я горд был порученьем
И о тебе, сестра, я думал с восхищеньем…

А р з а м а

Слов необдуманных некстати не роняй!

Ц е з е н

Каких?

И р а д а н

Я вынужден оставить этот край!
От службы пагубной откажемся, мой милый,
От подлой должности, для нас давно постылой,
От почестей, пустых для духа, что прозрел,
От рвенья рабского на пользу тёмных дел.
Бежим, как ты хотел, в приют наш безотрадный
И там своих детей оплачем пепел хладный.

Всё отнято у нас: и жёны, и семья!
Ты там оплачешь дочь, оплачу сына я.
Для нас надежды нет, нас ждут одни невзгоды:
Чем одарит нас двор? иль ратные походы?
Всё бросим! ныне я, доверившись мечте,
Возжаждал новых уз в безумной слепоте –
Они оборвались. Гневим, знать, небеса мы.
Бежим навеки прочь от мира и Арзамы!

Ц е з е н

Внимаю с ужасом горячечным речам.
И ты готов отдать Арзаму палачам?
Да ты ли это?

И р а д а н

Стой! Не заподозри брата
В трусливом умысле, позорном для солдата.
Что начал, то к концу я должен привести.
Хоть я расстанусь с ней, хочу её спасти:
Так мне велят и честь, и долг, и состраданье,
И я не заслужил такого назиданья.
Ты оскорбил меня.

А р з а м а

Пресветлый Бог огня!
Великодушием сразили вы меня.
Увы! Из-за меня, ничтожной, вы в раздоре.
Оставьте же судьбе меня и моё горе,
Столь многим жертвуя, вы перешли черту.
Я лучше жизнь отдам за вашу доброту.

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЕ ЖЕ И ЖРЕЦЫ ПЛУТОНА

В е р х о в н ы й ж р е ц

Так вот как попраны Возмездия законы,
Как нам предательски расставлены препоны,

Как святотатственно вы смеете играть
Той властью, что должны достойно представлять!
Куда хорош ваш брак, отменное орудье,
Чтоб Кесарю мешать в священном правосудье!
И этот римлянин нас думал обмануть!
Вотще – преступнице от нас не ускользнуть.
О ваших плутнях есть у Кесаря известье,
Но мы его венец избавим от бесчестья.
Приблизьтесь, воины, введённые в обман,
От нас преступницу не спрячет Ирадан.
Схватить её!

А р з а м а

Отец!

И р а д а н

Изменники!

Ц е з е н

Злодеи!
Кто с места двинется – на страх всей Апамее
Погибнет в сей же миг от этой вот руки.

В е р х о в н ы й ж р е ц

Не бойтесь вы его!

Ц е з е н

Дрожите, мозгляки,
Прислужники жрецам – вы боле не солдаты.

В е р х о в н ы й ж р е ц

Лжёт – боги, Кесарь, мы – вам господа трикраты.

Ц е з е н

Прочь, говорю!

И р а д а н

А ты уйди, бедняжка, в дом,
Единственный приют в несчастии твоём.

Ц е з е н

Не бойся ничего.

А р з а м а

Я гибну…

В е р х о в н ы й ж р е ц

Святотатцы!
Вот Кесарь подойдёт, и вам не оправдаться.
К запретной секте вы примкнули, бунтари,
Вы – заговорщиков преступных главари,
Вам надо бы лежать передо мной во прахе,
Гордыню усмирить в благочестивом страхе,
О глупой жалости не тратить праздных слов,
Когда из уст моих глаголет гнев богов!
Вы презрели мой сан и власть из-за девицы.
Вы молний жаждали? Они – в моей деснице!

ЯВЛЕНИЕ VI.

ИРАДАН, ЦЕЗЕН

Ц е з е н

Их речи наглые о силе говорят.

И р а д а н

Они погубят нас, как только захотят.

Ц е з е н

Чем яростней жрецы, тем жарче гнев мой пышет.

И р а д а н

Увы, бессилен гнев, хоть правотою дышит.
Сам Кесарь обречёт на гибель их врагов,
В надменных их речах он слышит глас богов.

Ц е з е н

Пусть так. Спасём её.

И р а д а н

Послушай: Апамея
Граничит с персами. Я сведенья имею,
Что стражи крепости на нашей стороне.
Иные верности присягу дали мне.
Беги к жрецам, потешь их гордость не на шутку –
Скажи им, что твой брат внял наконец рассудку,
Признал их правоту и долг свой осознал,
И предаёт им ту, что прежде укрывал.
Мол, согласился он, пусть казнь скорее справят:
И часу не пройдёт, как деву им доставят.
Обманем извергов, их не смягчишь добром;
Будь на посулы щедр – я поддержу во всём.
Лишь дева перейдёт границу роковую,
Меж нами вечную границу возведу я.
Твоим советам вняв, от всех избавлюсь пут,
В пустыне обрету свободу и приют.
Несправедливости людской избегнем вместе!

Ц е з е н

Что ж! Я готов солгать, хоть в этом мало чести:
Злодеям я глаза туманом затяну.
Ах, отчего я им под рёбра не воткну
Свой меч, что Кесарь наш на службу им поставил
Затем, чтоб кровью жертв его я окровавил!
Иду к жрецам тотчас.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ИРАДАН, ЮНЫЙ АРЗЕМОН

Последний мечется в глубине сцены, взволнованный и растерянный.

Ю н ы й А р з е м о н

О, смерть! Возмездья бог!
Мне сердце вырвали, её я не сберёг…
И где теперь она? В чьей власти распроклятой?

И р а д а н

Что там за человек? Уж верно, соглядатай,
Жрецами посланный за нами проследить.
Мне страшно: как бы нам в силки не угодить.

Ю н ы й А р з е м о н

Ты не встречал её?

И р а д а н

Он заблудился, верно…
Кого ты ищешь?

Ю н ы й А р з е м о н

Ту, чья прелесть беспримерна.
Кровь… Похитители за крепкими дверьми…
Крепка тиранов власть над бедными людьми…
Арзама милая… Ах, дай свой меч мне в руки –
Умру, но отомщу!

И р а д а н

Его рыданья, муки,
Взор, полный нежности, хоть ярость в нём горит,
Знакомые черты – всё, всё мне говорит,
Что он Арзамы брат.

Ю н ы й А р з е м о н

Я – брат её.

И р а д а н

Не скрою,

Что ты, пришед сюда, рискуешь головою.

Ю н ы й А р з е м о н

Так вот она – рази!

И р а д а н

Злосчастная чета!
В какие вас судьба забросила места!
Ты брат Арзамы…

Ю н ы й А р з е м о н.

Да. Твой взор алкает мщенья.
Но не боюсь тебя.

И р а д а н

Гнев, жалость, отвращенье
Смешал в моей душе запальчивый юнец.
Быть может, ждет его с сестрой один конец…

Ю н ы й А р з е м о н

Затем я и пришёл.

И р а д а н

Не зная в злобе меры,
Вероотступников рождают изуверы…
Послушай: крепостью командую я сам,
Но здесь подвластно всё плутоновым жрецам.
Всё ж помогу тебе. Ступай за мной, не бойся.

Ю н ы й А р з е м о н

Увижу ль я её?

И р а д а н

Увидишь, успокойся,
И уцелеешь сам.

Ю н ы й А р з е м о н

Тревоги не уйму…
Прости, мой господин, смятенному уму!
Ты говоришь, что здесь, где всё тебе подвластно,
Невинность робкую преследуют пристрастно,
И римские рабы безжалостной рукой
Влекут мою сестру от хижины родной!
Ты говоришь, ей смерть грозит неумолимо –
Так ты ей враг!

И р а д а н

Постой. Скорбит неутолимо
Твоя душа, но ты ошибся сгоряча,
Не вздумай принимать меня за палача,
Арзаму и тебя всем сердцем я жалею.

Ю н ы й А р з е м о н

Увы, не верится…Верни её скорее,
Верни, а не вернёшь – с ней вместе я умру.

И р а д а н

Он сердце мне смягчил, но, видно, не к добру:
В предчувствии беды трепещет ретивое…
Бедняга, подойди, я всё тебе открою.
Ступай за мной.

Ю н ы й А р з е м о н

Иду. Будь верный нам оплот,
Не обмани меня.

И р а д а н

О, дети, что вас ждёт!
В какой ужасный край вас кинула судьбина!
Я восхищался той, что так тверда, невинна,
Верна своим отцам, прекрасна и чиста.
Мне и другого жаль, хоть дерзок он спроста.
Хранит их некий Бог, Он их спасёт, я знаю:
Он сердцу говорит, и я Ему внимаю.

Д Е Й С Т В И Е Т Р Е Т Ь Е

ЯВЛЕНИЕ I.

ЮНЫЙ АРЗЕМОН, МЕГАТИЗ

Ю н ы й А р з е м о н

Я в изумлении, гляжу – не понимаю!
Дружище, Мегатиз, тебя ль я обнимаю?
Товарищ детских игр! Ты в Персии рождён,
Ты в вере истинной с младых ногтей взращён,
И служишь римлянам?

М е г а т и з

Прости моё паденье:
Неопытность юнца, ошибка, заблужденье,
Подвохи случая, смятенье, ложный шаг,
Слепая ветреность и бедность как-никак
Ведут в наёмники; то и моя, знать, доля.

Ю н ы й А р з е м о н

Худое ремесло! Презренная неволя!
Ты мог свободным быть, как мы, твои друзья.

М е г а т и з

Бедняк повсюду раб; служить – судьба моя.

Ю н ы й А р з е м о н

Близ Ирадана, верь, найдёшь судьбу иную.

М е г а т и з

От римских воинов добра давно не жду я.

Ю н ы й А р з е м о н

Но разве сей трибун, что возглавляет вас,

Не предложил тебе защиту в грозный час?

М е г а т и з

Для римлянина, друг, то словеса пустые;
Трибуна знаю я; в Эмессе, в дни былые
Он с персиянкой жил, и у него был сын;
Узнай, что в те поры жестокий чуженин,
Надменных Кесарей исполнив повеленье,
Эмессу разорил и сжёг без сожаленья
Приют своей любви. Поверь: простой солдат
И вождь исполнят всё, что свыше повелят,
И доказательством тому сегодня стало
Бесчеловечное решенье трибунала;
И большинство моих соратников-солдат
Арзаму защитить осмелятся навряд:
Их жалость недолга и мнит себя неправой,
Любой из них готов пронзить рукой кровавой
То сердце чистое, где властвует любовь,
Когда Верховный жрец пролить прикажет кровь.

Ю н ы й А р з е м о н

Друг, охранит судьба нас в этот час превратный,
Она спасёт сестру от казни святотатной,
Укроет Ирадан Арзаму как отец,
Противен и ему неумолимый жрец,
Он отведёт от нас карающую руку,
Я верю, что сестру не выдаст он на муку,
Он нам из крепости откроет вольный путь.

М е г а т и з

Ты думаешь, ему не терпится рискнуть
На бунт из-за тебя?

Ю н ы й А р з е м о н

Он мне поклялся в этом.
Сестра убеждена, что верен он обетам.
Так, мы уедем прочь! Одним я огорчён:
Что брошу здесь тебя и скроюсь, не отмщён,
Не покарав убийц.

М е г а т и з

Я плачу, и недаром:
Чем обольстился ты? Каким поддался чарам?
Какое колдовство затмило очи вдруг?
Ты мнишь её спасти от их кровавых рук?

Ю н ы й А р з е м о н

Я верю…

М е г а т и з

Что тюрьма для вас откроет двери?

Ю н ы й А р з е м о н

Так.

М е г а т и з

Предали тебя: казнь через час.

Ю н ы й А р з е м о н

Не верю!
Того не может быть! Нет, мир не столь жесток!

М е г а т и з

Свершился на моих глазах преступный торг;
Знай: Ирадана брат, предатель подлый самый,
Верховному жрецу запродал жизнь Арзамы.
Я видел, как вердикт убийца подписал.

Ю н ы й А р з е м о н

Умру…Что ты сказал?

М е г а т и з

Всю правду я сказал,

Она известна всем, лишь ты её не знаешь.

Ю н ы й А р з е м о н

О, звери! Чудища! Меня ты уверяешь…
Не верится… И я поддался на обман!
Ах, как меня оплёл двуличный Ирадан!
Но сбивчивая речь, и долгое молчанье,
И бегающий взор, и тяжкое дыханье,
И мрачный вид…Ах, как трибун хитрить горазд!
Всё говорило мне: не верь ему – предаст!

М е г а т и з

Я говорю тебе, зла не преувелича –
Я видел это сам: Арзама – их добыча.

Ю н ы й А р з е м о н

О, ненавистные! тот самый Ирадан,

Великодушный муж…

М е г а т и з

Над ним стоит тиран.
Придворный, отказать властителю не смея,
Не брезгует клеймом убийцы и злодея.

Ю н ы й А р з е м о н

Но как спасти сестру?

М е г а т и з

Чтоб деву уберечь,
Готов тебе отдать и жизнь мою, и меч,
Но в грозной крепости недремлющие стражи,
Увы, и роковой костёр разложен даже.
Сквозь стражу не пройдёт никто и никогда…
Несчастный, ты куда?

Ю н ы й А р з е м о н

Ты знаешь сам, куда!

М е г а т и з

Остынь, ты вне себя, ты к смерти поспешаешь!

Ю н ы й А р з е м о н

Арзаму гибель ждёт, а ты меня спасаешь!

М е г а т и з

Стой! Вот она сама.

Юный А р з е м о н

Она сюда идёт…

М е г а т и з

Не знает, что костёр её, бедняжку, ждёт…

Ю н ы й А р з е м о н

Молчи! Остерегись открыть ей тайну эту,
Что ты поведал мне, и подчинись запрету.
Нет, не поверю я вовек, что Ирадан –
Злодей…

СЦЕНА II.

ЮНЫЙ АРЗЕМОН, МЕГАТИЗ, АРЗАМА

А р з а м а

Мой милый муж, что мне судьбою дан!
Бог, сочетавший нас, природы Бог лучистый,
Нас вырвал, наконец, из сей земли нечистой…
Ах! Ты ли, Мегатиз? Иль обманулся взгляд?
Огнепоклонник, гебр – ты в крепости солдат?

Ю н ы й А р з е м о н

Сестрица, так и есть.

М е г а т и з

Я от стыда сгораю.

А р з а м а

Ты всё же нам бежать поможешь, полагаю?

М е г а т и з

Надеюсь.

А р з а м а

Хитростью спаситель наш готов
Разрушить помыслы безжалостных жрецов.

Ю н ы й А р з е м о н

Ну, как же… хитростью.

А р з а м а

К побегу всё готово.
Солдаты верные лишь ожидают зова.
Ты с нами, Мегатиз?

М е г а т и з

Да. Вот моя рука.
Пусть силы неравны, но преданность крепка.

А р з а м а

Сам Ирадан и брат его меня спасают.

Ю н ы й А р з е м о н

Слыхал.

А р з а м а

Ты побледнел; но что тебя смущает,
И отчего твой взор заволокло слезой?

Ю н ы й А р з е м о н

Цезен да Ирадан! Где тот и где другой?
Чем заняты они?

А р з а м а

Толкуют со жрецами.

Ю н ы й А р з е м о н.

С убийцами!

А р з а м а

Сейчас они придут за нами.

Юный А р з е м о н

Что ж не торопятся?

А р з а м а

Увидите их вы.

Ю н ы й А р з е м о н *(кидаясь на шею Мегатизу)*

Мой друг! Всему конец! Всё ясно мне, увы!

А р з а м а

Что ясно и зачем тебя грызут сомненья
В тот миг, когда пришло счастливое спасенье
И добрый Ирадан рискует ради нас,
И воля Кесаря герою не указ?
Он жизни не щадит, спасая нас с тобою,
Он предаёт себя, пожертвовав собою!

Ю н ы й А р з е м о н

Из кожи лезет вон!

А р з а м а

Понять тебе пора,
Что ты несправедлив.

Ю н ы й А р з е м о н

Прости меня, сестра,
Но выслушай, молю: друг Мегатиз нам верен,
Он – гебр, как мы с тобой, я твёрдо в нём уверен,
Он близок нам, ему откроем мы сердца;
А в римлянине ты постигла ль до конца
Те думы тайные, что он в душе лелеет?
Припомни: он очей на нас поднять не смеет,
Сочти все мелочи, случайные слова,
Намёки беглые – ты чудом лишь жива!
Кругом тебя враги: жрецы, закон бесстрастный,
Их Кесарь, ты сама! и я, твой муж злосчастный.

А р з а м а

Мой брат возлюбленный, что делать мне, скажи?

Ю н ы й А р з е м о н

Моею преданной любовью дорожи
И помни, что в тебе одной моя отрада,
И в сердце пылкое не лей бездумно яда.

А р з а м а

В повиновении сокрыт порою яд.

Ю н ы й А р з е м о н

Услышь мою мольбу, иль всё пойдёт не в лад,
Умру я, если ты свою нарушишь верность.

А р з а м а

Ужели ведома тебе пустая ревность?
Столь низменная страсть союз наш омрачит,
Одно доверие навек его скрепит.

Ю н ы й А р з е м о н

Арзама, движет мной иное побужденье.

А р з а м а

Ослушаться тебя – прямое преступленье.
Признаюсь, Ирадан со мною ласков был;
Он, чтоб меня спасти, мне руку предложил.
Её отвергла я.

Ю н ы й А р з е м о н

Он любит!

А р з а м а

Я открыла
Великодушному всё, что досель таила:
Про древний наш закон он от меня узнал
И про святой обет, что с детства нас связал,
Брат, я ответила ему на предложенье
Признаньем искренним, исполненным почтенья,
На чувства нежные тем наложив запрет,
Здесь никому ещё не ведом мой секрет.
Не злоупотреби и ты опасным знаньем.

Ю н ы й А р з е м о н

Он любит! и ему ты выдала признаньем,
Какой святой обет навеки нас связал?

А р з а м а

Да.

Ю н ы й А р з е м о н

Ну, и что же он?

А р з а м а

Он ужас испытал.

Ю н ы й А р з е м о н

Всё ясно: он отмстит, врагом он был всегда нам.

А р з а м а

Хоть кажется ему обычай гебров странным
И отвращение к нему питает он,
Всё ж он заступник наш, он чтит чужой закон,
И мы покинем край мученья и угрозы.

Ю н ы й А р з е м о н

Сестра! Всему конец!

А р з а м а

Ты весь дрожишь…и слёзы…

Ю н ы й А р з е м о н

Кто, я дрожу? Мой Бог!

А р з а м а

Ты думаешь сейчас,
Что добрый Ирадан решил оставить нас?

Ю н ы й А р з е м о н

Прости! В сих варварских краях, где зло вершится,
Где каждый встречный – враг, я мог и ошибиться,
И сердце вновь страшит им выбранный удел.

А р з а м а

Уж лучше б ты моё сердечко пожалел!
Не уходи! Моим тревогам нет исхода!

Ю н ы й А р з е м о н *(Мегатизу).*

Друг, береги её…О нежность, о природа!
(в ярости)

Любовь, прости навек! Возмездья пробил час!
Сестра, целую я тебя в последний раз…

СЦЕНА III.

АРЗАМА, МЕГАТИЗ

А р з а м а

Стой! Что задумал он? Куда во гневе мчится?
Зачем теперь, когда должно всё завершиться,
Он от меня бежит? Скажи, чего нам ждать?

М е г а т и з

Беды.

А р з а м а

Не устаёт судьба меня терзать!
Она преследует меня от колыбели.

М е г а т и з

О, если б небеса судьбу преодолели!

А р з а м а

Я трепещу, когда он от меня вдали.
Запасы храбрости моей к концу пришли.
Скажи, что знаешь ты о судьях беспощадных,
О чёрных замыслах сердец их кровожадных?
Поскольку им служить тебя принудил рок,
Проникнуть в тайны их ты поневоле мог.

М е г а т и з

Увы! Спокон времён всё в мире их страшится;
Сам Кесарь вынужден под их ярмо склониться –
Он им потворствует; ужели Ирадан
Восстанет на жрецов? Неуязвим их клан.
Ты думаешь, трибун – твой преданный радетель?
Невинных защищать устанет добродетель,
Сей непосильный долг – обуза для неё.

А р з а м а

Уж если таково везение моё,
И даже Ирадан от бедной отступился,
Лишь смерть…о Боже, что за шум там приключился?
Железный лязг, и стук, и крики слышу я!

СЦЕНА IV.

АРЗАМА, МЕГАТИЗ, ЦЕЗЕН, СОЛДАТЫ, ЮНЫЙ АРЗЕМОН

Ц е з е н

В оковы наглеца! За мной, мои друзья,
Убийцу дерзкого из рук не выпускайте
И тысяче смертей фанатика предайте.
За брата – месть ему!

А р з а м а *(падает на скамью).*

Умру я! Решено…

Ц е з е н

Не ты ль, изменница, с убийцей заодно?

А р з а м а *(вскочив).*

О, что ты говоришь? Мой брат свершил такое?

Ц е з е н

Неблагодарный гебр кровавою рукою

В грудь благодетеля дерзнул кинжал вонзить,
Того, кто вас двоих освободил, убить!
В припадке бешенства пылая злобным жаром,
При мне пронзил его предательским ударом.

А р з а м а

О, небо! Ирадан…

Ц е з е н

По милости богов,
Не суждено ему погибнуть от врагов:
Я видел: дрогнул враг, он ослабевшей дланью
Не смог кровавого закончить злодеянья.

А р з а м а

Я вновь могу вздохнуть…

Ц е з е н

Солдаты, марш вперёд!
Допрос с пристрастием теперь злодея ждёт.
Ну, живо отвечай, кто твой пособник прыткий,
Твоя сестра иль он *(кивая на Мегатиза)*? Не дожидайся пытки!
Молчишь? А мы, глупцы, чтоб вашу жизнь спасти,
Мы оскорбили честь (нам это не к чести)
Богов, и Кесаря, и судей непреклонных,
Верховного жреца – своих господ законных –
Когда покинули постылое житьё,
Рискуя жизнью за тебя и за неё!
За дело доброе – и вот какая плата!

А р з а м а

Брат, что ты натворил! Нет у Арзамы брата!
Как чёрный замысел ты в сердце мог таить?
Стократ преступнее теперь тебя любить.

Ю н ы й А р з е м о н, *Цезену*

Ну вот я и прозрел, всё до конца мне ясно,
Исчезла тьма, и свет меня слепит ужасно.

За преступление ты вправе отомстить,
Но прежде вот о чём хочу тебя спросить:
Не прочил ли твой брат отдать нас в жертву храму?
Верховному жрецу не выдаст он Арзаму?

Ц е з е н

Глупец! Предать её? Он жаждал кровь пролить
Фанатиков, её решивших умертвить.

Ю н ы й А р з е м о н

Во прахе пред тобой, стопы твои целуя,
Трибуна и тебя о милости молю я:
Дозвольте злейшие мне пытки перенесть,
Что для преступника изобретает месть –
Я это заслужил, боль совести порукой,
И пытку не сравнить с моей душевной мукой.

Ц е з е н *(солдатам)*

Теперь преступника передаю вам я.
Но без жестокости свершите казнь, друзья:
Пусть он умрёт… легко.

А р з а м а

Так, был он виноватым.
Пусть и меня, сестру, положат вместе с братом,
Я тоже смертница, вся жизнь моя была
И прежде, и теперь безмерно тяжела,
Одна дорога мне – от лютой смерти сгинуть.
Сестра я и жена – я с ним хочу погибнуть.
Я заслужила смерть.

М е г а т и з

Дозвольте мне сказать:
Ведь это я его кинжал принудил взять;
Составил ложное я о событьях мненье,
Когда увидел вас на месте преступленья,
Подумал я, что вы с трибуном за жрецов;

Что мог бы вывести ещё из ваших слов
Я, простодушный гебр? Ужасное известье
Я другу передал, он загорелся местью.
Но кто виновен? Вы! – Арзаму вам хранить;
Ваш братец жив; ваш долг – по совести судить.

Ц е з е н

Ступай. В сей грозный день из нас плохие судьи,
Мы все, как я сужу – несчастнейшие люди.
Ступай и ты, чья роль впрямь роковой была –
Орудье ужаса, предательства и зла.
Всё ж не жалею я, что за тебя вступился.
Предатель примет смерть; но дух мой сокрушился,
Твоею горькою судьбою уязвлён.
Что проку в жалости – неумолим закон:
Умрёшь ты, такова за иноверье плата.
Казня, я твоего оплакиваю брата.
(солдатам)
Теперь воротимся мы к брату моему
И облегчим ему дней непроглядных тьму.

СЦЕНА V.

АРЗАМА

Он, правый в мщении, рыдает надо мною!
Брат, скоро ты умрёшь, умру и я с тобою,
От рук мучителей уйду тебе вослед
Иль собственной рукой прерву теченье лет…
О смерть! О горькая судьба! О Бог пресветлый,
Ты – всеблагой Творец природы многоцветной,
Ты – совершенства свет, Ты – кладезь доброты,
Ужели нас, людей, на гуре создал Ты?
Чей злобный произвол язвит Твоё творенье?
Природа – дочь Твоя, мы – Божье отраженье.
Но Ариман сумел Твой образ исказить,
Злодейство, подлость, страх, насилье утвердить.
Он – враг Тебе? Так пусть сей дух, во злобе властный,
Отнимет ныне жизнь у пленницы несчастной!
Но верую в Тебя и знаю – смерть моя
Не уничтожит всю, но сохранит меня.
Я в мир пришла к Тебе, мне Ты велел родиться,

И лишь Тебе, Отец, могу я покориться,
И злобный Ариман, что в мир принёс разлад,
Не помешает мне достигнуть отчих врат,
Я, им гонимая, к Тебе теперь прииду,
Забуду на Твоей груди мою обиду,
Есть жизнь блаженная, и, вопреки судьбе,
Ты мне даруешь смерть, чтоб я жила в Тебе!

Перевод с французского Майи Квятковской

ЙОВАН ДУЧИЧ (1874 – 1943)

ИЗ КНИГИ «ГОЛУБЫЕ ЛЕГЕНДЫ»

Йован Дучич – исключительное явление в сербской литературе и культуре. Он родился в Требинье. Служил учителем в Сараево и Биелине, откуда из-за конфликтов с австрийскими властями был уволен и переведён в Мостар. Там вместе с Алексой Шантичем и Светозаром Чоровичем он создаёт литературный журнал «Зора» («Заря»).

В 1899 году он отправляется учиться в Женеву с помощью своих друзей, а затем получает стипендию от правительства Сербии. В 1901 году в Мостаре выходит первый сборник Дучича под простым названием «Стихи». В 1907 году он поступает на работу в министерство иностранных дел Сербии, а на следующий год выходит его вторая поэтическая книга, так же озаглавленная как «Стихи». Эти две книги сделали Дучича (наряду с Миланом Ракичем) одним из самых влиятельных сербских поэтов начала XX века.

Дипломатическая карьера Дучича развивается успешно и размеренно: Константинополь, София, Рим, Афины, Мадрид. После Первой мировой войны Дучич был представителем Сербии в Лиге наций и служил послом в Каире, Будапеште, Бухаресте, Лиссабоне и Мадриде. «Лирическая жизнь» идёт своим чередом, её течение глубоко скрыто под покровами внешней «событийности».

С 1900 по 1925 гг. в Белграде, Софии, Женеве и разных городах Средиземноморья написаны стихи, составившие впоследствии главные поэтические книги прижизненного собрания сочинений: «Песни солнца», «Песни любви и смерти» смерти», «Царские сонеты». В 1905 году в Женеве и в 1915 в Афинах созданы две части книги стихотворений в прозе «Голубые легенды».

В августе 1941 года, после германской оккупации Югославии, Дучич уезжает в Америку и оставляет дипломатическую службу, поселив-

шись со своим двоюродным братом Михаилом Дучичем в Гэри, штат Индиана, где возглавляет организацию «Сербская национальная оборона», пишет историческую прозу и политическую публицистику, редактирует прежние стихи и создаёт новые (в т.ч. патриотические), ведёт ожесточённую полемику с югославским правительством из-за постоянного сокрытия геноцида сербов усташами в Хорватии, Боснии и Герцеговине.

Дучич умер 7 апреля 1943 года и был похоронен в тот день, когда вышла его последняя книга стихов «Лирика», 9 апреля 1943 года в Гэри. Позже его останки были перенесены в монастырь св. Саввы в Либертивилле, штат Иллинойс, а осенью 2000 года, в соответствии с завещанием поэта, перезахоронены в его родном Требинье.

Тончайший и проникновеннейший лирик, никогда не выставлявший напоказ своих чувств и более всего страшившийся, по его собственному признанию, пошлости мысли и пошлости выражения, Дучич создал неповторимый художественный мир, претворив влияния французского Парнаса, импрессионизма и символизма и открыв совершенно новую лирическую территорию, ранее неизвестную в сербской поэзии.

Олег Комков

ЧЁРНАЯ ПЕСНЯ

Это бывало, когда она ещё слыла самой прекрасной и самой печальной женой в мрачном Эскориале; это бывало обыкновенно в долгие дни, в садах, где жили подсолнухи, полные чахлой тоски.

Когда по весне возвращались ласточки в своих монашеских одеяниях из чёрно-белого шёлка, они пели ей некий тёмный напев, принесённый с моря.

Они пели ей, ибо она любила их странную песню и своей рукою в чёрной перчатке кормила их каким-то мелким зерном с далёких островов, чтобы целыми днями могли они петь о Печали.

А когда, впервые облачённая в белый шёлк, с двумя цветками мирта в руке, она почила под серебряным мрамором, над которым мерклый кипарис шумел долгим чёрным шумом, –

Ей захотелось единожды услышать припев Счастья, только единожды.

ЗЕРКАЛА

Она хотела увидеть свою великую красоту, но на свете не было зеркал. Тогда сказала она своему возлюбленному: «Раскрой предо мною

твои огромные глаза, чтобы увидела я свою красоту».

Огромные глаза любящего раскрыли свои сияющие зеркала. Женщина вынула из кос цветы и заколки, обвернулась волосами, словно тенью, и закричала от радости.

И пустилась в пляс – как пламя, как лучи, как тени, как нива, как волны, как змеи, как кошки, как ночные призраки.

И в этой радостной и дикой пляске она разбила зеркала. А разбивши те зеркала, больше не знала, какова она, прекрасна или безобразна. Ибо вместе с потемневшими зеркалами исчезла и она сама.

СВЕТ

Человек в обсерватории ждал, пока в зодиаке блеснёт одна звезда, которую поймает он в свои зеркала и которая станет его открытием. Она понесёт его имя по просторам неба, как носил бы его ребёнок по городским улицам.

Каждый год одной и той же ночью ждал он, когда прольётся свет этого неведомого полночного солнца, которое он предчувствовал, в которое только он один верил и которому предстояло проделать тот же путь, что доселе проделала лишь его беспокойная душа.

Миновали годы и звёзды, а дух его был по-прежнему ослеплён светом той звезды, которая не хотела явиться из своей тайны. Глаза его были ослеплены той синей планетой, что купалась где-то в море собственного сияния, беспечно, как плещется в волнах младая жена, которую никто не видит и никто не стережёт. Но он ждал, пока та звезда взойдёт к назначенной ей точке вселенной, словно по ступеням своего престола.

Так прошла вся жизнь человека, влюблённого в звезду.

Но умер он счастливым, потому что целую жизнь прожил в свете звезды, которая была прекраснее и величественнее всех прочих звёзд, ибо она светила, хотя даже не существовала.

И столько было от неё света, что человек тот никогда в жизни не знал ни сумрачного леса, ни тёмной тропы.

ПЕСНЯ О БОГЕ

В одном краю служил Священник Солнца, ибо люди верили, что благо и красота происходят от света. Но небо там было темно, как сажа, а море серо, как пепел.

А в королевстве, что лежало поблизости, небо сияло и море играло, но люди поклонялись змее.

Через реку, разделявшую эти два края, разговаривали два челове-

ка:

– Мы живём во тьме, а поклоняемся Солнцу, которое нас не согреет. Вы живёте в краю, залитом солнцем, где все плоды спелы и женщины прекрасны, а поклоняетесь Змее. Змеями кишат ваши поля, и воды, и стены ваших домов, и змеи те вас пожрали. Божества наши злы и свирепы. Давай же низвергнем их и найдем другого бога.

Но услыхали то остальные люди в обоих королевствах, и прибежали на берег, и убили двух бунтарей.

И не знали, что были эти два человека велики, словно два божества, ибо только они в беспокойстве своём увидели пришествие нового Бога.

ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Глаза её – что два чада в голубом облаченье, которые держатся за руки и поют псалом царя Давида.

Уста её – что два библейских слова, которые написал пророк, возвратившись из пустыни, где беседовал с Богом.

Слова её тихи, и, когда начнёт она их молвить, это похоже на паденье звёзд над озером Кинерет.

Шаг её лёгок, и она идёт, опустив глаза, думая о своём золотом поясе, о своих павлинах и о холодном лунном свете, что видела однажды на горе Синай.

Ибо она – Эсфирь, дочь вождя моего племени, из царского рода.

И пока ночью я стою на страже пред её шатром, умирая от вожделения, она спит, зажав меж пальцами два серебряных цветка жасмина.

СЕМЯ

Он сеял и пел, и сеял и пел. Он сеял чёрно-белое семя своего сна. Благоухали тёплые весенние ветры, и лёгкие апрельские дожди лились в его серебряные борозды. Вскоре пустыня покроется цветами и розовыми ягодами. Повсюду будут колосья по пояс и леса до небес.

И шёл он всё дальше за солнцем и звёздами, и сеял в пустыне, и пел в тишине. Он не оглядывался и уже не знал обратной дороги к своему очагу.

Он не думал о том, что ветер может унести семена в реку, а утренний мороз – побить молодые побеги. Он не думал о том, что прилетят чёрно-белые птицы и поклюют в блестящих бороздах чёрно-белое семя. Он шёл всё дальше, и сеял, и пел.

Когда же голос его утих, а рука ослабла, и когда захотел он вернуться туда, откуда пришёл, он заблудился в море колосьев, которые

сам посеял, и во тьме лесов, которые сам взрастил... Между ним и целым миром ныне стояли, возвышаясь до небес, ядовитые заросли его сна.

СТАРАЯ ЗАПИСЬ

Море будет говорить тебе о Бесконечности, небо – о Чистоте, а мрачные кипарисы – о Печали. И скажешь ты морю, и небу, и кипарисам: «В моей любви есть и ваша бесконечность, и ваша чистота, и ваша печаль. Ибо душа моя, обожествляя вас, сама образовалась из того, что обожествляла».

Звёзды будут говорить тебе о Вечности, а зори – о Свете. И ответишь ты звёздам и зорям: «Из моей любви рождаются млечные пути, и небесные хороводы, и тихие горные рассветы. Ибо ваша вечность и ваш свет суть не что иное, как свойства любви».

Вечерние сумерки заговорят с тобою о Смерти, а Тишина – о Забвении. – И ответишь ты сумеркам и тишине: «Существует то, что не умирает в людском сердце: это безрассудная, но неодолимая вера в нереальное и невозможное. И существует то, что стоит над судьбою человека: это Любовь, которая, как и Смерть, есть извечная слепая сила природы, а не цель человеческого счастья или несчастья».

Перевод с сербского Олега Комкова

СОВРЕМЕННАЯ АБХАЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

От переводчика. Современная абхазская поэзия, продолжая традиции поэзии народной, обогащаясь русской и мировой классикой, тем не менее, идёт по самобытному пути. И на этом пути исповедует любовь к родной земле, её природе, народу, культуре и сопричастность общечеловеческим ценностям. Автором первой оригинальной книги «Стихотворения и частушки», изданной в 1912 году, стал основоположник абхазский письменной литературы Дмитрий Гулиа. А уже в 1919-м начала издаваться первая общенациональная газета «Апсны»[1], в которой печатались исторические драмы, романтические поэмы и философская лирика не только патриарха абхазской литературы Д. Гулиа, но и поэтов, ставших впоследствии национальными классиками: С. Чанба, М. Лакрба, И. Когониа, М. Хашба.

Выход абхазской поэзии к всесоюзному и мировому читателю

[1] Апсны – «страна души», древнее название Абхазии. (Прим. пер.).

стал возможным благодаря изданию на русском языке в Москве (1958 год) «Антологии абхазской поэзии», что стало огромным событием в литературной жизни Абхазии, так как антология отразила её полувековой стихотворный опыт. Прерванное в 90-е годы знакомство русскоязычных читателей с абхазской поэзией сейчас восстанавливается. В 2016 году в Москве был издан сборник стихотворений поэтов Абхазии «Сухумская крепость», который свидетельствует: столетняя поэтическая традиция жива, в ней усилилось лирическое начало, и продолжают рождаться новые художественные формы, питающиеся родниками древней национальной культуры. Сегодняшний день абхазской поэзии насыщен чувствами, исторической памятью и философским осмыслением действительности. Публикуемые ниже стихи современных абхазских поэтов ранее на русский язык не переводились.

СЕРГЕЙ АГЫНДИА (род. в 1953 г.)

Окончил филологический факультет Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Член Союза писателей Абхазии, Ассоциации писателей Абхазии, Союза журналистов России. Работал в редакциях газеты «Апсны», журнале «Алашара». С 2013 г. консультант Союза журналистов Абхазии. Его избранные стихи переведены на русский, абазинский, армянский, осетинский и другие языки. Автор 7 поэтических сборников.

ВРЕМЯ-ПТИЦА

«Время-птица летит и летит».
Юрий Кузнецов

Вся жизнь во сне – до неба не достать,
И время-птица путь нам не покажет,
Хоть ею управляет благодать.
Замкнулся мир – и сон стоит на страже.

Проходит жизнь сквозь множество прорех,
Зерно для птицы-времени очистив.
С теченьем рек играет детский смех,
Впадая в море облетевших чисел.

Ты понимаешь, человек, о чём я?
О птице, хлеб клюющей из горсти,
О времени неузнанном и тёмном,

Способном мчаться и с ума свести
На месте ровном…
Вселенная готова нас спасти.

ЦВЕТЫ КОВЧЕГА

Армянский алфавит и письмена абхазов
Скрестили два крыла, когда раздался стон
Над Турцией немой… И вдруг взорвался разум:
Кровавая резня… Младенцев пантеон…

Крылатые дрожат орёл и конь небесный –
На солнце запеклись святые имена,
И вечному добру под ним уже нет места,
Но Сеятель пришёл, раздвинув времена.

Ковчег… – из лепестков. Цветы… – из алфавита.
И к Арарату путь Маштоца[1] и Дырмита[2].

СПИТАК

От боли, рыданий и мрака
Огни не погасли Спитака[3] –
Горят среди песен убитых,
И небо для света открыто.

Там ангелов Божий дом,
Там звёзды висят гнездом.

Не надо, Вселенная, плакать:
Любовь – возрожденье Спитака.
Его не погасли огни,
И дети его не одни.

---

[1] Месроп Маштоц (361/362-440 гг.) – создатель армянского алфавита. (Прим. пер.).
[2] Дырмит Гулиа (1874 -1960 гг.) – народный поэт Абхазии, основатель абхазской письменной литературы. (Прим. пер.).
[3] Спитак – город в Армении, разрушенный землетрясением 7 декабря 1988 года. (Прим. пер.)

ЭНВЕР АЖИБА (род. в 1958 г.)

Окончил филологический факультет Абхазского государственного университета. Член Ассоциации писателей Абхазии, Союза журналистов Абхазии, международной Конфедерации журналистских Союзов. Главный редактор газеты «Апсны». Автор 11 поэтических и прозаических сборников.

ВЕТЕР

Окно ходуном и стекло дребезжит,
Промозглое тело болит:
– Впусти же, впусти! До утра не дожить, –
Так ветер собакой скулит.

Спасение ищет во мне и тепла,
Всё лижет и лижет мой дом.
Широкая улица ветру мала –
Он бьётся, виляя хвостом.

Стекло дребезжит и дверь ходуном,
Дрова я бросаю в камин:
– Согрейся же, ветер, горячим столбом,
Хочу, чтоб ты был невредим!

Растаяли звёзды, и утру пора
Небесную высь сторожить.
Но ветер не умер, как думал вчера –
Он в сердце моём будет жить.

***

Я ветер согревал в своей груди,
Когда его от холода трясло,
И под капель, звенящую в пути,
Я щёки подставлял, даря тепло.

На травы дул, желанием горя,
Чтоб зеленели вечно, а не миг,
Я тучи прогонял, когда заря
Освобождала солнца яркий лик.

И треснул лёд, сковавший родники,
Снега ручьями побежали с гор
И, наполняясь силою реки,
Открыли моря синего простор.

Цветы перед раскрытьем напряглись
Бутонами сплочённых лепестков
И с почками деревьев обнялись,
С землёй и миллионами ростков.

Природа, восклицая, ожила,
Проснулась, в птичьем гомоне дрожа,
И я поверил, что она ждала,
Меня ждала. И в ней моя душа.

***

Весёлый смех на берегу –
Как в детстве мимо не могу
Пройти русалок колдовства,
Их песенка проста, чиста.

Они поют: «Ну, подойди же!»
И я послушно – ближе, ближе
К созданьям божьим подхожу
И с восхищением гляжу:

Сверкают брызги – справа, слева…
О, как прекрасны эти девы!
Чтоб сразу не пойти ко дну,
Мне нужно выбрать лишь одну.

И замер я. А солнце жадно
Следит, как тяжело, нескладно
Пытаюсь ноги оторвать
От берега… Не смог опять.

ЗАИРА ТХАЙЦУК (род. в 1966 г.)

Окончила филологический факультет Абхазского государственного университета. Член Союза писателей Абхазии. Работает главным редактором Управления учебного книгоиздания Министерства образова-

ния РА и консультантом Союза писателей Абхазии. Автор 6 поэтических и прозаических сборников.

***

Абхазия прекрасная моя!
Душа моя, которой я с рожденья
Дышу, дыханье в счастье затая
Восторга, удивленья, преклоненья!

И если твой не дунет ветерок –
Я задохнусь. А если вдруг поникнут
Вершины гор – растаю в тот же срок.
С тобой соединённая, воскликну:

«Люблю тебя!..» И гневом опалюсь,
Когда чужак «Апсны» забудет имя,
А если повторит за мной «люблю»,
От ревности умру неодолимой.

Отдай мне горестей глубины и края,
Прекрасная Абхазия моя!

***

Стонал от близкого заката,
От груза давящего день,
И ночь смотрела виновато,
Как сумерки теряют тень.

На грани чёрного провала
День коронован был венцом
И умирал… А ночь не знала,
Что он свивается кольцом.

***

Я нежно в зелёное небо плыву,
И брызги его, разлетаясь игриво,
Ласкают глаза и пронзают листву –
В руках моих солнца лучистого грива.

Таинственной песни распахнутый звук,
Со мною проснувшийся в утренней сказке,
Не выпущу больше из солнечных рук,
Не выпущу время и воздуха краски!

Перевод с абхазского Надежды Осьмининой

ДУГАРЖАП ЖАПХАНДАЕВ
(1921 – 1999)

Дугаржап Жапхандаевич Жапхандаев – бурятский поэт, журналист. Его первые литературные опыты относятся к довоенным годам. Участник Великой Отечественной войны. Лучшие произведения автора вошли в сборник «Звонкая мелодия» (Улан-Удэ, 1967). Его поэзии свойственна гражданственность, стихи воспевают человека труда, красоту родной природы. Этой теме посвящена также книга прозы «Алханай – шамбала моей души» (Чита, 1999), изданная после смерти автора в переводе Виктора Балдоржиева. В ней автор глазами ребенка показал мир сородичей, живших в разные годы у отрогов Алханая[1].

ПОСТИЖЕНИЕ СМЫСЛА

АРГАЛИ

Алханай – мир чудесной природы:
Величаво вершины встают,
И семнадцать ключей свои воды
Вдоль подножий ручьями несут.

В старину называли вершины,
Скажем – Батор, Богатый, Седой…
И в названии каждом – причина,
Ибо мир здесь особый, иной.

Ароматные травы высоки,
На Ононе круты берега,
Тарбаганы свистят одиноко,
И стоит на скале кабарга.

[1] Энциклопедия Забайкалья http://www.encycl.chita.ru/encycl/person/?id=1830

И нехожены здесь солнцепёки,
И пасутся на них аргали.
Приближались охотники в сроки,
Но добраться до них не смогли.

Старый дед мой в сумбурные годы
Ставил сошки винтовки не раз.
Смутный гул живой, дикой природы
Отдалялся в испуге от нас…

Это время ушло безвозвратно,
И теперь не узнать Алханай…
Дикий мир аргали непонятный
Скрылся в людям неведомый край.

НАКАЗ

Как осеннее небо высоко,
Увядают цветы и листва,
Тучи в далях белеют далёко,
И в степи порыжела трава.

И прохладный я воздух вдыхаю.
Светлый образ встаёт предо мной.
Ты послушай меня, дорогая,
Сердце полно тобою одной.

Тропы наши не смыты грозою,
Думы полны туманами грёз…
Вот закончишь учебу весною
И приедешь работать в колхоз.

Здесь спокойное небо над нами,
И дома за распадком встают.
Мы в колхозном саду за домами
Будем слушать, как птицы поют.

И расстелет цветы, раскрываясь,
Алханайский простор голубой.
И, к вершине горы прикасаясь,
Облака поплывут над землей.

Приезжай поскорей, дорогая,
Я живу, лишь тебя ожидая…

НАРОДНОЕ

Весь в лучах предрассветного солнца,
Мой высокий проскачет гнедой,
И в предутренней зябкой прохладе
В травах росных подруга спешит.

Время времени – рознь и, конечно,
Белый снег превращается в дождь.
Есть там Белое Озеро, где мы
Будет ставить стоянку свою…

Мотоцикл, машина, не важно,
Но поскачем быстрее коня.
Мы решили давно и надёжно –
Будем жить чабанами в степи.

ПЕСНЯ ИЗЮБРЯ

Тихий ласковый вечер осенний,
Алханай в предзакатных лучах.
Зазвучала таёжная песня –
Трубный рёв на крутых солонцах,

Или в чаще нетронутой, дикой,
С фермы бык, затерявшись, ревёт,
Где-то рядом исходит он криком
И, почуяв, соперника ждёт?

Может быть. Лунный вечер светлеет,
Тает эхо в туманной тиши…
Или где-то, спектакль затеяв,
Дуют в гулкий дунгар[1] от души?

Старики на завалинке чинны,
Рядом с ними и дядя Буда.

[1]Дунгар – раковина. (Прим. пер.).

– Посевная прошла, овцы жирны,
Изюбриная песня всегда

Извещает: довольна природа,
И богатство, и благо несёт…
Дядин внук говорит:
– Это, вроде,
За стеной телевизор орёт?

Но молчит его дед, погружённый
В свои думы и песни лесов,
С ними слит он душой умудрённый,
Ибо всё понимает без слов…

«Коль пришёл мою песню послушать –
Мои годы себе заберёшь.
Если плоть мою хочешь ты скушать,
Ты рогов моих срок обретёшь…»[1]

Этой песне призывной внимая,
Каждый думает думу свою.
Может, в чаще тот зов принимая,
Кто-то сгинет в жестоком бою?

Вот ревёт он и землю взрывает,
В серебристой пыли и грязи,
И отростки рогов навостряет,
И соперника ищет вблизи,

Молодого и быстрого. Семя
Источает, взрывает его.
Запах мускуса – смутное время,
Но победа всегда одного.

Будет буйствовать он до восхода,
Наклоняя крутые рога.
Вот трубит свою песню исхода,
Отзывается стоном тайга...

[1] Бурятская пословица, мудрость. Изюбрь говорит: «Если ты пришёл слушать мою песню, то проживёшь долго, но если я нужен тебе только на мясо, то будешь жить столько, сколько живут мои рога», которые отпадают каждую весну, то есть срок жизни человека будет очень коротким. (Прим. пер.).

МЕТКОМУ СТРЕЛКУ ИЗ ЛУКА

Пожелаем всем жизни без горя,
Старикам мы окажем вниманье!
На широком колхозном просторе
Начинаются шумно гулянья.

И синеют долины и горы…
Начинает народ состязанья,
Стариков молодеют там взоры,
Да исполнятся их пожеланья!

Крепок лук боевой и старинный,
Крепок лучник, пускающий стрелы,
Изогнув роговые пластины,
Оттянув тетиву до предела…

Будут петь старики ему славу,
И вздыхать, и смеяться девчата.
И завидовать силе и нраву,
И подбадривать криком ребята.

В нём отцовская скрыта надежда,
Мать в себе ту надежду носила,
Всё сошлось в нём! Но всё-таки, прежде,
От земли его предков та сила…

Вот очерченный круг. И в мишени
Попадал он и точно, и смело.
Поднимаясь теперь на ступени,
Он вздымает в руках свои стрелы.

И напомнил нам наши сайдаки,
Где и луки, налучья и стрелы,
Где летящие вдаль аргамаки,
Пыль веков и земные пределы…

Слава мощному луку и стрелам!
Слава лучникам сильным и смелым!
Слава помыслам чистым и белым!
Путь-дорогу осилившим – слава!

НА ПРАЗДНИКЕ

Там, где празднуют люди, трава зеленеет,
Где веселье – цветы расцветают весной.
Кто быстрее и выше, смелее, сильнее,
Или чьи иноходцы сразят быстротой?..

Что ж, проверим сегодня и ловкость, и силы,
Засвистела стрела – это только зачин.
Целый год молодёжь мощь и силу копила
Для забав и для игр настоящих мужчин.

На полях золотится и спеет пшеница,
На лугах ходит тучный, откормленный скот.
Оттого и сегодня так веселы лица,
Оттого восславляют колхоз и народ!

Здесь и с фермы девчата, и с поля ребята,
На почётных местах ветераны сидят.
Наша Родина всем и сильна, и богата,
Прославляя её, наши песни звенят…

НА ЗОЛОТОМ ТРОНЕ

«В дальний путь отправляясь, княгиня[1]
(Много воинов было у ней)
Помолилась богам и богиням
И вот здесь задержала коней…

Вон тот трон, где она восседала,
Видишь камни – похожи на трон:
Видишь – локти её возлежали
На округлых камнях с двух сторон.

И смотрела на синие дали,
Недруг мог появиться там вдруг,
Валуны здесь её обступали,
И цветы распускались вокруг…»

[1] Княгиня бурят – Бальжин-хатан. (Прим. пер.).

Старики мне под рокот машины
Говорили так. Грозен был век,
Предо мной вставал образ княгини.
Только что это? Там – человек!

Он сидит, развалившись, на троне.
Дух, хозяин, а может быть – сон?
Но под солнцем горит раскалённо,
Золотится под ним его трон.

Смотрит пристально в синие дали,
Там отара уходит в туман…
Старики рассмеялись:
– Не знали?
Это Ампил, колхозный чабан…

Перевод с бурят-монгольского Виктора Балдоржиева

УОЛТ УИТМЕН (1819 – 1892)

К 200-летию со дня рождения

31 мая 2019 года исполняется двести лет со дня рождения Уолта Уитмена. В этот день родился великий американский – и великий всемирный поэт, создатель новой, небывалой доселе поэзии. Хотя, если быть точным, сама эта поэзия родилась не вместе с Уитменом, ей надо было ещё созреть и прорасти – первое издание «Листьев травы» было опубликовано 4 июля 1855 года, когда Уитмену было 36 лет.

И об Уитмене, и о его «Листьях» написано уже столько, что нет никакого смысла пересказывать всё это ещё раз, тем более в краткой заметке. Поэтому я коснусь здесь лишь одной, но действительно важной темы: если мы говорим о мировом значении поэзии Уитмена, то у каких авторов – отнюдь не эпигонов, но поэтов соразмерного масштаба – воздействие идей и поэтических открытий «Листьев травы» проявилось сильнее всего?

Главный наследник Уитмена в североамериканской поэзии – это, конечно же, Аллен Гинзберг. Где-то около 1953 года он усваивает уитменовский принцип свободного дыхания, порождающий длинный текучий стих, и начинает писать стихи в ключе уитменовской поэтики. Ряд важнейших стихотворений Гинзберга прямо связан с Уитменом «Листьев травы»: это «Любовная поэма на тему Уитмена» (1954), «Су-

пермаркет в Калифорнии» (1955), «Почему это любовь, Джек» (1963) и ещё два стихотворения, написанные в 1984 году: «Импровизация в Пекине» (важнейшее для понимания того, как Уитмен был воспринят Гинзбергом!) и «Я так люблю старика Уитмена».

Два главных героя латиноамериканской уитменианы – это Хорхе Луис Борхес и Пабло Неруда. Оба они переводили Уитмена на испанский. Борхес усвоил у Уитмена многое, в том числе идею составления длинных поэтических перечней, которые появляются в его раннем сборнике «Луна напротив» (1925) и пишутся вплоть до самых поздних книг (сразу же вспоминаются классические «Поэма о дарах» и «Что ему снится»). Духом поэзии Уитмена пропитана «Всеобщая песнь» Неруды (1950) и многие другие его книги. Если переходить от испанского языка к португальскому, мы встречаемся здесь с ещё одним великим уитменианцем – Фернандо Пессоа, а ещё вернее – с его гетеронимом Алвару де Кампушем, автором великолепной «Морской оды» (1915).

Если говорить об уитменианцах в русской поэзии, для меня таким, безусловно, является великий поэт Виктор Полещук, возьмём ли мы его парные оды, опубликованные в 1991 году в «Антологии русского верлибра», или более позднюю «Меру личности» (2006).

Теперь немного о стихах из «Листьев», представленных в этой подборке. Все они взяты из раздела «Барабанный бой», и связаны с событиями Гражданской войны в США. Здесь мы видим военные зарисовки, аналогией которым в живописи, пожалуй, являются картины Василия Верещагина. Так же, как Верещагин, Уитмен, всю войну проработавший в госпиталях братом милосердия, поднимается к осознанию всей жути братоубийственной войны и пониманию того, что любая война братоубийственна по своей сути. А далее пусть стихи говорят сами за себя.

КОННИЦА, ИДУЩАЯ ЧЕРЕЗ БРОД

Длинная цепочка между зелёными островами;
Движутся змейкой – руки блестят на солнце – слышатся звуки марша;
Вот серебристая река – лошади брызгаются, мешкают, перестают пить;
Вот загорелые люди – каждая группа и каждый человек как картина –
небрежный отдых на сёдлах;
Одни выходят на берег – другие только заходят в воду – а в это время
Алый, и синий, и снежно-белый,
Линейные флажки на пиках весело развеваются на ветру.

ЛАГЕРЬ НА СКЛОНЕ ГОРЫ

Я вижу перед собой армию, вставшую лагерем на ночлег;
Внизу – плодородная равнина с амбарами и зелёными садами;
Сзади – гора поднимается вверх, местами крутые уступы;
Разбитые скалы, кручёные кедры, высокие смутные очертания;
Многочисленные костры здесь и там, и даже наверху, на горе;
Тёмные силуэты лошадей и людей, смутные, выросшие в размерах;
А над всем этим – небо! недоступные, в далёких разрывах, вечные
звёзды.

АРМЕЙСКИЙ КОРПУС НА МАРШЕ

Сначала облачко дыма над стрелками в авангарде,
Звук одиночного выстрела, как щелчок кнута, и беспорядочная пальба,
Ряды столпились и напирают дальше, плотные бригады напирают
дальше;
Смутный блеск, маета под солнцем – покрытые пылью люди,
Колонны поднимаются и спускаются, следуя формам рельефа,
С вкраплениями артиллерии – скрип колёс, потные лошади –
Так выдвигается армейский корпус.

У ТРЕПЕТНОГО ОГНЯ БИВУАКА

У трепетного огня бивуака
Эта процессия обходит вокруг меня, торжественно, сладко и медленно –
но сначала я замечаю
Палатки заснувшей армии, смутные очертания полей и лесов,
Темноту, освещённую огнями костров – тишину;
Случайная фигура движется призрачно, вблизи или дальше;
Кусты и деревья (я поднимаю глаза, и мне кажется: это они наблюдают
за мной);
Тогда как ветер в процессии мыслей – О, нежные и чудесные мысли
О жизни и смерти, о доме, о прошлом, о любви, и о тех, кто так далеко;
Торжественная и медленная процессия, а я в это время сижу на земле,
У трепетного огня бивуака.

ОТЕЦ, ПОСПЕШИ ДОМОЙ С ПОЛЕЙ

Отец, поспеши домой с полей, это письмо от нашего Пита,
Мама, иди сюда скорей, вот письмо от нашего милого сына.

Взгляни: это осень,
Посмотри: потемнела зелень деревьев, виден жёлтый и красный,
Над Огайо веет прохладой, листья дрожат на лёгком ветру,
Яблоки созрели в садах, виноградные грозди в шпалерах,
(Слышишь запах виноградных гроздей?
Слышишь запах гречихи, над которой гудят поздние пчёлы?)

Посмотри: какое спокойное небо, прозрачное после дождя, с чудесными облаками,
И под ним тоже всё такое спокойное, всё прекрасное и живое, и фермы полны процветанием.

Там, в полях, всё полно процветанием,
Вот и отец возвращается быстро с полей, дочь его позвала,
И мать вышла из дома, встала прямо в дверях на пороге.

Она торопится, быстро, что-то зловещее, и дрожат шаги,
Она не пригладила волосы и не надела чепец.

Быстро вскрывает конверт,
Это не почерк нашего сына, но вот его имя,
Чья-то рука писала за нашего милого сына, о, раны материнской души!
Всё плывёт перед глазами, темнеет, она ухватила лишь несколько слов,
Рваные фразы: *огнестрельная рана в груди, кавалерийская схватка, попал в госпиталь, плохо сейчас, скоро ему станет лучше.*

Сейчас я вижу только эту картину,
Среди всего изобилия и богатства Огайо, среди всех его городов и ферм,
Белая маска на лице, тупость в голове, сильная слабость,
Она прислоняется к косяку.

Не печалься, милая мама (повзрослевшая дочь говорит сквозь рыдания,
Маленькие сестрёнки обнимаются смущённо и молча),
Милая мама, смотри, здесь написано, скоро ему станет лучше.

Ах, бедный мальчик, ему никогда не станет лучше (нет надежды для этой простой и смелой души),
Они стоят сейчас на пороге, а он уже умер,
Умер их единственный сын.

Но мать так верит, что ему станет лучше,
Вот она, вся измождённая, одетая в чёрное,
Днём ничего не ест, а ночью то спит, то ходит по дому,
Ночью ходит, рыдает, тоскует в сплошной и глубокой тоске,
О, если бы ей уйти незаметно, молча оставить эту жизнь и уйти,
Чтобы идти, чтобы искать, чтобы быть рядом с её дорогим мёртвым сыном.

СТРАННУЮ СТРАЖУ Я НЁС

Странную стражу я нёс на поле брани однажды ночью:
Когда ты, мой сын и товарищ, упал рядом со мной в этот день,
Один лишь раз я взглянул на тебя, и твои дорогие глаза возвратили мне этот взгляд, и я его никогда не забуду;
Одно касанье руки, о мальчик, когда ты опустился на землю;
И я устремился в битву, которая шла с переменным успехом;
К ночи она утихла, и вот я вернулся на место;
Нашёл тебя мёртвым, холодным, мой верный товарищ – нашёл твоё тело, мой сын, отвечавший на мои поцелуи (больше никогда на земле они не вернутся);
Открыл твоё лицо в свете звёзд – странная сцена – дул ровный холодный ветер;
Потом я долго стоял там тогда на страже, смутно вокруг меня раскинулось поле сражения;
Чудесная стража и сладкая стража, там в ароматной тихой ночи;
Но ни одна слеза не упала, ни единый долгий неясный вздох – долго, долго я смотрел на тебя;
Потом я сел на землю рядом с тобой, наклонившись, подбородок опустив на колени;
Сладкие часы проходили, бессмертные и таинственные часы рядом с тобой, дражайший товарищ – ни слезы и ни слова;
Стража молчания, любви и смерти – стража для тебя, мой сын, мой солдат;
А звёзды беззвучно двигались в небе, и восходили новые на востоке;
Последняя стража для тебя, смелый мой мальчик (тебя я не смог спасти, быстрой была твоя смерть,
Я верно любил тебя и заботился о тебе – я уверен, мы встретимся снова);
И на самом исходе ночи, когда начал заниматься рассвет,
Я завернул моего товарища в его одеяло, хорошо обернув его тело,
Умело подвернув, аккуратно прикрыв его голову и аккуратно завернув его ноги;

И вот, там и тогда, я опустил, на восходе солнца, моего сына в его могилу, в грубую могилу я его положил;
Этим я завершил свою стражу – стражу ночи и смутного поля битвы;
Стражу мальчика, отвечавшего на мои поцелуи (больше никогда на земле они не вернутся);
Стражу товарища, нашедшего быструю смерть – эту стражу я никогда не забуду; и вот, с наступлением ясного дня,
Я поднялся с холодной земли, и хорошо завернул моего солдата в его одеяло,
И похоронил его там, где он упал.

МАРШИРУЕМ В СТРОЮ

Маршируем в строю, усталые, по неизвестной дороге;
Путь по заросшему лесу со смутными утёсами в темноте;
Наша армия понесла тяжёлые потери, её остатки отступают угрюмо;
После полуночи – мерцание впереди, свет тускло освещённого здания;
Мы выходим на поляну в лесу, и встаём около тускло освещённого здания;
Это большая старая церковь на перекрёстке дорог – она наспех оборудована под госпиталь;
Заглянув в неё всего на минуту, я вижу картину за пределами всех написанных прежде стихов и картин:
Тени глубочайшего, глубочайшего чёрного, едва освещённые движущимися свечами и фонарями;
И одним большим смоляным факелом, неподвижным, с диким красным пламенем и тучами дыма;
Рядом толпы, группы тел, я их вижу смутно на полу, некоторые лежат на скамьях;
У моих ног, более чётко, солдат, обычный парень, смертельно истекающий кровью (рана в живот);
Я временно останавливаю кровь (лицо юноши бледно, как лилия);
Затем, прежде чем уйти, я поднимаю глаза и смотрю на сцену, пытаясь впитать её всю;
Разнообразие лиц, позы за пределами слов, большинство в темноте, некоторые уже мертвы;
Хирурги оперируют, помощники держат свет, запах эфира, запах крови;
Толпа, о толпа солдатских окровавленных тел – двор снаружи ими тоже заполнен;
Кто-то на голой земле, кто-то на досках или носилках, кто-то в смертельной испарине;
Случайный крик или стон, доктор выкрикивает приказы и просьбы;

Блеск маленьких стальных инструментов, вобравший блеск факелов;
Вот он, итог этой песни – я опять вижу эти тела, я дышу этим запахом;
Затем снаружи я слышу приказ: подъём, мои люди, подъём;
Но сперва я склоняюсь над умирающим парнем – его глаза открыты –
он слабо улыбается мне;
Затем глаза закрываются, спокойно закрываются, и я быстро выхожу
в темноту,
Снова маршируем, даже во тьме маршируем, в строю,
По неизвестной дороге мы маршируем опять.

ВИД НА ЛАГЕРЬ В СВЕТЕ ДНЯ

Вид на лагерь в свете дня, сером и смутном,
Я вышел сонный из палатки в такую рань,
Я неспешно шёл на свежем прохладном воздухе, по тропинке рядом
с госпитальной палаткой,
И увидел на носилках три тела, выставленные из палатки наружу,
Над каждым развёрнуто одеяло, широкое шерстяное коричневое одеяло,
Серое и тяжёлое одеяло, подвёрнутое, закрывшее всё.

Любопытный, я остановился и молча стоял;
Затем я лёгкими пальцами с лица того, кто был ближе ко мне, первого,
поднял одеяло:

Кто ты, пожилой человек, такой измождённый и мрачный,
с поседевшими волосами, с глубокими впадинами вокруг глаз?
Кто ты, дорогой мой товарищ?

Затем я стал возле второго: кто ты, моё дорогое дитя?
Кто ты, сладкий юноша, со всё ещё розовыми щеками?

Затем возле третьего, с лицом не ребёнка, не старика, таким спокойным,
словно из прекрасной жёлто-белой слоновой кости;
Молодой человек, я ведь знаю тебя: я думаю, что твоё лицо – это лицо
самого Христа;
Мёртвый и божественный, брат всем и каждому, вот он лежит здесь
опять.

Перевод с английского Андрея Щетникова

КШИШТОФ МАРИЯ СЕНЯВСКИЙ (1951 – 2001)

РУССКИЕ СНЫ ПОЛЬСКОГО ПОЭТА

Творческие связи русских и польских литераторов имеют глубокие корни, начиная с прекрасной дружбы великих поэтов – Александра Пушкина и Адама Мицкевича. Вспоминаются поэтические посвящения Булата Окуджавы чудесной польской поэтессе Агнешке Осецкой. Кшиштоф Мария Сенявский, которого в Польше называют «фантастический поэт, нетрадиционный мыслитель», с детства был очарован русской литературой, в особенности поэзией. Лет в восемь он с восторгом прочёл романтические произведения Александра Грина. А в юности уже стал настоящим знатоком русской культуры.

Кшиштоф Сенявский много и увлечённо занимался переводами русской поэзии. Это были как поэты-классики, так и современные поэты: Пушкин, Лермонтов, Фет, Блок, Есенин, Пастернак, Ахматова, Маяковский, Евтушенко, Высоцкий, Шкляревский и др. В Польше он имеет репутацию одного из выдающихся переводчиков Есенина. Об этом пишет, вспоминая дни молодости, знаменитый бард Яцек Качмарский, которого называли «польским Высоцким»: «Мы подружились в 70-х годах через студенческое движение. Сенявский, как и я, был увлечён русской культурой. Он был отличным переводчиком, в основном Есенина. Это был очень странный человек, застенчивый, с личными проблемами. Но эти стихи, на мой взгляд, отличные: «Друзья, которых не было», «Смех», «Эпитафия для Сергея Есенина...» (из книги Кшиштофа Гайда «JK в свете текстов»). Другой известный бард Пшемысла Гинтровский дебютировал в 1976 году песней «Эпитафия для Сергея Есенина»[1] на слова Кшиштофа Сенявского.

«Эпитафия» Сенявского – крупное, сложное произведение сугубо лирического характера, с набором цитат («Отвори мне, страж заоблачный...») и криптоцитат из есенинской поэзии – заканчивается перекликающимися с клюевским «Плачем о Есенине» словами: «Помолись, помолись за Есенина». (Е. Шокальски «Сергей Есенин – поэт, в Польше не забытый»).

Нас с Кшиштофом связывала возвышенная поэтическая дружба, мы посвящали друг другу стихи, писали письма. В письмах он рассказывал мне о своих литературных снах: «из «снов поэтических» я расскажу Тебе об одном – это был СОН О ПУШКИНЕ (интересно: я никогда не встречался во сне с польскими поэтами, хотя некоторые из них невероятно близки моему сердцу – как, например, Мицкевич, Норвид,

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Сенявский,_Кшиштоф_Мария#cite_no te-5

Тувим или Лесьмян).

Я в каком-то трактире играл в карты с кавалергардами, «шатался, вольничал» – потом вдруг вбежал со двора Пушкин, заказал стакан вина, и мы выпили на брудершафт. Ах, я любил чудесную Натали, но я не мог сказать ему об этой страстной любви. Ведь я стихами его дорожил, как никто другой, и знал, что мой гений погибнет, что красавец Дантес невдалеке… Мы погрузились в молчание, а в молчании мешал нам только громкий смех кавалергардов – все они были под хмельком. Они плясали с трактирными девками, шутили и пели – безумные, радостные. Не любил я их. Пушкин (такой же, как на картинах) погрустил немножко и успел только спросить меня: «Как жизнь?» – но я ответить уже не успел. Он где-то исчез. Я выбежал во двор, на мороз. Полнолуние – как в Твоём переводе. Ни черта нет. Я потом быстро проснулся, но увидел ещё сквозь украшенное морозом окошко кабака, как один из толпы кавалергардов целовал девку, а другие пропойцы аплодировали этой жуткой паре. Я вздрогнул от отвращения: ведь это красавец Дантес, мой враг, которого надо непременно убить, как паршивую собаку. Схватился я за саблю и… проснулся. С тех пор ненавижу кавалергардов и тоскую по молчаливому Александру Сергеевичу. А неверную женщину Натали издавна разлюбил… Лермонтов тоже мне снился (об этом я ещё расскажу в будущем, после этого сна я написал длинное стихотворение «Брат мой Лермонтов», но оно, можно сказать, – трагическое…».

Теперь хочу дать слово польским литературным критикам.

Камил Дзвинел в статье «Кшиштоф Мария Сенявский – человек песни» интересно и точно пишет о связи поэта с русской поэтической традицией: «Поэтический стиль Сенявского определила – наряду с польской поэзией, очень глубоко осмысленной, в – Россия и её поэты, которые привлекли его не только мелодичностью стиха, пластичностью образов, но и, прежде всего, неуловимым элементом славянства с экзистенциальными метаниями и Русью святой, которая «шумит Поморьем в рязанской душе» («Эпитафия Сергею Есенину»). В душе Сенявского – раскрывающейся в стихах поэта – мы можем открывать всё новые уровни эмоциональности, можем получать из неё то, что никогда не бывает в моде, но что делает жизнь прекрасней». Известный литературный критик Лешек Жулинский философски осмысливает взаимодействие двух культур в творчестве Кшиштофа Сенявского (статья «Кшиштоф Мария Сенявский (1951–2001), то есть на другой стороне солнца»).

«Пушкин, Лермонтов, братья Карамазовы, Печорин, думаю, это были сновидческие воплощения Кшиштофа. Впитывая эту культуру и мифологию, он был чутко настроен на «нерв достоевщины». Эта особенная восточнославянская меланхолия и ностальгия, героизм и безнадёжность, вольность и неволя, нигилизм и горячка сердца, степная бес-

крайность души, боли, стенаний и любви разжигала в нём огонь. … Он искал в «русском варианте» античный гуманистический универсум». В стихах Кшиштофа кроме уже упомянутых русских писателей и поэтов появляются Владимир Соловьёв, Гумилёв, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Багрицкий, Высоцкий и другие.

Предлагаю подборку стихов Кшиштофа Сенявского, связанных с Россией и русской культурой.

Евгения Славороссова

РОССИЯ

Е. Славороссовой

За журавлиным клином
Следим под небесами –
За их полётом длинным
Над полем, над лесами,

За вольной птичьей братией,
За волею их грозной.
Степь – крёстная их матерь,
А смерч – отец их крёстный.

Печальный клин бродячий
Над ярмаркой весёлой –
Звезда о них заплачет,
Простятся с ними сёла.

Летят легко, как души,
Что улиц не разбудят,
Над всей страной уснувшей,
Но клич их слышат люди:

«За дальним морем синим,
За неизвестным краем
Мы в звёздном небе сгинем,
Уйдём – куда не знаем».

Кричат они свысóка,
В пути теряя силы:
«Святое сердце Блока,
Спаси нас и помилуй!»

КУРС НА ВЕЧНОСТЬ

И имя, и даты,
И адрес скрывая,
Ты мчишься куда-то
В заблудшем трамвае.

Летишь на рассвете
По спящей столице,
Средь стольких столетий
Легко заблудиться –

В гремящих вагонах,
Эпохах, трактатах.
Взяла ль у Вийона
На память дукаты?

Тебе пел Есенин
О белых берёзах,
Но скрылась в весенних
Бушующих грозах.

И Вертеру Гёте
Приснилась такая.
Я душу свою
На тебя обрекаю.

Есть люди везде,
Что в тоске до рассвета
Кричат, как звезде
Исчезающей: «Где ты?»

Куда уезжаешь
Дорогою тайной?
И я на трамвае
Попутчик случайный.

Гляжу на тебя,
Не могу наглядеться,
И бьётся скорбя
Непокорное сердце.

В какие края
Убегаем – не знаю.
Ты – вера моя
И надежда земная.

Одно лишь я встретил
В бесчисленных лицах.
Хочу средь столетий
Вдвоём заблудиться.

И кто нас отыщет,
Какие пророки?
Пусть свет будет чище
Слезы в твоём оке.

Пока получили
Отсрочку у смерти,
Пока проскочили
Опасные сети,

Пока нас поймала
В петлю бесконечность,
Столетий нам мало,
Мы курсом – на вечность!

Что смотришь глазами
Печальной Мадонны
С украденной в храме
Старинной иконы?

В плену траекторий
Всё может случиться.
Трамвай по истории
Мчится и мчится.

Душа обольщается,
Сердце боится…
Зачем возвращаемся
В наши столицы?

АХМАТОВА

Евгении Славороссовой

Жить легко, грешить невинно
Пленной ласточкою сна…
Тьма – и близких лиц не видно…
Знаешь ты, как жизнь страшна?

Рождество в хрустальном зале –
Вихрь. Причастие вина…
О, сияние Грааля…
Знаешь ты, как жизнь страшна?

Где очей тех зимний пламень –
Нежный жест? Навек одна.
Где ж ты, князь воспоминаний?
Знаешь ты, как жизнь страшна…

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

Ярославна, на Русь возвращаюсь мою,
Что отдать не могу упырям-вурдалакам.
Ты увидишь сквозь слёзы – убитый в бою
Мёртвый Игорь идёт, до сих пор не оплакан.

К винной чаше протянутся руки мои,
И зажгутся святого Георгия свечи.
Это пламя в моей неостывшей крови –
Это верной любви долгожданная встреча.

Возлюби же сильней, чем скорбящая мать,
В стрелах тело моё – воронью угощенье.
Ярославна, к тебе возвращаюсь опять.
Так отпразднуем день моего возвращенья!

МАРУСЬКА

Господа Маруська полюбила,
Полюбила Бога беззаветно.
Лучше бы ты с хлопцами ходила,
Чем одна в дубравах предрассветных.

Видишь, осень ветром заиграла,
Дождь уже идёт три дня, три ночи.
Плохо ты, Маруська, выбирала,
Ведь у хлопца, словно звёзды, очи.

Напрасно взирала
За Днепр и за Дон,
На скалах Урала
Не ждал тебя Он.
Маруська, иди к нам,
Дай руку свою,
В далёком и диком
Не ждёт Он краю.

Видишь, по дорогам первым снегом
Зимнею порошею задуло,
Землю перемешивая с небом.
Что же ты на хлопца не взглянула?

Но Маруська любит беззаветно
Лишь одною думой да поклоном,
Словно та берёзка, что под ветром
Преклонилась пред высоким клёном.

ЭРОТИК
(по Достоевскому)

Я Достоевского двойник,
Зловещ, сентиментален,
Мой стих, как пёс бродячий, дик
И, как ветла, печален.

«Удел мой, ты известен мне, –
Рыдает стих болезный, –
Бродить босому по стерне
С тоскою бесполезной».

Но так бывает всякий раз:
Тону, как в облаке, я в слове…
Из широко закрытых глаз
Слеза стекает каплей крови.

***

Ах, я не Есенин –
русый русский бард!
В смуте дней весенних
мне сам чёрт не брат.
Скажет тебе верба,
а не россыпь карт –
Ждать душе ущерба,
гибель мне иль фарт?

БАЛЛАДА БУНТАРСКАЯ
Памяти Владимира Высоцкого

Е. С.

В толкотне столичных улиц
И тупой толпе на зависть
Мы к мечте своей бредовой
Шли всегда –

Ведь от страха мы не гнулись
И от горя не ломались.
А оплачут ли нас вдовы?
Не беда!

И на станциях конечных,
И в метро, и на трамваях,
В барах, где пьянит и губит
Нас вино,

Всех наивных и беспечных
Наша правда призывает –
В правый бой идёт, кто любит…
Не в кино.

Наше странствие с надеждой – без успеха,
Но до края и до гибели всерьёз.
Всё, что видим мы, доводит нас до смеха
До упада, до безумия, до слёз.

Не поймёт нас равнодушный и усталый –
Застит свет ему тревога и обида.

В синем море нам виднее парус алый…
Кто ответит: «Где желанная Колхида?»

Жить без цели так ужасно,
Кораблём блуждать в тумане.
Но есть родина и вера,
Труд и Бог –

Не печалься, друг, напрасно,
Наша жизнь всегда обманет,
Но душе – иная сфера –
Песнь дорог…

Мы исчезнем в смуте дикой,
Без отрады, без награды,
Сгинем в бездне бесконечной…
Рвётся нить.

Человек с душой великой
Снова строит баррикады –
Жизнь – ведь это бунт извечный.
Надо жить.

Приходили отовсюду – ниоткуда,
Погибали, побеждая вечный мрак,
Потому что сердцем верили мы в чудо.
И судьба у нас одна и общий враг.

Кто поймёт, зачем туда с тобой мы плыли –
В край Колхиды, золотой, обетованной.
А другие этот путь давно забыли
Среди подлости и лжи в квартирах с ванной.

Мы с тобой, брат, отыграли,
Чтоб остаться в этом лете,
Где тоска так невозможно
Горяча –

В кассе мы с тобой не брали
Тот счастливейший билетик…
Избежать нам разве можно
Палача?

Не сломились, не сломались,
Не искали цели близкой,
Шли туда, где нам сияли
Облака –

С белым светом мы расстались,
Но в комедии той низкой
Не играли, не валяли
Дурака…

Снова встретимся с тобою на дорогах,
Уводящих в неизведанность с крыльца,
В новых бедах, в новых песнях и тревогах –
Но сражаться, брат, мы будем до конца.

Не запишут наши мысли на скрижали,
А листки стихов уносит зимний ветер.
Целый мир мы на плечах своих держали,
Как без нас мечте бездомной жить на свете?

Но по улицам окрестным,
Что в вечерней давке жутки,
Мы, как вечные мальчишки,
Ищем знак –

Может, лучше жить безвестным,
Отпускать пустые шутки,
Перекинуться в картишки
Просто так.

Кто ответит, что их гонит
Прочь от дома утром ранним?
Золотое драгоценное
Руно.

Чувство каждое их тронет,
Слово грубое их ранит,
Жизнь отпили, как бесценное
Вино.

На Голгофу путь всё круче и отвесней…
А они идут за тех, кто их забыл.

А потом им станут памятником песни,
Что не смолкнут над сугробами могил.

Кто понять сумел бунтарство их и цели?
Вот исчезли за чертой они из вида…
Но взгляни! Они и в смерти уцелели,
С ними – море. И Колхида!
И Колхида!

***

Евгении

Любил когда-то Музу поэта Соловьёва.
О, как давно то было. Да вправду ль было это?
Но соловьиным садом до царства шёл лесного
По солнечной дороге, дороге цвета лета.

За лесом было море. И солнца глаз стеклянный
Глядел мне прямо в сердце так пристально и слепо.
А смерть моя совою кружилась над поляной
В своём последнем танце безумно и нелепо.

И я кричал: «Веди же!» К кому взывал я снова?
К кому тянул я руки? К кому в лазурной сини?
И таяло Виденье поэта Соловьёва,
Как истерзавший душу мираж воды в пустыне.

В ТАКОЙ ЖЕ ДЕНЬ

Нам не бродить испуганной дубравой,
Октябрьский день раскинул паутину –
И ветер гонит к дому лист кровавый,
И ворон рвёт небесную холстину.

В такой же день умчалось детство в небыль,
И сказки все в печи давно сгорели,
Погас костёр, а дым взошёл на небо –
И больше песен вместе мы не пели…

Высокий стон тоски моей осенней,
Жестокий ветер выстудил каморку –

В такой же день повесился Есенин,
В такой же день скосила пуля Лорку.

ВЕРНОСТЬ

Евгении

Воспоминаний светлых дымка.
Не стала жизнь моя товаром,
Мне снится улица Ордынка,
Опять иду Тверским бульваром.

Но в том, мой друг, я неповинен,
Что вкривь уходит путь напрасный.
Что нового, товарищ Минин,
Что там, на площади, на Красной?

Опять зовут меня обратно
Пожарский, Пушкин, Долгорукий.
О чём бьёт колокол набатный?
К кому деревья тянут руки?

Как в прошлое открыть мне двери,
Где юность ждёт на старом снимке?
…Но я вернусь, чтоб все потери
Искать на улице Ордынке.

Из поэмы **«АНГЕЛ ЕВГЕНИИ»**

СОНЕТ

Пришла пора и, замирая,
Я за тобой пойду по следу –
Взлечу я на ворота рая,
По радуге на землю съеду,

Чтоб на московских тротуарах
Ждать ту, без коей в мире пусто.
Я весь во власти песен старых,
Как мир, старо моё искусство –

Лишь в нём звучит моя тревога,
Лишь этим звукам сердце внемлет,
Лишь в них душа моя продлится.
Верь, Милая, любой дорогой

Твой Ангел (если Бог задремлет)
В дом люберецкий приземлится!

***

…Живёт в саду волшебном Королева,
Что зачарована, горда и несравненна,
Тут нет ни слёз, ни горечи, ни гнева,
И тут любовь не стережёт измена.

А я? В воздушных я несусь потоках,
Крылатый бард, заоблачный разбойник,
Создание от Фрейда и Хичкока,
Поэт и маг, живой и неспокойный.

А Королеву птицы будят пеньем,
И тополь смотрит взглядом сокровенным,
А летний ливень, вздрогнув с нетерпеньем,
Прольётся над Василием Блаженным.

Река Времён темнее год от года…
Она ж вдоль вод идёт без опасенья.
И ждёт Арбат всегда её прихода,
И жду её письма я, как спасенья.

Ах, очи чёрные моей бессонной ночи,
И дождь волос, и длинные ресницы…
Опять фонарь закрыть глаза не хочет,
Но Крым из мифов, может, мне приснится.

И что мне это: «Мене-Текел-Фарес»?
Что печься мне о чине и о ранге?
К тебе лечу я в буре и пожаре!
«Кто?» – спросишь.
Сон. Евгения, твой Ангел.

Перевод с польского Евгении Славороссовой

АНДРИ СНАЙР МАГНАСОН (род. в 1973 г.)

Автор многочисленных романов, стихов, пьес, новелл, книг для детей. Лауреат многих исландских и зарубежных литературных премий. Его произведения переводились на иностранные языки. Наибольшей популярностью пользуется фантастическая повесть для детей «История о голубой планете» (1999), переведённая на 26 языков.

Произведения Андри Снайра разнообразны по жанрам, содержанию и эмоциональному настрою. Среди написанного им есть такие, на первый взгляд, не похожие друг на друга книги, как публицистический труд «Страна мечты: справочник для испуганного народа» (2006), в котором обосновывается, почему развитие тяжёлой индустрии в Исландии будет губительным для экологии страны, и детская сказочная повесть «Ящик времени» (2013). Однако в большинстве его произведений, особенно адресованных детям, звучит один и тот же лейтмотив: насколько ответственно мы относимся к окружающему миру? Что современный человек оставит в наследство будущим поколениям?

Андри Снайр заметен в общественной жизни своей родины. В середине 2000-ых гг. он вместе с активистами-экологами принимал участие в борьбе против строительства гигантской электростанции на центральном высокогорье Исландии, в 2016 г. баллотировался в президенты страны.

В стихах Андри Снайра превалирует юмористическое и ироническое начало. Сборников стихов у него пока вышло всего два: «Контрабанда стихов и похищение поэта» (1995) и «Бонусные стихи» (1996, дополненные издания – 2003, 2017). В заглавии последнего сборника имеется в виду сеть дешёвых супермаркетов «Бонус», хорошо известная всем жителям Исландии. Сам автор объяснял возникновение этой книги так: «Всю жизнь ты прожил в [высококультурной среде] – и вот тебя тащат в супермаркет, к кричащим цветам и грохоту тележек, и самое лучшее, что можно сделать – перевести это всё в мифологический план в стихах! В супермаркет ходят все, и многие были благодарны мне за то, что я сочинил эти стихи. По-моему, в стихотворной среде человеку лучше».[1]

На первый взгляд, эта книга – типичный образец распространённой в поэзии последних десятилетий сатиры на общество потребления с его вопиющей бездуховностью. Но если присмотреться к этим стихам внимательнее, обнаружится, что у прозаичного супермаркета есть своё культурное измерение! В книге встречаются аллюзии на библейские

[1] Цит.по: Hslensk bykmenntasaga V, Mбl og menning, Reykjavнk 2006, bls.423. (Прим. пер.).

сюжеты, на скандинавскую мифологию, европейские сказки, на знаковые произведения мировой литературы (от басен Эзопа до «Божественной комедии»).

Переводы стихов публикуются с разрешения автора[1].

Из книги «Контрабанда стихов и похищение поэта» (1995)

КРУГОВОРОТ

Пока солнце вращается
вокруг своей оси
а Земля вращается
вокруг солнца
а луна вращается
вокруг земли
моя жизнь будет вращаться
вокруг тебя

Но если солнце прекратит вращение
вокруг своей оси
и земля перестанет
вращаться вокруг солнца
или луна унесётся
прямо в открытый космос

Может, тогда мы просто останемся друзьями?

НАСТАВЛЕНИЕ

Юноша, готовящийся к высадке на луну
будь осторожен

На луне много кратеров
некоторые совсем не исследованы

А если ты соберёшься спуститься в кратер
который исследован
слишком многими неизвестными формами жизни

пожалуйста, не забудь надеть скафандр

[1] В русском переводе сохраняется авторская пунктуация. (Прим. пер.).

ЛЕТИ, МОЙ ПЕСТРОКРЫЛЫЙ[1]

Я лежал в сквере у Музыкальной беседки и нежился в лучах осеннего солнца под памятником Йоунасу Хатльгримссону. Я думал о гамбургерах из «Макдональдса»: кто знает, как они умудряются продлять срок годности мяса, которое само по себе может быть произведено в какие-нибудь доисторические эпохи? Вдруг прилетел дрозд, сверкающий опереньем, и приземлился возле нас. Я не очень разбираюсь в возрастах птиц, но, по-моему, он был совсем-совсем старый. А я, когда поем гамбургеров, начинаю понимать язык птиц. И мне показалось, что дрозд выглядел сконфуженным, когда он обратил свой щебет к Йоунасу и произнёс: «А ты не мог бы поточнее описать этого ангелочка в шапчонке с кистью?»

ОСЕНЬ

Я понял, что настала осень
потому что дома
стали жёлтыми да красными
и начали ронять
листы железа с крыш

Старики улетели
на юг

Но на меня осень не влияет
я ведь вечнозелёный
как солнце

Цикл хокку «Картинки с Песцовой пустоши»

Дорога распласталась
по равнине:
отдыхает после гор

Дорога тянет к морю
извилистую руку;
в ладони – дома

[1] Этот текст является аллюзией на стихотворение классика исландской поэзии Йоунаса Хатльгримсссона (1807–1845) «Привет» (Йg bip ap heilsa). Здесь оно цитируется в переводе В. Г. Тихомирова.
(см., напр.: http://tihomir-vg.narod.ru/iceland/xix/jonash/heilsa.html). (Прим. пер.).

Дом – жёлтое солнце,
от него бегут лучистые дети
к безветренным лагунам

На тонкой ниточке
от заводи до моря
висят непойманные рыбы

На взморье лежат
кострища предков
словно плавник

Поёт поморник
о ненаступном будущем
гагачат.

Тюлень на воде
видит: у идущих людей
глаза тюленьи[1]

А за людьми движется
чёрно-белая туча
летящих крачек

В гнёздах конфликтов
вылупляются воздушные налёты
будущих летних месяцев

Гагара перекликается
с тишиной и перепевается
с солнцем

Солнце лежит
на горизонте
но не ныряет

В этот вечер море
не желает солнца
в глуби будет мрак

[1] Аллюзия на народные поверья, согласно которым у тюленей глаза человеческие, и сами они могут снимать тюленьи шкуры и оставаться в человеческом обличье. (Прим. пер.).

Шкуры тюленьей своей
не находит голая девушка возле
малого камня

Девушка отражается
в воде и глядит
на беззвёздную ночь

Блестящая чёрная рыбина
по зеркалу круги
по небу волны

Из книги «Бонусные стихи» (редакция 2017 года)

HOMO CONSUMUS

Первобытные инстинкты –
не охотничьи

в самом начале
до эры копья, оружия
люди бродили по равнинам
и собирали!
Собирали коренья,
собирали плоды
и яйца, и недавно погибших животных

Я
современный человек
отравленный телевидением
чувствую, как из меня
вылезает первобытный предок,
когда я мчусь с тележкой
и набираю, набираю, набираю…

UNITED FRUIT COMPANY

Ева в плодоовощном отделе
не смогла устоять – и укусила
сочное яблоко по акции
не подозревая

о вездесущем оке видеокамеры

ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ТО, ЧТО ОН ЕСТ

Дедушка был 70% воды
дедушка был на 70% ручьём
что тёк с горы
мимо дома

Он был на 30%
форелью в ручье
куропаткой во мху
и овцами в траве
колыхавшейся под ветром
возле дома

Я – не 70% воды
во мне от силы 17% газировки
а всё остальное – кока-кола да кофе

Я – итальянские макароны и китайский рис
я – датская ветчина и ананас из ЮАР
в моих жилах течёт американский кетчуп

Человек есть то, что он ест
и я – весь мир в миниатюре

Я – супермаркет «Бонус» в миниатюре

ЭЗОП

И когда тот человек увидел ценник
«1 кг – 1699 крон»
он отложил виноград в сторону
и поморщился

Ф-фу, он ещё зелёный!

а сам незаметно запихнул одну ягодку в рот

ЗАСТОЛЬНАЯ МОЛИТВА-1

(способ преодолеть отчуждение)

Благодарю тебя, Педро, что посеял зерно,
благодарю тебя, Санчес, что полил растение,
благодарю тебя, Мария, что собрала плоды,
благодарю тебя, Хосе, что упаковал их в ящики,
благодарю тебя, Варгос, что погрузил их на корабль,
благодарю тебя, Эрвар, что ввёз их в страну,
благодарю тебя, Хатльдоур, что развёз их по магазинам,
благодарю тебя, Хельга, что разложила их по полкам.
Без вас бы я остался
ГОЛОДНЫМ!

ЧТОБЫ УРАВНОВЕСИТЬ

Если я посмотрю кулинарное шоу
длиной в полчаса, то попытаюсь исправить
это просмотром передачи про фитнесс
такой же длины

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Овечья голова смотрит на меня
таким ледяным взглядом
как будто это именно я
сказал ей

что убитые попадают в Вальгаллу

ПЛАН «Б»

Если мир по каким-то причинам рухнет я всегда хотел бежать на север на Песцовую пустошь и жить тем что даёт земля вокруг заброшенной фермы как жили веками мои предки но тут я обнаружил что в моём ящике для инструментов ничего нет кроме 7 отвёрток-шестигранников прилагавшихся к разной мебели из «ИКЕИ» и если я и убегу на север то так и буду там куковать с этими отвёртками среди резвящихся в воде тюленей орущих чаек и растущих трав и я буду кричать на тюленей и чаек и травинки и вопьюсь зубами в выкинутое на берег бревно и тихонько помру

РАЙСКИЕ ВРАТА

И смотрите! Когда Пётр, а может, ангел по имени Гвюдрун, проведёт по всем искушениям световым лучом и запишет их на золотую карточку, тогда отворятся жёлтые врата, и человек с полными пакетами шагнёт в неизвестность и обернётся, чтобы увидеть лик, чающий воскресенья, и отдалённую улыбку, говорящую: «Хорошего дня!»

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

МУЗЫ РИКАРДУ РЕЙША – САМОГО ТАИНСТВЕННОГО ГЕТЕРОНИМА ФЕРНАНДО ПЕССОА

Рикарду Рейш – гетероним или «маска» Фернандо Пессоа (1888 – 1935) – португальского писателя с глубочайшим философским мышлением, тонкого лирика. Как и другие его гетеронимы, Рейш обладает собственной биографией, своим литературным «почерком», своими взглядами, собственной подписью, характерным внешним обликом. Рикарду Рейш, изучавший латынь в колледже иезуитов, а греческий язык – самостоятельно, подошёл ближе всех гетеронимов Пессоа к вершинам античного творчества. Фернандо Пессоа определил сущность Рикарду Рейша так: «Греческий Гораций, который пишет по-португальски». Из поэзии Горация, служившей ему образцом композиции его од (так он называл свои поэтические произведения), в них пришли три музы: Лидия, Хлоя и Неера. Поэты-классики традиционно не могли творить без музы, их вдохновлявшей, вот и Рейшу, чтобы доказать свою принадлежность к классицизму, потребовалось обратиться к музам. Но его связь с музами является полностью нетипичной, базируется больше на отрицании, чем на истинной привязанности, так считают португальские критики Л. Р. Камаргу и М. Н. Феррейра Гомеш Тимотеу.

Хлоя, похоже, самая молодая из них. Некоторые португальские литературоведы считают этот образ навеянным отношениями Пессоа с Офелией Кейрош, другие связывают образ единственной известной женщины, с которой был связан португальский гений, с Лидией Рикарду Рейша. Хлоя самой своей молодостью пробуждает в Рейше ощущение бездны: он видит юное личико и предчувствует, что скоро оно прекратит своё существование. Именно к Хлое обращены его фразы, наиболее близкие к эротическим и чувственным. Лишь с ней поэт разрешает себе касания, поцелуи, ласки. Но и в этих отношениях слишком

чувствуется скоротечность жизни, самые яркие моменты – это прелюдия конца, каждый поцелуй ощущается прощальным.

Хлое посвящены такие оды, как «Пусть поцелуй наш каждый...», «Краток жизни срок, даже самой длинной...»[1]. Вот одна из характерных од, связанных с именем этой музы поэта:

ЗА ЛИСТОМ ТОТЧАС ЛИСТ НЕ ПАДАЕТ…

De amore suo (О твоей любви)

За листом тотчас лист не падает,
Всё не сразу случается,
И для нас приходит не сразу знанье,
Что всегда умираем мы:
Помни, Хлоя, мы – смертные.
Раньше тел, какие любовь являют,
В нас дряхлеет сама она.
Мы же, порознь, юны ещё чудесно,
Сберегаемы в памяти.
Ах, когда б мы были такими вечно,
И вся жизнь длилась час всего,
Мы в объятье каждое так чрезмерно
Жизнь, что гаснет, вложили бы:
Целовались так, что в момент последний
Поцелуй наш единственный
На обоих нас всю громаду мира,
Тяжесть мира обрушивал.

Но, несмотря на эти пламенные слова, кстати, совсем не характерные для поэта, Рейш избегает сильных чувств, ведь любить – значит подчиняться, отдаваться на волю другого, любовь может ранить. И вот, за 5 лет до смерти, Пессоа / Рейш так обращается к Хлое:

НЕ НАДО МНЕ, ХЛОЯ, ТВОЕЙ ЛЮБВИ…

Не надо мне, Хлоя, твоей любви,
Она ждёт ответной. Мила мне свобода.
Надежда – обязанность чувства.

[1] Эти переводы опубликованы в книге «Лузитанская душа. Стихи португальских поэтов XV–XX веков». Сост. и переводчик Ирина Фещенко-Скворцова. – М.: Водолей, 2017. – 232 с. (Прим. пер.).

Если Хлоя – муза чувственного наслаждения, то другая муза – Неера – спутница его прогулок среди полей. «Португальский Гораций» заранее оплакивает всё живое, которому суждена могила. Даже взгляд на природу наводит на мысль о том, что человеку назначено слиться с ней после смерти. Свои наблюдения и размышления, связанные с природой, Рейш разделяет с Неерой, называемой им «флавой» (“flava” по-португальски означает «белокурая» или «золотоволосая»). Даже спокойствие и иллюзия свободы, какие возникают на лоне природы (в отличие от городов), не помогают Рейшу забыть о беге времени и о том, что всё проходит, не избавляют от «холода тени». И всё же природа освобождает Рейша от присутствия других, от навязанных отношений с ними, от угнетения со стороны города с его движением, напряжённой жизнью. Эта иллюзия свободы была бы полной, если бы можно было не думать о ней как об иллюзии. В «Лузитанской душе» тоже есть стихи, посвящённые этой музе. А вот эти переводы ещё не были опубликованы раньше:

ГОРЫ БЛИСТАЮТ НА СОЛНЦЕ СНЕГОМ…

Горы блистают на солнце снегом,
Холод спокойный скорее нежен,
Он полирует жала,
Острые копья солнца.

Прятаться нам ни к чему, Неера,
Нам ли желать, коль ничто – мы сами?
Просто сидим на солнце
И ощущаем холод.

Мы насладимся и этим мигом,
Радость торжественна, чуть печальна,
Ждать будем смерти, будто
Всё нам о ней известно.

НЕЕ́РА, ГУБЫ СТРУЯМИ ОМОЙ ТЫ…

Нейра, губы струями омой ты
Тихого источника.
Тогда горячка, боль уймутся сразу,
Те, что в жизнь вносила ты.
Ты ощутишь спокойную природу
Светлых вод, узнаешь ты:

Не беспокоят ни тоска, ни скорби
Резвых нимф источников,
И вздохи их – лишь звук струи весёлый,
Шум воды естественный.

Нейра, знай же, что причины скорби,
Не в вещах естественных,
Родятся в душах наших, в общей жизни,
В злых оковах общества.
Учись, о юная, науке сложной
Радостей классических,
Чтоб тихо жить, печаль не выражая,
Только вздохом изредка.
Источник бледный, воду проливаешь
Гордой красоты твоей
Поверх доверья рук несмелых наших,
Что боятся радости,
Сомнением от века загрязнённой,
Знанием отравленной
Мнемоники суровой и фатальной
Вотчины Плутоновой.
Цветы, улыбки, песни освещают
Нашу долю смертную.
Чтоб скрыть ночную глубь раздумий наших,
Что склонились горестно,
Ещё при жизни гнёт Плутона чуя,
И в надежде мертвенной
Сознание хранящих о возврате
Хаоса предвечного.

ЗДЕСЬ, НЕЕ́РА, ДАЛЁКО…

Здесь, Нейра, далёко
От людских поселений,
Где никто не мешает
Нам в пути, не заслонят
Горизонта дома,
Будем верить: вольны мы.

Белокурая, знаю,
Тело – наши оковы,
До желанного – тщетно

Нам рукою тянуться;
Знаю, здесь, как и всюду
Плоть ветшает, её нам
Дали боги на время,
Только до Преисподней.

Но зато нас не держит
Здесь ничто, кроме жизни,
Не касаются руки
Нас чужие, и шага
Не услышишь людского
На тропе одинокой.

Плена не ощущаешь,
Коль не думать об этом,
Так не будем же думать,
Разрешим себе верить,
Что свободны всецело,
Ведь иллюзия эта
Нас равняет с богами.

Наиболее значительны отношения Рейша с его музой Лидией, их можно назвать духовными, отвечающими идеалу эпикурейца. Но, в противоположность «удовольствию покоя» или «удовольствию от отсутствия боли» учеников Эпикура, Рейш предлагает умение любить умозрительно, не обмениваясь даже краткими ласками и поцелуями. Лидия – муза, которая сидела с поэтом возле реки, наблюдая вместе с ним за бегущей водой – символом уходящего времени. Ей доверяет Рейш свою сокровенную тоску. Рейш и Лидия перед рекой Времени – супруги, не ставшие ими по решению поэта.

Наиболее характерным и самым известным стихотворением, обращённым к этой музе, является написанное гекзаметром «Лидия, ты приходи посидеть у реки неширокой»[1].

Стихи, посвящённые Лидии, опубликованы в моём переводе в журнале «Просодия» № 8, 2018 («Ведом страх мне, Лидия, перед роком»), в «Менестреле» № 3 (8), ноябрь 2017 («Многие радость вкушают от радости», «Бегство дня так нежно сегодня длится» и др.), в «Лузитанской душе». Приведу ещё неопубликованные переводы:

[1] Опубликовано в «Сетевой словесности» 27 августа 2015 г. https://www.netslova.ru/feshchenko/pessoa.html#Reis (Прим. пер.)

КАЖДОЙ ВЕЩИ СРОК ОТПУСКАЕТ ВРЕМЯ…

Каждой вещи срок отпускает время,
Не цветут зимой дерева и травы,
Поле весной не знает
Белого одеянья.

Ночь спокойна, Лидия, нет в ней жара.
Что несёт нам день в лихорадке вечной,
Ночью любить нам легче
Смутную нашу жизнь.

Мы к огню свою принесли усталость,
Ибо этот час для неё назначен,
В полный не будем голос
Тайны покров тревожить.

Пусть прерывны тёмные будут речи,
Тихий свет случайных воспоминаний
(Большего не позволит
Чёрный уход светила).

Пусть помалу вспомнится нам былое;
Прошлых лет рассказы звучат вторично,
Нас воскрешая давних;
Слушаем их и видим

Те цветы, что в детстве прошедшем рвали,
Прежним взглядом, взглядом иным на вещи,
Мир обновляя чудно
Детским сознаньем нашим.

У огня, о, Лидия, где нам светит
Дом богов, их вечный очаг на небе,
Будем мы беспокойство
Прошлым латать усердно.

Только мысль о том, что уже мы были,
А снаружи – ночь сторожит всего лишь, –
Тёмная ночь Цереры, –
Отдых даёт нам в жизни.

ОСТАВИМ ЗНАНЬЕ, ЛИДИЯ, МОЖЕТ ЛИ…

Оставим знанье, Лидия, может ли
Оно цветы, как Флора, рассаживать,
Курс менять колесницы
Светлого Аполлона?

Оставим скудное созерцание,
Оно от близкого отстраняется,
Слепнет, пристально глядя:
Взор туманит усталость.

Смотри, Церера всё не меняется,
Вздувает колос зреющим семенем,
А под флейтами Пана
Поле вмиг замолкает.

Смотри, античной грацией полные,
Газель затмили сада небесного
Нимфы, танцем несомы,
И не зная покоя.

И как с ветрами, лесом летящими,
Гамадриады нежные шепчутся,
Пана отвлечь пытаясь
От пристрастия к флейте.

И нам ли способ новый придумывать,
Мы радость видеть в жизни обязаны,
В золоте Аполлона,
В лунном лике Дианы.

Юпитер громом в небе раскатится,
Нептун ли волны бросит неистово,
Пляжи плоские топит,
Скалы чёрные лижет.

Вот так и жизнь, всегда неизменная,
Не видим Парок, нить обрезающих.
Пусть о них мы забудем,
Будто нет их и вовсе.

Цветы ли рвём, родник ли мы слушаем,
Проходит жизнь, хоть бойся, хоть радуйся,
Да и думать не стоит,
Если знаем заране:

Лишимся света мы Аполлонова,
И от Цереры в дали отправимся,
Где пугливую нимфу
Флейтой Пан не чарует.

Одни часы спокойные стоит нам
Беречь, богам в лукавстве наследуя,
Так мы хитростью сможем
Научиться покою.

И пусть придёт потом седовласая
К нам старость, если боги пожалуют,
Этот час сберегая
От проклятья Сатурна.

Но пусть богами будем всесильными
Самим себе, никто нам не надобен,
Кто себя почитает,
Поклоненья не ищет.

А вот эта посвящённая Лидии ода, кажется, определённо навеяна встречами Пессоа с Офелией Кейрош:

В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ПО ЛУГАМ ЦВЕТУЩИМ…

В тот момент, когда по лугам цветущим
Мы идём, и наша любовь – посредник –
То присвоит, что знали бы
Друг о друге без третьего,

В тот момент, когда нас виденья эти
Внешним блеском, прелестью захватили,
Нашей общей душой они
Дерзко властвуют, Лидия,

Так люблю тебя, что сказать не в силах,
Коль начну я речь, о лугах мой лепет,

И настойчиво вторит мне
Речь любови невидимой.

А эта ода датирована 1932 годом – за три года до смерти Пессоа:

ЧТО МЫ ЗНАЕМ, ЛИДИЯ? МЫ – ЧУЖЕЗЕМЦЫ…

Что мы знаем, Лидия? Мы – чужеземцы,
Где бы мы ни жили. Всё нам – чужое,
Язык у всего – чужой.
Из себя самих убежище создадим,
Робкие, там спрячемся от обиды,
От суматохи мира.
Разве хочет любовь принадлежать другим?
Как секрет, рассказанный во время мистерий,
Священная, только наша.

Как известно, Рикарду Рейш стал и героем романа Жозе Сарамагу (1922–2010) «Год смерти Рикарду Рейша». Но многие литературные критики убеждены: Сарамагу в этой книге написал не портрет Рейша, а свой собственный. Лидия из романа Сарамагу совершенно не похожа на музу од Рейша, это – живая женщина, полная чувственной земной силы. Отношения между поэтом и Лидией из романа Сарамагу невозможны для автора таких строк: «Не целовались с тобой, не сплетали мы рук в жаркой ласке, // Были мы только детьми»[1].

Ещё одна «муза» Рикарду Рейша из романа Сарамагу – Марсенда. Её роль в романе достаточно велика, само её имя сравнивается с процессом увядания, с безжизненностью, что символизирует и её парализованная рука (Т. К. Сердейра да Силва, Ж. Сарамагу). Она не реальная женщина, но фантазм, фантасмагория, нежизненная, но очень поэтичная, неповторимая по своей оригинальности. Была ли она настоящей «музой» Рикарду Рейша или это продукт воображения Жозе Сарамагу? Трудно сказать, ведь это имя встречается в поэзии Рейша только однажды, видимо, само мистическое звучание этого имени разбудило фантазию Жозе Сарамагу, это, скорее, его муза, а не Рейша:

[1] Рикарду Рейш «Лидия, ты приходи посидеть у реки неширокой…». https://www.netslova.ru/feshchenko/pessoa.html#Reis.

ПРИ ВИДЕ ЛЕТА ЦВЕТ ЕГО ОПЛАКИВАТЬ…

При виде лета цвет его оплакивать
Хочу, тоскуя над воспоминанием,
Призрачно обернувшимся
Часом последних утрат.

Скользят порталы – годы безвозвратные,
За ними вижу тень гремящей пропасти,
Нет в ней цветов трепещущих,
Нет ароматов земных.

Срываю розу: на груди хранящейся,
Марсенда, легче свежесть ей утрачивать,
Чем под вихрями времени
В круговращенье Земли.

Характерно, что все музы Рейша не проявляют в его одах ни малейшей активности, ни малейшего собственного мнения. Это и понятно, ведь все они – только символы, иллюзия, вдохновляющая поэта. Холодная связь Рейша с его музами, бесконечные слова, – всё это, по определению португальского литературного критика, эссеиста Эдуарду Лоуренсу, – поэзия «не-любви». В своих музах Рейш ищет утешения, женственности, всего того, чем его создатель – Фернандо Пессоа – был обделён в жизни, хотя и по собственной воле; и понимает с глубокой непроходящей болью, что они нереальны:

В ОГРОМНОМ ПРОСТОРЕ, ГДЕ НЕТ НИЧЕГО ИЗ ТОГО…

В огромном просторе, где нет ничего из того,
Чем притворяется ночь, еле светят звёзды,
К счастью, нет луны.
Думаю обо всём, Лидия, и какой-то
Потусторонний холод входит в мою
Душу. Ты не существуешь.

Перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой

ИВАН ЮРЬЕВИЧ ПЕТРОВЦИЙ (1945 – 2016)

Иван Петровций окончил французское отделение факультета иностранных языков Ужгородского университета. Классик русинской поэзии, творец современного русинского языка и мастер художественного перевода, обогативший русинскую литературу помимо яркого собственного творчества блестящими переводами Бодлера, Франка, Пушкина, Лермонтова, Петефи, Верлена, Гюго, Аполлинера, Костолани. За приверженность к русинскому языку и отказ сочинять стихи на языке украинском по прямому указанию президента Кучмы был исключен из Союза писателей Украины. Преследовался властями за инакомыслие: дома у Петровция проводились обыски, у него изымали компьютер, травили в прессе. Горячее, страдающее сердце поэта не выдержало – 1 января 2016 года Петровция не стало…

ВЫПИСКА ИЗ АННАЛОВ

Анналы гласят: средь Боржавской долины
По сёлам, что ныне стоят, как стояли,
Поэты в дни мира и битвы годины
Спиванки с балладами вслух сочиняли.

В русинское слово вплетали любовно
Созвучия ритмов и рифм окрылённо.
Вплывали в спиванки, русалками словно,
Агафьи, Марии, Йоланы, Алёны:

То были их Музы, для коих творились
Величие храмов и роспись на стенах.
Они, слава Богу, ещё сохранились,
Хоть много разрушилось их постепенно.

В балладах бряцанья мечей не стихали,
Спиванки пропахли мускатом, как вина.
И так год за годом в Осойе стихами
Боржавская вся наполнялась долина.

Три дня танцевали, гуляли, спивали,
Минувших времён вспоминали былины...
А в дар победителю после вручали
Большущий буженный кусок солонины.

Меняются власти, напасти, державы...
Одно неизменным осталось как прежде:
Русинские песни, как воды Боржавы,
Текут и поят нас русинской надеждой.

***

Обтёр я губы рукавом,
Стаканчик пропустив.
Мой рот, пропахший чесноком,
Омылся духом слив.

Была сливянка огневой,
Живот мне пропекла.
Так хитро юркнула в него –
Аж в душу протекла!

Душа оближется, как кот
Шершавым язычком,
И выпросит ещё в живот
Сливянки с чесночком.

И вот опять пойдёт: сперва
Сливянки вкус как мёд,
Потом душа его в слова
Спиванки перельёт.

Летят спиванки над селом,
Несут над ним гурьбой
Густой смак сливы с чесноком
И пьяных нас с тобой!

СПИВАНКА МАЙСКИХ ДНЕЙ

Зорюет заревом заря,
Маюет майский май,
У звёздного у звездаря
Хлопот хоть отбавляй!

Нет ничего в ночной ночи,
Чтоб запылать огню,

Чтоб в небе расплести лучи
И разгореться дню.

День не один, а много дней.
Ну, что за дни стоят!
Как кровь вскипает, всё сильней
Цветёт-щебечет сад.

Чего ж ты ждёшь? – Не выжидай!
Не станет синь синей.
Люби её, ведь больше – знай! –
Таких не будет дней.

ВСЕХ КРАШЕ ДЕВУШЕК СЕЛА

Всех краше девушек села
Родившаяся там.
Её душа полна тепла –
Всё за него отдам.

Хоть много их, в ком самый сок,
Но мне мила лишь та:
И личико, и голосок,
И взгляда теплота!

Другой такой бы не нашёл,
Пусть и к тому стремясь.
Её души с моей душой
Сквозь сердце вьётся связь.

Хоть в платье б простеньком была,
Как в нём она идёт!
Что нить послушную игла,
С собой меня ведёт!

И я иду, куда она,
И недалёк тот час,
Как станем двое плоть одна,
И не разделят нас.

СПИВАНКА О ТОМ, КЕМ Я БЫЛ

Норовистости клише:
Видно, надоело
Молодой носить душе
Старенькое тело.

То грущу, то весел я
Из-за этой пары.
Не пойму никак, друзья:
Молодой ли, старый?

Хоть на свете и пожил,
Не могу нажиться.
Изо всех трудился сил:
Больше бы трудиться!

Срок ведя к концу земной,
Счастлив в этой были:
Целовались мы с женой,
Палиночку пили.

Лучших я имел друзей
И врагов всей сутью.
Я сгорал душою всей
И дышал всей грудью.

Мировой потоп встречал
С Ноем наготове,
Лад небесный различал
Я в русинском слове.

Очарован красотой,
Лишь её я чую,
Песни сердца звук простой
Прямо в душу вдую.

Повиниться не забыл,
Ухожу, раскаян:
Вполовину Авель был,
Вполовину – Каин.

ВСТРЕЧА С ВАЛЕНТИНОЙ

Тебя я видел не во сне –
Я это знаю.
Вот только, что сказала мне,
Не понимаю.

На Кальварии, на горе
Твоя могила.
А ты со мной тут, во дворе,
Поговорила.

С потери болью жить в борьбе
Терпенья нету.
Я вспоминаю о тебе,
А обо мне ты?

В движенье ль жизнь? Её запал
В любви потребе.
Тебя я в землю закопал,
А ты – на небе?!

Коль есть там рай, то ты в раю!
Я это знаю,
Ведь в пекле сам в родном краю
Я пребываю.

Жить бы да жить в любви своей
На белом свете.
Тебя похитил смерти змей,
Остались дети.

За ними, как могу, смотрю,
Сам из железа:
То штопаю, то суп варю –
Из кожи лезу.

Тебя укрыл землёй, травой –
Кто мной займётся?
И над моей ведь головой
Уж ворон вьётся.

***

В небе тучка как овечка,
Месяц будто глаз.
Где же ты, моё сердечко,
Где же ты сейчас?!..

Слышишь звук русинской песни,
Что звезде мила?
Я весь день тебя, хоть тресни,
Ждал, а ты не шла.

Не сумев к тебе прибиться,
Как в былом, под кров,
В звёздный хор хочу я влиться,
Но не знаю слов,

Что тебе бы рассказали,
Как душа болит.
Птицы в небе задремали,
Пара к паре спит.

Я не сплю у смерти в пасти
На закате дня.
Лишь в твоей, родная, власти
Оживить меня!

ОДИННАДЦАТАЯ ЗАПОВЕДЬ

«Не бойся быть русином!» – говорит
Нам заповедь последняя Господня.
Не прав любой из тех, кто укорит
За то, что дали мать с отцом, сегодня.

Казалось бы, кому нужны слова,
К которым в сёлах у русин привыкли,
Но сказки с песней в них душа жива,
Бог весть, когда и как они возникли...

В них отчий дом, чьи белены углы,
Клочок земли, где травы зеленеют,

Где под стрехою птенчики малы,
Что только по-русински разумеют...

У мамы в детстве спрашивал своей,
Всё засыпал её вопросов градом:
– На чьём наречье свищет соловей
Над дедовским ночным шуршащим садом?

– Чью воду из реки весёлка пьёт?
– Кто град трясёт из облака, как грушу?
Всё нашу принадлежность выдаёт,
Русинскую показывает душу!

В русинском проживаешь ты краю,
Русинский дождик любит здесь накрапывать.
От чужаков и дома, и в раю
Храни и речь свою, и эту заповедь!

***

Я знаю, что вот-вот умру.
Кто долго жили –
Те как деревья на ветру
Скрипели, гнили.

Я знаю, смерть придёт за мной
Инфарктом, гриппом,
И оглашу я мир живой
Последним хрипом.

А дальше – дверь в небытиё.
Шаги сквозь тучи.
Как мне ни нравилось житьё,
А смерть-то лучше!

***

Засливели сливы, и дички дичатся,
Небо на рассвете расцвело, как мак,
Мёрзнущие звёзды желтизной сочатся,
Хижины укутал склизлый мрак-мокляк.

Ты ещё не знаешь, что такое осень,
В сердцевине лета жившая, внутри.
Теплоты у солнца больше не попросишь,
А мою захочешь – сразу всю бери!

***

В октябре – в осенней сердцевине
Разлилось последнее тепло.
Выдул ветер тени туч из сини,
И блаженство с неба потекло.

Ленточки лучей вплело осокам
В солнцем позлащённую траву.
Чувства зрелой нежности потоком
Полились свободно наяву.

Чую я, что всё во мне дозрело,
Что полезным сделался мой труд.
Смело взялся б за любое дело,
Смело людям отдал бы на суд.

Давнего, кем раньше был, хоть тресни,
Больше нету: лодырь стал – трударь.
Осени плоды – вот эти песни,
Оттого звенит в них звонко ярь!

В октябре дошел до середины,
До конца декабрь пройду, сполна,
И стихи, как золотые вина,
На удачу я допью до дна.

ЗАРАТУСТРА

– Час придёт, и станет пусто
В храме тела и души, –
Этой фразой Зарастустра
Меня страшно рассмешил.

Сплёл слова, как шерсти волны,
И ему ответил так:

– Если раньше были полны,
Кто ж от века был бедняк?
До сих пор в русинах пусто.
Что ты скажешь, Заратустра?

***

Полночь. Сад. И мелькают меж хижин
Тени тайн очевидных в окне,
Звёзды будто бы ягоды нижут
И несут ожерельями мне.

Донизали все звёздочки дружно
И скребут, как по жести, хрустят.
Видно, им темноты только нужно,
Света звёзд они знать не хотят.

Дрожь ребячья берёт и поныне:
Одеяло, ладонь у щеки,
Звёзды, будто из глаз при ангине,
Сребророги, жарки, высоки...

ЛЕНОРМАН

В потоке времени иного,
Чем то, где мы с тобой теперь,
Не гаснет жизнь, всё вечно ново,
И не стареют от потерь.

Грядущее с прошедшим свяжет,
Разоблачит любой обман,
В пророчествах всю правду скажет
Мария-Анна Ленорман,

Что знает карты, видит числа,
И рок сулит какой рука,
А в ней с букета лента свисла,
Протянутого сквозь века.

В цветах не дышит смерти север,
В них только запах старины.

Цветок мой – кашка, конский клевер,
Им дни мои оплетены.

Что смерть в петле найдёт в финале
Был вряд ли слышать Пестель рад.
Её на плахе вспоминали
Все – Робеспьер, Сен-Жюст, Марат.

Ей Жозефина доверяла,
Просил совета Бонапарт,
Дела грядущих дней читала
В ладонях и раскладах карт.

Но я за то пою ей славу,
Что сделала прогноз один
И напророчила державу
Иметь свою тебе, русин!

БОГ ЛЮБИТ

Мне в детстве мама говорила
(Её уж нет), что любит Бог
Вдыхать всей грудью из кадила
Чуть сладкий ладана дымок.

Когда весь мир в метели тонет,
Мороз трещит и снегопад,
Бог любит зябкие ладони
Греть в избах на огне лампад.

Когда важнее хлеба треба
Душе на проклятой земле,
Бог любит прилетать к нам с неба
Молитвы чистой на крыле.

Перевод с русинского Ирины Ковалёвой

КЕРИМ МХЦЕ (1949 – 2001)

Керим Леонидович Мхце родился в Карачаево-Черкесии в ауле Малая Кува. Выпускник Литературного института им. Горького (семинар поэзии, 1975 г.). Автор восьми книг стихотворений. Член Союза писателей с 1978 г. В 1998 г. ему было присвоено почётное звание «Народный поэт Карачаево-Черкесской республики». После смерти поэта о нём был снят документальный фильм: «Звезда, погасшая в полёте». В книге «Возвращение» (2018) стихи Керима Мхце впервые были представлены русскому читателю в таком полном объёме.

«Стихи и поэмы Мхце внешне не броски, не «одеты в яркие поэтические одежды». Это создает иллюзию безыскусности, абсолютной простоты. Но простота эта сродни пушкинской и обладает такой глубокой философской и эстетической мыслью, что пытается вобрать в себя и выразить сущность многосложного бытия. Прозрачная, но неисчерпаемая глубина – вот, вероятно, самая характерная особенность его поэтической индивидуальности»,[1] – В. Б. Тугов, доктор филологический наук, профессор.

ПУГАЛО

Весеннее буйство в природе,
Лазурью покрыт небосклон;
А пугало на огороде
Гоняет крикливых ворон.

Несёт разноцветное лето
Богатство созревших плодов;
У пугала отдыха нету,
Он – сторож, ему не до снов.

По осени весь до полоски
Убрали с полей урожай;
Но пугало в рваных обносках
Не спит, под ветрами дрожа.

И я в этом мире не взыскан;
Но, честь не роняя свою,

[1] Тугов В.Б. Поэзия разума и чувств // День республики. – 1999. – 3 июня. – С. 4. (Прим. пер.).

Средь стылой земли абазинской,
Как страж одинокий, стою.

ЕЩЕ НЕМНОГО

Опять печально поезда кричат,
Минуя дом, где беззаботно спишь ты.
А я храню молчания печать,
К тебе взывая всей своею жизнью.

Светлы надежды были и чисты,
Им больше никогда не возвратиться.
Без остановки тикают часы,
И полночь уж давно в окно стучится.

Отдав в залог остаток дней, вдвоём
Мы у судьбы похитили неделю.
Собачий лай раздался за окном,
И я опять сомкнуть глаза не смею.

Но, чу! Вот кто-то постучался в дверь!
Нет, это ветер так несносно шутит.
Пусть длится сладкий предрассветный бред,
Пусть сказка поживёт ещё минуту…

Всё ложь. Не сомневайся ни на миг:
По воле сердца жить нам не придётся.
Отбившись от товарищей своих
С одним из нас состав во тьму несётся…

Когда ты перестанешь различать
Моё лицо, сквозь сомкнутые ставни
Я буду нежно для тебя звучать
Ночным дождём осенним, беспрестанным.

ДОЛГ

Не волнуюсь о том, что случится, –
Я познал груз грехов и измен…
Но долги продолжают копиться,
А за дверью стоит – судный день.

Для того и душа моя дышит,
Ждёт, вот-вот все долги я раздам.
Но судьба, что начертана свыше,
Не дает заплатить по счетам.

Я судить о прошедшем не смею.
Ещё был я бессилен и наг,
Не расстался ещё с колыбелью, –
Был измерен уже каждый шаг.

Ум и сердце свободы не знали,
Быть слугой приказала судьба…
Час за часом долги возрастали,
А за дверью моей – день суда.

Сколько тех, кто из скудного счастья
Рад присвоить был львиную часть.
Но никто из них, как ни печалься,
Не готов за меня отвечать.

Сам повинен во всём, не иначе.
Почему пробудиться не смел?
Глаз не поднял, покуда был зрячим?
Не вскричал, пока голос имел?!

Крик разнёсся бы, как по веленью,
Гулким эхом по тёмной земле,
Весть храня о моём поколенье,
Что бесследно исчезло во мгле…

Раз прислуживал, знать, виноват я.
По вселенной кружат холода.
Я должник. И все ближе расплата
За долги – страшный день, день суда!

ОСЕНЬ

Осень – гостья рыжая
Стряхивает листья.
Высоко над крышами,
Журавли зависли.

Солнце раньше прячется,
Иней травы клонит.
По равнине катится
Перекати-поле.

Реченька текучая
Песню позабыла.
Ночью небо тучами
Чёрными укрыло.

Скоро осень скажется
Зимушкой седою.
Скоро снег уляжется,
Мир укрыв собою…

Птичка невесомая
С голой ветки тонкой
Песню шлёт весёлую
Журавлям вдогонку:

«Улетать не жалко вам
От родного края?
Я на страны жаркие
Дом не променяю.

Я для милой родины
Песнь свою слагаю.
Пусть она холодная –
Нет теплее края!»

* * *

Я шагаю, от встречных
Затаив свою боль.
Я беседую с вечной,
Равнодушной судьбой.

Отчего ты, скажи мне,
Беспощадна и зла?
Сколько раз в этой жизни
Ты меня провела!

Я прошу не ответа,
Лишь немного огня;
Чтоб хоть капельку света
Пролила на меня…

И хоть знаю, растрогать
Мне судьбу не дано,
Бесконечной дорогой
Я иду всё равно!

Перевод с абазинского Андрея Галамаги

ШУЯ-ХАНДА АЮШИЕВНА БАЗАРСАДАЕВА (1944 – 2017)

МЫ ПЛАТИМ ЕЙ ЛЮБОВЬЮ ЗА ЛЮБОВЬ

2017-й год стал последним годом жизни замечательного человека, талантливой бурятской поэтессы Шуи-Ханды Аюшиевны Базарсадаевой. До последних своих дней поэтесса оставалась верной своему призванию, работала над новой книгой стихотворений. В этой работе ей помогал известный забайкальский писатель Виктор Борисович Балдоржиев. К слову Балдоржиева прислушиваются все литераторы нашего края. А Шуя-Ханда Базарсадаева стремилась перенять опыт признанных мастеров, училась не только у классиков русской и бурятской литературы, но и талантливых собратьев по перу, своих современников. Она участница многих семинаров молодых писателей Забайкалья, Сибири и Дальнего Востока, Агинского округа.

Шуя-Ханда Базарсадаева являлась членом Союза Забайкальской писательской организации и Союза писателей России. Она автор нескольких поэтических сборников, печаталась в окружных газетах, журнале «Слово Забайкалья», коллективных сборниках. Её стихи в переводе Бориса Макарова неоднократно публиковались на страницах журнала «Переводчик». Награждена дипломом международного фестиваля «Алтаргана – 2006», заняла второе место в номинации «Современная поэзия» на фестивале «Алтаргана – 2012», награждена серебряной медалью. Ещё на одном фестивале «Алтаргана – 2014» за песню «Ехэ наадан», награждена золотой медалью. Её песни поныне поют в Аге и Бурятии.

Творчество талантливой писательницы – достояние культуры всех забайкальцев. Её слову жить долго. Мелодиям её песен звучать в нашей

памяти, в наших сердцах. Шуя-Ханда Аюшиевна любила людей, и мы будем всегда платить ей любовью за любовь.

Предлагаем вниманию любителей поэзии новые переводы стихотворений автора, выполненные обладателями медали «За заслуги перед бурятским народом», поэтами, членами Союза писателей Забайкалья и России Дугармой Батоболотовой и Борисом Макаровым.

ДОРОГИ

Бетонная трасса в чужие края
Зовёт и ведёт людей.
От сердца к сердцу дорога моя –
Мелодия песни моей.

С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ, К РОДИНЕ СВОЕЙ

Любя людей
И Родину любя,
Я в юности поставила задачу:
Среди людей не потерять себя,
Не гнаться за другими,
за удачей.
Мои удача, счастье – вот они, –
Друзья мои,
Мои родные люди.
Всю жизнь мою равнялась я на них
И в дни торжеств,
И в трудовые будни.
И никогда не кланялась всем тем,
Кто ки́чился талантом или властью.
А потому любой прожитый день
Был для меня всегда наполнен счастьем.

ВЕСНА НА БЕРЕГУ ОНОНА

Иду по берегу Онона.
Легки шаги.
Светлы мечты.
Глядят на солнышко
влюблённо
Глазами синими цветы.
Подснежник…

Даже в слове –
нежность.
Как много в мире
Добрых слов!
А в небе чистом и безбрежном
Рулады птичьих голосов.
На вербах враз раскрылись
почки,
И, будто сотни малышат,
Серёжек белые клубочки
В ладонях веточек лежат.
Всё тяжелей черёмух ветви,
Пышнее кисточки на них.
Всё гуще росы на рассвете,
И ярче звёздные огни.
Весна – начало новой жизни,
Всего живого благодать.
…Мою любовь к моей отчизне
Стремлюсь стихами передать.

СОСНОВЫЙ БОР

Всю жизнь мою
Со мной сосновый бор.
Его я вижу
С детства
До сих пор.
Как вижу небо, облака и солнце.
Мне по утрам протягивают
сосны
Ладони-ветви.
И хадак[1] зелёный
Я принимаю с вежливым
поклоном.
Я разговор деревьев
с ветром
слышу.
Я каждый день
Степные дали вижу
И бор, стоящий крепостной стеной,

[1] Хадак – (*бур.*) шёлковый шарф, который вручают почётным гостям. (Прим. пер.).

Хранящий мир земли моей родной.
…О, как красива родина моя.
Луга её – бескрайние моря.
На волнах трав колышутся цветы –
Моей далёкой юности мечты.
Здесь жили предки славные мои.
Их доблестью гордилась я всегда.
Они вели за родину бои.
В степи водили тучные стада.
Они в былинах передали мне
Героев незабвенных имена.
И песни их, и топот их коней
В себе хранит степная тишина.
…Сосновый бор.
Моя тропа – к тебе.
Я так хочу тебя достойной быть.
Я благодарна Богу и судьбе
За счастье землю отчую любить.
За счастье жить
И видеть каждый день
Снега, цветы, тебя, сосновый бор,
Кувшинки на лазо́ревой воде
Моих степных задумчивых озёр.
…Сосновый бор,
Прикрой мой край от бурь.
Он испытал немало разных бед.
Живи в веках и песен не забудь,
Которые мы пели о тебе.
Моя дорога к цели далека.
Но я иду, не жалуясь, по ней.
Я так хочу, чтоб и моя строка
Вплелась в бессмертный шум
твоих ветвей…

КРУГОВОРОТ

Засыпаешь –
умираешь…
Просыпаешься –
живёшь…
Что не ведаешь,
не знаешь –

Постепенно узнаёшь.

После летнего кочевья
К зимним стойбищам придя,
Старики без всех лечений
Лучше чувствуют себя.

Если встретится преграда,
Не хочу назад бежать.
Понимаю: просто надо
Посильнее зубы сжать…

День сегодня хмур и труден,
Но не надо горевать.
Всё пройдёт, и снова будет
Радость душу согревать.

Снег лежит в полях безбрежных.
На озёрах лёд блестит.
Но придёт пора – подснежник
О весне нас известит.

Снег пронзит цветок упрямый.
Запоёт в ручьях вода.
…Только мама,
Только мама
Не вернётся никогда…

МОИ МЕЧТЫ, МОИ ЖЕЛАНИЯ

Мои мечты, мои желания,
За вас стыда нисколько нет.
Хочу, чтоб степь цветами алыми
Расцвечивалась по весне.
Пусть не гуляют ветры пыльные
По нашим сопкам и лугам.
Хочу, чтоб всё богаче жили мы
Назло завистливым врагам.
Хочу не пятиться, не прятаться
Ни от борьбы, ни от труда.
Хочу, чтоб птицы в небе плавали
И пели песни нам всегда.

Мечтаю быть людьми услышанной,
Чтоб стала книгою тетрадь.
Ведь для того стихи и пишем мы,
Чтоб души людям согревать.
Мечтаю, чтобы с неба звёздочку
Мне подарил любимый мой.
Чтобы сердца у нас не мёрзли бы,
Когда мы встретимся с зимой.
Мечтаю по родному берегу
Гулять с любимым до зари,
Чтоб был он ласковым и бережным
И о любви мне говорил.
Хочу, усталости не зная,
Взойти на пики Алханая,
Восхода солнца подождать,
И с ним всему родному краю
Навечно счастья пожелать.

ОЖИДАНИЕ

Ждать трудно.
Легче жданным быть.
Не зря в народе говорится…
…Смотреть в окно.
Про сон забыть.
Гадать, – не пыль ли там
клубится,
На тракте,
Что в село ведёт
Всех тех,
Кого здесь ждут
И днём, и ночью.
…Мать сына ждёт.
Сын маму ждёт
Старушка – внука.
Папа – дочку…
Все ждут откуда-то кого-то.
С учёбы, службы и с работы,
Из близких и далёких мест.
Ждут женихов
И ждут невест.
Мужья ждут жён,

А те – мужей.
Ждут добрых,
Радостных
Вестей…
Ждать нелегко.
Трудней живёт
Тот, кто не любит
И не ждёт…

Жизнь учит всех нас понимать,
Какое то счастье –
Ждать.

ЗДРАВСТВУЙ!

При встрече
С тобой говорить об обидах
Не будем.
Что было – прошло.
Всё плохое нам надо забыть.
Мы молоды были
И даже в обычные будни
Умели, как в праздники,
Петь, веселиться, любить.
Ты помнишь, как мы
По степи до рассвета бродили…
Цветы, как фонарики,
Путь освещали во тьме.
Мы щедро друг другу
Небесные звёзды дарили.
И верили мы:
У любви окончания нет.
…Тогда мы не знали,
Что можно споткнуться о сплетни,
Что могут во тьме затаиться
И зависть, и зло…
…Не будем…
Не будем…
Забудем об этом…
Ведь песня о нашей любви не допета.
А горечь и боль
С Алханая спустившимся ветром

За тысячи вёрст унесло.

Ну, здравствуй!
Подай поскорее мне руку.
Прими мой степной
Златоцветный букет.
…Как долго тянулась
Нелёгкая наша разлука.
…И как хорошо –
У любви окончания нет!...

СТРОКИ ПЕСНИ МОЕЙ

Не знаю, откуда они появились,
певучие эти слова.
Частицей вечерней прохлады
влились в моё сердце…
Пронзительно пахла
прогретая солнцем трава,
И птица, готовясь ко сну,
свою песенку пела.
…Я несколько слов положила
в копилку
свою.
А утром, идя по степи,
Я увидела синий цветок.
Звенел колокольчик.
Он мне поклонился.
И лёг его звон
На обычный тетрадный листок.
И новой строкой в моей будущей песне родился.
…Я к озеру вышла.
Вокруг никого,
А вода под солнцем сверкала
И в гости меня приглашала.
С каким наслажденьем я в озере светлом тогда
И в солнечных бликах его искупалась!
И свежесть озёрной
Пронизанной солнцем волны
Вошла в мою песню
Весёлой и звонкой строкою.
И крылья той песни,

Свободны, легки и сильны,
Её вознесли над моей дорогою
Агою.
Лети, моя песня,
Пусть люди услышат тебя.
Неси им привет мой
И будь им опорой надёжной.

Перевод с бурятского Дугармы Батоболотовой и Бориса Макарова

ЛУИ БЕРТОЛОМ (род. в 1955 г.)

Французский поэт и прозаик. Родился в городе Фуэнан (Бретань, Франция). Автор 12 книг (стихи, рассказы). Публиковался в ряде литературных журналов, а также в 30 антологиях и коллективных сборниках. Участник фестивалей поэзии в Бретани, Париже, Юра, Квебеке, Чешской Республике, Сербии, Бенине и Марокко. Лауреат премии Ксавье Гралля за совокупность творчества. Лауреат международного фестиваля искусств «Степная лира» (2018).

Предлагаем читателям лирические произведения Луи Бертолома в переводе на русский язык с сохранением авторской пунктуации.

ДОВОДЫ ВЕТРА

Воздух сгущённый
взволнованный
дню придаёт
жажду сокрытого
скачущий ритм
птичьих сольфеджио
Свобода благоуханная
в испареньях равнин
ветер
ласка без всякой меры
Он принимает форму
того, что схватил
цвет своих жертв
Напитавшись
их памятью
дух его служит

оправданием пыли
Проповедник без родины
он возвещает
незримой метафорой
движения мира
Ветер крик
а деревья
голосовые связки
Речь
вырывающая слова
из вертикали
Плод без косточек
отец всех плодов
Вино
до винограда
Вместе с ветром уходит всё
…всё возвращается

АМНЕЗИЯ

Пробужденье
расплывчатые секунды
невозможно понять
куда себя поместить
между реальностью и сновиденьем
Краткий тревожный миг
после странствия вглубь себя
Сладкий зыбкий момент
в этом нигде
в этом странном уюте
Безграничность пространства и времени
когда ищешь себя самого
на жаркой перине
Шаткая отрешённость
пред возвращеньем
к беспощадной реальности
Призрачная неясность
в душном воздухе чёрной комнаты
когда вспыхивает внезапно
истинный миг её жизни
Эта тайная амнезия
между сном и реальностью

которую хочется длить
перед паденьем

ДЫХАНИЕ НОЧИ

Дыхание ночи
в чёрных шелках своих жалоб
колеблемых жалами ветра
проницает до самых недр
странной испариной
негой глубинной
безумные сны
которые надо забыть
как тайную исповедь
в муках безмолвья
Чтобы вновь возродился
слабый проблеск реальности
мы стираем из памяти
тревожные эти сюжеты
призрачного кино
ночных сновидений
из параллельного мира
скрытого тёмной завесой
расшитой узором
возобновляемой смерти
Дыхание ночи
обнажает все свои тайны
скрываемые простынями
в неосязаемом времени
дьявольского потока
уносящего разум
за пределы согласья и действий
туда где беззвучный голос
изливается пламенем жизни
под сводами подсознанья

ЗАПУСТЕНЬЕ

Ангар, открытый ветрам
ржавым, колеблющим
мёртвые травы
безжизненную тишину

Сломанные телеги
с засохшим навозом
курятник пустой
за оградой безмолвья
Непаханая земля
голая, без покрова
давно забыла о злаках
мучается бесплодьем
Стылый порог, квадраты
расшатанных рам оконных
в копоти от сгоревших
семейных секретов
Дремлют под небом лазурным
тёмный треснувший камень
и проржавевшая жесть
тщетного долготерпенья
Стены уже осели
мхом поросли густым
там, в потаенных гнездах
птицы выводят птенцов
Обилие ежевики
среди смеющихся трав
заросли дней не пахнут
ни молоком, ни потом
Время посеяло в землю
дикое семя зимы
которое прорастает
странным воспоминаньем

ДЛИННАЯ ЛЕСТНИЦА

Подниматься медленно
ступень за ступенью
никогда не спускаться больше
взбираться всегда и ещё
по непостижимому
оно иногда скрипит, раскачивается так
что хватаешься за перила
спасительные остановки
на лестничных клетках опасны
задерживаться нельзя
уклоняйся от просьб

всех дверей
расшифровывай половики
возобнови восхожденье
кто-то идёт быстро
другие страдают одышкой
присаживаются на ступени
пот утирают
те, кто спускаются
забывают свою идентичность
те, кто упали
уже не нуждаются в ней
но вот уже лестница делается
не такою крутой
какое же облегченье
для заслуженной нашей усталости
ритм приспособился
дальше дороги нет
когда ты уже вскарабкался
одолел все ступени
испытал свою храбрость
можно уснуть
странным сном

Перевод с французского Нины Габриэлян

АМЕРИКАНСКАЯ ДУХОВНАЯ ЛИРИКА

МАЙКЛ ШИПЛИ (род. в 1964 г.)

Читатели журнала «Переводчик» уже знакомились с лирикой современного американского поэта Майкла Шипли.

В качестве своего истока Майкл Шипли называет творчество выдающегося персидского поэта 13 века Джалаладдина Руми (1207–1273), который был духовным предком дервишей самого влиятельного в Османской Турции и существующего и в наши дни тариката[1]. В своей поэзии, которую Шипли считает формой «литературного шаманизма», автор стремится соединить, с одной стороны, объективный физический мир, а с другой – царство небесное.

[1] Тарикат – (*араб.*) дорога, путь. (Прим. пер.).

Майкл Шипли[1] родился в городе Милуоки, штат Висконсин, США. В 1968 году его семья переехала в Калифорнию, там он окончил школу. В 1987 году он завершил курс образования в Университете Южной Калифорнии и получил степень бакалавра кинодраматургии.

После окончания университета Майкл много ездил по стране и пробовал свои силы в разных сферах деятельности. В 1988 году он стал последователем Веры Бахаи, а в 1991 году в составе молодежной группы бахаи впервые побывал на востоке России. Майкла Шипли покорили русские люди. Этим же летом он принял решение жить в России и в следующем году вернулся и остался в нашей стране. Сначала, в течение трех лет Майкл жил в Москве и Петербурге, но, устав, в конце концов, от суеты больших городов, переехал в столицу Забайкалья, Читу, и женился на выпускнице факультета иностранных языков педагогического института Ирине Богушевич. Они познакомились во время первого приезда Майкла в Россию в 1991 году. Здесь, в Чите, Майкл работает переводчиком и время от времени пишет стихи.

В этих стихах – движение человеческой души, стремление к совершенствованию; в них – размышления о смысле бытия, о пределах мира и человеческого духа, о Творце и его творении, о неизбывной силе любви.

***

Всё совершенствуется, абсолютно всё.
Но, глядя на умирающего человека, распадающуюся страну,
превращающееся в руины здание, вы говорите:
«Всё хуже, чем было».
«Вообще всё летит в тартарары».

Но если вы заглянете *внутрь* этих вещей, то увидите всё по-другому.

Человек приближается к Богу.
Он сбрасывает свою кожу, чтобы обрести одеяние души.
В стране распадается то, что уже бесполезно,
Расчищая место для новых подходов.
И здание – не руины. Это вестник,
Приходи, зови любого в лучшее место.

С другой стороны, не возводите плохих зданий, и они не разрушатся.
Но как построить добротное здание? Как управлять страной?

[1] Журнал «Переводчик» № 5, 2005. СС.27-33. Предисловие Татьяны Сухановой.

Остаться молодым?

Для начала узри Бога,
А всё остальное придёт.

***

Чтобы попасть на небеса, нужно дорого заплатить.
Сияющая беломраморная статуя обретает жизнь только после того, как резец освобождает её от всего лишнего.
Не бойся боли, она очищает тебя.
Скорее опасайся самодовольства, потворства своим желаниям, праздности.
Это шёлковые веревки на твоей шее, которые стягивают всё туже.
Наши слёзы приближают нас к собственной сути. Ты хочешь счастья? Будь готов страдать, как человек, ищущий в пустыне, голодает и томится от жажды.

Жажда открывает все поры для того, чтобы впитать росу. Каждая капля жидкости волнует алчущие души.

Раскройся, вывернись наизнанку и стань обнажённой раной.

Когда ты достаточно голоден, страх забывается.

***

Не дай себя обмануть:
мы все до какой-то степени слепы.
Наши сердца вводят нас в заблуждение,
а наш разум творит вымысел.
Только наши души знают истинную правду.

Обратись к своей душе.
Очисти её.
Пусть она трудится.
Молись,
Молись ещё.
Духовная пища – лестница, ведущая наверх.
Не смешивай её с верёвками, которые связывают путами.
Как река, дух движется внутри нас
И вокруг нас.

Когда мы живём в гармонии с ним,
мы благоденствуем.
В противном случае мы, как рыба,
выброшенная на берег,
задыхаемся.

***

Чтобы лошадь не убежала с пастбища,
фермер её стреноживает.
Чтобы человек не попал на небеса без борьбы,
Бог посылает нам эгоизм и страсти.
Мы завоёвываем наши крылья.
Никто не приходит к Богу, не став смиренным,
И затем смиряясь ещё,
И ещё.

Но не Бог толкает нас вниз –
Это мы, поднимая голову слишком высоко,
Забываем, где находимся, и спотыкаемся.
Из-за того, что другие ползают вокруг,
не стоит оправдывать собственную леность.
Поднимитесь.
Шагайте вперёд,
Небеса ждут.

ОДНАЖДЫ ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ

Только слова остаются
после однажды прожитой жизни.
Стихи – хитросплетение слов,
чтобы оживить мимолётные воспоминания.

Но настоящая жизнь ускользает,
Как вода проходит сквозь невод,
Возвращаясь снова в океан;
Сущность нашей жизни
Нельзя измерить или
сохранить.

Возьми эти слова,
Эти едва уловимые следы

И попытайся найти однажды прожитую жизнь.

Изучи след проходящего мимо корабля.
Расскажет ли он все секреты капитана и его команды?

Изысканного плода больше нет –
Остался только аромат.

***

Питайтесь божественным – и вы приобщитесь к нему.
Питайтесь земным – и вы свяжете себя с землёй.
Идите с чистыми помыслами, и на вашем пути не будет никаких преград.
Копаясь в грязи, мы приковываем себя цепью к самим себе и не можем сдвинуться с места.

Отпусти свою цепь!
Радость – в отречении от всего, что, казалось, было необходимо.
Счастье – в воспоминании о том, что нас окрыляет.

Лети!
Нырни в реку и плавай вместе с рыбками.
Погрузись в небеса.
Затем уже ступи на землю.

***

Если бы нам всем было суждено одряхлеть и умереть
И всей земле превратиться в пепел,
Что сталось бы с Богом?

Только человек может задавать такие вопросы!
Собака могла бы спросить то же самое:
«Если я умру, что толку будет от моего хозяина и его прекрасного дома?»

Те, кто знает, приближаются к Богу, пресмыкаясь в пыли,
моля только о прощении.

***

Цветы распускаются бесшумно.
Луг превращается в великолепный сад без единого звука.

Пусть и твоё сердце раскроется точно также.
Свет, который посылает нам Господь,
не для того, чтобы согревать придорожные камни.
Но он для того, чтобы явить миру
сокровища, сокрытые в твоём сердце.

КОТЁНОК

Я встретил котёнка на лестничной площадке.
Он был маленьким и не издавал ни единого звука.
Но увидев меня, котёнок замяукал.
Одинокий, печальный, голодный, беззащитный…
Я остановился и приласкал его.
Продолжив свой путь, я вдруг осознал,
Что все мы ничем не отличаемся от этого котёнка.
Мы храним свою боль глубоко внутри
В ожидании отзывчивого сердца,
а найдя его, изливаем свою боль
слезами и рыданиями.
Да, котёнок, я знаю, каково тебе.

Перевод с английского Ольги Стельмак

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564 – 1616)

Начиная с 2013 года, мы публикуем отрывки из поэтических переводов-интерпретаций бессмертных шекспировских трагедий, выполненных замечательным мастером слова Ашотом Сагратяном.

М А К Б Э Т

Действующие лица:

Дункан – король Шотландии
Макбэт – тан (барон) Гламиса и Кавдора, полководец Дункана
Банко – тан Лохабера, полководец Дункана
Малкольм – старший сын Дункана
Дональбайн – его младший сын
Флинс – сын Банко
Макдуф – тан Файфа, шотландский дворянин
Ленокс, Росс, Ментис, Ангус, Кайтнес – шотландские вельможи

Сивард – граф Нортемберлендский, воитель англичан
Молодой Сивард – его сын
Сейтон – офицер при Макбэте
Леди Макбэт
Леди Макдуф
Сынок Макдуфа
Геката – королева ведьм
Три ведьмы
Придворная дама при леди Макбэт
Английский лекарь
Шотландский лекарь
Сержант
Привратник
Старик
Призрак Банко и другие призраки
Лорды, дворяне, солдаты, убийцы, слуги, гонцы.

Место действия – Шотландия, Англия

АКТ I

Сцена 1

Пустошь. Гром гремит, сверкают молнии. Входят три ведьмы.

Первая ведьма
Удастся ль нам сойтись втроём, когда и молния, и гром?

Вторая ведьма
Как чья-то сила перевесит, тогда мы и сойдёмся вместе.

Третья ведьма
Всего скорее на закате.

Первая ведьма
Где встречи нашей место?

Вторая ведьма
Там, где разросся вереск.

Третья ведьма
Заката как истает свет, навстречу выйдет нам Макбэт.

Первая ведьма
Чу! Различаю звук неясный.

Все три вместе
То жаба квакнула: – Прекрасно!
Добро со злом хоть что порочь,
Пора из гнили мира прочь!

Истаивают.

Сцена 2

Лагерь под Форресом. Накатывает шум битвы. Входят король Дункан, Малкольм, Дональбайн Ленокс. Навстречу им окровавленный сержант.

Дункан
Бедняга еле держится, но рассказать он может – в рядах мятежных что на что похоже …

Малкольм
Меня храбрец сей вызволил из плена, он ангел мой с небес. – Ответь-ка королю, за кем там перевес?

Сержант
Нельзя понять. Как два пловца, сцепились эти двое – Макдональд злющий, голова крамолы, поскольку средоточье он пороков. На западе наёмников нашёл, завербовал ирландскую пехоту и понеслась за ним людская грязь, как шлюха. Смельчак Макбэт, он стоит добрых слов, мечом себе дорогу прорубая, возмездием изменнику предстал. Руки не подал и не попрощался, и разрубил по пояс. А голову над башней водрузил. Был враг того достоин.

Дункан
Вассал достойный и отменный воин!

Сержант
Едва победы мы познали вкус, на нас с востока двинулась жестокость: едва погнали мы ирландцев рать, король норвежский, надо бы вам знать, отряды двинул свежие на нас. В отменных латах все они сейчас. И копьями затмить готовы солнце.

Дункан
Что, Макбэт с Банко дрогнули пред ними?

Сержант
Орлам бояться ль воробьёв иль зайцам львов? Как сдвоенный пороховой заряд, они врага отбросили назад. Мечи в крови врагов омыть хотели, иль новую Голгофу там воздвигнуть, не скажу. Меня, простите, оставляют силы, от ран и речь становится бессвязной. На раны наложить бы мне повязки.

Дункан
Ты чести человек и это душу греет. Его ведите к лекарю скорее.

Сержанта уводят.

Малкольм
К нам Росс.

Входит Росс.

Ленокс
Как погляжу, во взоре тень тревоги. Со спешной вестью он, видать, с дороги.

Росс
Бог да храни от века короля!

Дункан
Откуда ты, достойный рыцарь мой?

Росс
Из Файфа. Там норвежские штандарты, отбитые у подлого врага, дают в тени их пребывать солдатам. Норвежца одолев, с изменником сошлась вся эта человеческая грязь. Примкнул к ним тан Кавдора, но с ним Макбэт наш разобрался скоро: скрестил мечи с надменным иноземцем и в поединке одолел его. Короче, там победа наша. С нами Бог!

Дункан
Удача, так удача!

Росс
Король норвежский Свенон просит мира. Но прежде чем предать земле

своих, он десять тысяч серебром нам отдал на острове Сент-Кольм.

Дункан
А чтоб Кавдорский тан не вздумал нас дурить, вели там всех без жалости убить. Да с новым титулом поздравь Макбэта. Отныне он Кавдора властелин. Достанется ему богатство это.

Росс
Рад передать ему такую весть.

Дункан
Тот всё профукал, а Макбэту честь.

Все уходят.

Сцена 3

Степь, заросшая вереском. Гроза. Входят три ведьмы.

Первая ведьма
Ты где была, куда ты подевалась?

Вторая ведьма
Свиней побольше потравить старалась.

Третья ведьма
А ты сама-то пропадала где?

Первая ведьма
Гляжу, у шкиперши подол каштанов. Всё чавкает и чавкает одна. Ей говорю:– Не хочешь поделиться? Она мне: – Ведьма, прочь! И злится. А муж её на «Тигре» да в Алеппо. Но мне ли выглядеть нелепо?! Ему вослед я водяною крысой. Так что каштанам от меня не скрыться.

Вторая ведьма
Тогда тебе я ветром подсоблю.

Первая ведьма
Тебя за душу добрую люблю.

Третья ведьма
Так вот, подружки, вторя вам, несметным бедам их ещё поддам. Их зак-

ручу меж берегов, вдоль всех прибрежных округов. Над картами подолгу будут сохнуть, я сна, покоя их лишу. И кряду двадцать семь недель по водам будет их мотать отсель. Но не пущу корабль на дно, позволю жить одним лишь днём. Да, так сильна моя рука! Вот, видишь палец моряка?

Вторая ведьма
Ну-ка, ну-ка, покажи-ка.

Первая ведьма
Лоцман вёл корабль, вёл, да на дно с ним и пошёл. (*за сценой бьют в барабан)*

Третья ведьма
Бьёт барабан на белый свет: знать, к королю идёт Макбэт.

Все вместе
Все мы, сёстры, вездесущи, мы и тут, и в райских кущах. Водим тайный хоровод. Трижды девять – той и этой, над землёй несёмся ветром. Стой! И колдовство встречай: напустили в мир мы чар.

Входят Макбэт и Банко.

Макбэт
Не припомню дня светлей!

Банко
Скажите, до Форреса далеко ли? И кто они, все эти существа, в тряпье таком земные ли созданья? К сухим губам прижав иссохший палец, людей ли вы предстали нам тенями? Когда б не бороды, в вас видели б мы женщин…

Макбэт
Ужели онемели разом все?

Первая ведьма
Достойный сын Гламиса, славься!

Вторая ведьма
Достоинство Кавдора, будь здоров!

Третья ведьма
Приветствую тебя, ты выйдешь в короли!

Банко
Ты отчего так вздрогнул? Речи милы. Признайтесь, кто вы, тени или духи? Смутили друга моего вы сладких предсказаний бредом. И приведёт ли сан его к победам? Сквозь времена дано ли видеть вам? Надежды семена сродни словам. Завесу тайн и мне вы приоткройте. Немыми истуканами не стойте! Ни милости, ни гнев мне нипочём. Признайтесь-ка, молчите вы о чём?!

Первая ведьма
Достоин славы ты, Макбэт!

Вторая ведьма
Достоин чести!

Третья ведьма
Всех благ земных тебе желаем вместе!

Первая ведьма
Ты ниже, чем Макбэт, и выше.

Вторая ведьма
Да, ты несчастлив, но и счастлив ты.

Третья ведьма
Ты не король, но жизнь дашь королям, да здравствуют Макбэт и Банко!

Первая ведьма
Да славятся и Банко, и Макбэт!

Макбэт
Куда вы, возвестившие мне это? Синела сын, я разве что Гламис, но тан Кавдора здравствует поныне. И как мне стать шотландским королём? Откуда вам видения такие? В степи глухой пророчествам ли место? Ответьте честно.

Ведьмы исчезают.

Банко
Они что пузыри. Возникли и исчезли.

Макбэт
Как может на глазах истаять плоть? Не ветра ли порыв то был?

Банко
Но мы же не объелись белены, чтоб нам с тобой мерещилось такое!

Макбэт
Твоим потомкам в королях ходить.

Банко
Быть королём, прости, твоё призванье.

Макбэт
Кавдором править, хочешь ты сказать?

Банко
Так в песне пелось. И кого несёт к нам?

Входят Росс и Ангус.

Росс
Макбэт, король тобою горд, что грозного врага не убоялся. Отвёл от нас набег норвежских орд. И с поля битвы он любую весть ловил, скрыть не пытаясь удивленья. И он преображался от волненья. Хвала тебе легла к его стопам.

Ангус
К себе тебя просить велел он нам.

Росс
Пожаловать – главою стать Кавдора. Возглавишь тан и здравствуй в нём, как бог! Добыть победу ты ему помог.

Банко
Выходит, те ведуньи не плели.

Макбэт
Я короля желаний не пойму. Чужого тана сан мне ни к чему.

Ангус
Он здравствует, Кавдора тан. Над ним вины топор. Как снюхался с норвежцем, с той поры. Подкоп ли тот под родину прорыл, иль что ещё?

Известно: он в измене уличён. Вины признаньем сам в немилость ввергнут. И потому низвергнут.

Макбэт (*в сторону)*
Гламис, Кавдора тан… Не свыше ль мне за службу дар сей дан?! Не ты ли ждал для сыновей престола?

Банко
Будь начеку. Им обещали царство? Остерегайся большего желать! Как часто голосами тёмных сил завлечь умеют нас лихие беды, нам предрекая новые победы. Меж тем за этим будто честным вздором обманы нас настигнуть могут скоро. На пару слов могу я вас, друзья?

Макбэт (*в сторону)*
Уже два провозвестья влиты в уши. А не монаршья ль власть всем судьбы рушит? (*Россу и Ангусу*) Друзья, я благодарен вам. (*в сторону)* Чего мне ждать от этих предсказаний? Что могут для меня они таить? Добра ли чашу или зла испить? Кавдора тан мне дан не на потеху. И стало б зло вручать ключи к успеху? А коли это всё во благо, со страхом сердце билось бы с отвагой. Страх вымысла, он ужасу подобен. От мысли об убийстве я во гробе. И смерти призрак вырос предо мной, и разум обволакивает гной. Предчувствия мечты опустошают и тают, как мечты, бесследно тают.

Банко
Его волненья с головой накрыли!

Макбэт (*в сторону)*
Коль по судьбе в венце пребуду я, она же мне тогда и судия.

Банко
Смущён, примерив новый сан. Тому ещё не верит сам.

Макбэт *(в сторону)*
Не это ль знак судьбы, как знать? Не повернёт же время вспять!

Банко
Как пребываешь в состоянье новом?

Макбэт
В воспоминанья уносим я снова. Стараний ваших неустанный труд я в память внёс. Он на листке записан. О том с утра твердить себе люблю.

Но, кажется, пора нам к королю. (*к Банко*) О том, что было, после поразмыслим: ведь сердцем друг над другом мы нависли.

Банко (*тихо Макбэту*)
Душевно посидеть с тобой готов.

Макбэт
Друзья, идёмте, и довольно слов.

Уходят.

Сцена 4

Форрес. Дворец. Призывно гудят трубы. Входят Дункан, Малкольм, Дональбайн, Ленокс и свита.

Дункан
Кавдор уже казнён? Посланцы, что, ещё не воротились?

Малкольм
Видать ещё в пути, но передали мне, что некто есть средь нас, кто видел, как он принял смерть. Просил пощады, каялся в измене, и к часу смертному как будто был готов. И в ту минуту выглядел достойно, отринув жизни дар бесценный, ничтожнейшим его почтя.

Дункан
Души богатств лицо не передаст. В вассале этом рыцарь жил, ему я доверять был рад. (*входят Макбэт, Банко, Росс и Ангус)* Какая радость, брат мой драгоценный! Когда б моя признательность умела желания мои опережать – тебе мне благодарностью воздать за все неоценимые услуги. Одно могу сказать: вы бесподобны, други! *(к Макбэту)* В долгу я неоплатном пред тобой.

Макбэт
Тебе служить за честь почтёт любой. А преданность тебе наград превыше. Обязанностей срок ещё не вышел. Знать королю к тому ж пристало, что слуг его всё время занимало – о благе королевства печься, чтоб псами верными у ног его улечься: и ласку, и любовь его снискать. Без них унынье в сердце и тоска.

Дункан
Желанный гость всегда ты во дворце! Тебя растя, преследовал я цель – дать возмужать тебе в себе. Мой достославный Банко! Твоих ли предо-

мной не знать заслуг?! Дай мне обнять тебя, сердечный друг!

Банко
Коль в вашем сердце буду колоситься, там урожай богатый уродится. К себе прижать – что доброту вам жать.

Дункан
Я распираем счастьем весь как есть, разбавить бы его росою грусти. Вам подобает знать отныне, что первенец Малкольм – принц Комберлендский. Он унаследует наш трон. Ему и да воздастся честью. А с ним пребудут в уваженье вместе, кто воссиял отличьями, как звёзды. С души свалился непомерный груз. К Макбэту, в Инвернес: скрепить союз.

Макбэт
Пристало ль отдыхать в служенье вам? Прошу поверить, мне такое в тягость. Дозвольте же жене доставить радость известием о госте дорогом.

Дункан
Мой доблестный Кавдор!

Макбэт *(в сторону)*
Принц Комберлендский! Это ль не преграда?! Через него перешагнуть мне надо. Иль сгинуть без следа. Судьбы моей да воссияй, звезда! Непроницаем умысел Макбэта. Рука ли не поднимется на это?!

Уходит.

Дункан
Да, Банко, это человек! Хвала его упорству и отваге! Я так в его уверен каждом шаге. Ну, едем следом. Отныне друг и родич несравненный, он пир нам закатить спешит и у него всё это от души …

Под звуки труб все уходят.

Сцена 5

Инвернес. Замок Макбэта. Читая письмо, входит леди Макбэт.

Леди Макбэт
«В день торжества вещуньи повстречались и через них уверенность пришла, что ведомо им нечто сверх того, чем смертные обычно обладают. Желаньем воспылал подробней расспросить их, но вмиг они, исчез-

ли, на глазах истаяв. Ещё в себя я не успел прийти, как короля посланцы объявились – меня главой Кавдора величать, и тем вещуньям вторя, восклицать: «Да здравствует наш будущий король!». Спешу с тобою поделиться счастьем, к которому со мною сопричастна. Прими же близко к сердцу эту весть, я так спешил тебе её принесть». – Да, ты Гламис, и ты – Кавдор, и станешь тем, кем в предсказанье было. Но жаль, ты по натуре незлобив. Мне ведомо, как ты властолюбив, как тянешься к величию. Ты в услуженье должен взять злодейство. Коль мыслишь быть в чести, играя в честность, то не гнушайся своего добиться путём обманным, ведь ты же будешь к этому стремиться. Отныне должен правила держаться: «Решись и всё твоё!» Я гордый дух мой дам тебе в подмогу, расчистит мой язык тебе дорогу и будешь ты короны удостоен, как роком напророчено тебе и силами небес… (*входит гонец)*
Ты с чем?

Гонец
К нам в гости будет к полночи король.

Леди Макбэт
Ты что несёшь! Иль удивить меня уж нечем?! Твой господин, он рядом с ним, уж дал бы знать – к такой чтоб подготовиться нам встрече.

Гонец
Мэм, это так. Другой гонец, загнав коня, успел о том уведомить меня.

Леди Макбэт *(слуге)*
Займитесь им. Он с важной вестью. (*гонец уходит)*
Уже и ворон хрипло возвестил, что едет к нам Дункан. Ко мне, смертельных мыслей духи! Жестокости в мою добавьте кровь! Проснуться совести не дайте: моим деяньям чёрным помешать. Ночь на душу мне мраком опустись, чтоб с неба не был окрик мне: «Остановись!» (*входит Макбэт)* – Гламиса и Кавдора мой воитель! Твоим письмом опьянена, к высотам новых дней вознесена. Что ждёт нас там – не терпится узнать.

Макбэт
Дункан здесь будет к ночи.

Леди Макбэт
Он не сказал, когда отбыть захочет?

Макбэт
С рассветом – не помедлил он с ответом.

Леди Макбэт
Над днём грядущим солнцу не взойти! Наш тан подобен ликом страшной книге. Не всем дано о нашей знать интриге. В радушье оберни своих гостей, прикинься агнцем иль цветком невинным. Я позабочусь обо всём в ночи, добыть чтоб к счастью нашему ключи и наслаждаться властью под венцом. Яви им всем доверия лицо…

Макбэт
Об этом после, не сейчас.

Леди Макбэт
Да будет ласков для гостей твой глаз! Читать умеют с мрачного лица возможное предчувствие конца. Как можно дольше всем втирай им очи. Об остальном сама я позабочусь.

Уходят.

Сцена 6

Перед замком Макбэта. Играют гобои, горят факелы. Входят Дункан, Малкольм, Дональбайн, Банко, Ленокс, Макдуф, Росс.

Дункан
Здесь воздух чист, и замка вид приятен, и душу как-то нежат небеса.

Банко
Коли стрижи обосновались тут, выходит, в безопасности живут. Будь здесь хотя бы тень угроз, они бы здесь своих не вили гнёзд.

Входит леди Макбэт.

Дункан
Вот и хозяйка привечает нас! Спасибо за приём. Вам докучать в столь поздний час, известно, беспокойство.

Леди Макбэт
Гостеприимство как души устройство. Монаршей удостоенные чести, радушие удвоим мы без лести. От прежних не оправившись щедрот, визита пожинаем мы почёт. Всем подданным такой бы доли. О вашем здравии Всевышнего мы молим.

Дункан
Главу Кавдора тана я не вижу. Надеялись его опередить, но он, видать, наездник из лихих. Любовь его пришпорила и, вот, встречает нас хозяйка у ворот. Сегодня мы в гостях у вас, встречайте!

Леди Макбэт
Мы – достоянье ваше. Все мы – слуги ваши. Судьбы не представляем краше.

Дункан
Позвольте вашу руку, госпожа. Идём к хозяину. Его мы жалуем любовью и почётом. И будем впредь гордиться. Я дому вашему готов и поклониться.

Уходят.

Сцена 7

Замок Макбэта. Гудят гобои, горят факелы. Входит стольник, следом слуги выносят блюда с яствами. Появляется Макбэт.

Макбэт
Когда бы в жизни всё с концом кончалось! Кончалось раз и навсегда! Убийства без последствий не бывает. К тому же здесь, на отмели времён. Грядущего упрёком не смущён. Да и урок кровавый, Боже правый, здесь будет нами же усвоен. Доселе верен был ему, как воин. Не мне ли покушение пресечь?! Об этом речь. Меж тем над ним клинок готов занесть я, про чашу с ядом позабыв возмездья. Не властвовал Дункан к тому ж, а мягко правил у сана своего в достойнейшей оправе. И ангелы о гибели его всем протрубят, как о невинном чаде, и нам в лицо пахнёт той страшной вестью, и даже ветер изойдёт слезами. Решимости бы мне помимо честолюбья, вскочить в седло. Да только набок что-то я валюсь. Какая грусть!

Входит леди Макбэт.

Леди Макбэт
Ты знаешь, чем сейчас он занят? Отужинал, кажись. А ты, что, там не остался?

Макбэт
Справлялся обо мне, иль нет?

Леди Макбэт
Справлялся и не раз. Искал тебя его повсюду глаз.

Макбэт
Придётся погодить. Тот шквал похвал, что на меня был королём обрушен… Его бы мне переварить. Ему, как понял, я до боли нужен.

Леди Макбэт
Так повестись на эту чепуху? Свои надежды обратить в труху? Остаться хочешь гол, как тот сокол?! Где прежняя решительность твоя? Ужель, не протрезвев от тех похвал, не видишь ты себя в делах великим? Иль жизнь свою готов прожить, как трус? Твоя любовь ко мне, видать, без чувств…

Макбэт
Кончай корить! Отпущено мне всё, как человеку. Кто жаждет большего, тот – зверь, поверь!

Леди Макбэт
Звериным ли инстинктом был ведом, когда мне хвастал – возвеличить дом? В той смелости и был ты человеком. А ныне выпадает шанс – стать человеком многократно. Надежды надо вскармливать, как чадо.
Тебе в себе переродиться надо!

Макбэт
А вдруг у нас не выйдет и сорвётся?

Леди Макбэт
Решимость пульсом в сердце как забьётся, тебе удача разом улыбнётся. Дункан как только отойдёт ко сну, такого стражам я его плесну – забудутся все разом сном мертвецким. На них и свалим гибель короля …

Макбэт
Так нарожай мне сыновей. С твоим запалом род мы свой умножим. А стражам кровью перемажем рожи. Мы оба их кинжала пустим в ход и тень злодейства лишь на них падёт.

Леди Макбэт
А после изойдём безумным плачем по убиенному. А как иначе?

Макбэт
Решимости придаст мне сила воли. И колебаться я не стану боле. Ну, а

теперь пора к гостям: со всеми пить и веселиться, чтоб ложь сердец успела затаиться…

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Инвернес. Двор замка Макбэта. Входит Банко. Факелом светит ему Флинс.

Банко
Сынок, который час?

Флинс
Пробило сколько, не скажу, зашла луна.

Банко
Истаивает в полночь же она.

Флинс
Да заполночь уже перевалило.

Банко
Прими мой меч. Скупятся небеса: огней не стало. Меня сморило. Что-то вдруг устал я. Сон с глаз сбежал. Дурные мысли прочь! Господь, не премини помочь! (*входят Макбэт и слуга с факелом)* Верни-ка меч! Кто там?

Макбэт
Конечно, друг. Кто ж в этот час?

Банко
Ещё не лёг? Тут сон сбегает с глаз. Король ко сну как будто отошёл. Навеселе был и дары прислал прислуге, а сей алмаз прелестный – госпоже. Приёмом тёплым упоён и всем доволен.

Макбэт
Его не ждали, да и стол был скуден. Не думали, что так всё будет.

Банко
Придумать лучше было невозможно. Вещуньи те, представь, явились мне, да и тебе не лгали, знать, оне.

Макбэт
Забыл о них я, хоть и помнить мог. Поговорим, как выдастся часок.

Банко
Всегда к твоим услугам.

Макбэт
Готов умножить честь твою я другом.

Банко
В служенье чести коль не уроню, я дружбе нашей верность сохраню. И чувство долга мне награду прочит.

Макбэт
Тогда спокойной ночи!

Банко
Ну и тебе душевного покоя!

Банко и Флинс уходят.

Макбэт *(слуге)*
Как госпожа согреет мне питьё, пусть в колокол ударит. А сам ты можешь отдыхать. (*слуга уходит.)*. Кинжала образ предо мной маячит. Достаточно схватить за рукоять, чтобы понять, что он – лишь плод воображенья. Никак мой мозг разгорячён. А для чего кинжал тот обнажён, до умопомраченья чувства обострив?! Кровит коварства замыслом клинок, и лучших мне не знать в судьбе дорог. Полмира спит под пологом небес. Я волком огласил бы целый лес. Тарквинием, злодеем я крадусь, решившись совершить такую гнусь. Не выдавай, земля, шагов моих! Угрозами я сотрясаю воздух. Так, может, ветер остужает воду. (*раздаётся звон колокола)* Пора кончать! И колокол торопит. Дункан, не слушай, он тут по тебе. Пожнёшь ты худшую из бед.

Уходит.

Сцена 2

Там же. Входит леди Макбэт.

Леди Макбэт
Питьё, свалив их с ног, придало сил мне, Бог. Их чувства загасив, мои воспламенило. Но, тише! Ночи страж, уже и филин ухнул. Храпят от зелья моего все стражи, рухнув, и пребывают между жизнью-смертью.

Макбэт *(за сценой)*
Кто там? Я обнажаю меч.

Леди Макбэт
Что, если все в себя придут и всё сорвётся? Концом для нас такое обернётся. Обнажены кинжалы подле стражей. Такое их вину уже докажет. Не будь король наш на отца похож, сама в него давно всадила б нож!

(входит Макбэт) Муж, это ты?

Макбэт
Свершил я, что задумал. Шум был слышен?

Леди Макбэт
Лишь филин ухнул, да сверчок запел. Ты с кем-то говорил?

Макбэт
Был чей-то глас?

Леди Макбэт
Сию минуту, вот сейчас.

Макбэт
Когда я вниз сбегал?

Леди Макбэт
Ну да.

Макбэт
А кто за этой дверью спит, скажи-ка?

Леди Макбэт
Здесь Дональбайн.

Макбэт *(глядя на свои руки)*
Глянь, кровь на них, и что-то мне тревожно.

Леди Макбэт
Забудь! Без крови невозможно.

Макбэт
Один спросонья вскрикнул вдруг: «Убийцы!» Проснулись оба и зашевелились. Я притих. Молитву прочитав, в сон провалились.

Леди Макбэт
Там двое их.

Макбэт
«Помилуй, Бог!» – услышал вздох. Другой «Аминь!» вскричал, как будто видел руки палача.

Леди Макбэт
Не брал бы в голову! Не стоит.

Макбэт
«Аминь» – то мог бы я сказать: слова застряли в горле комом.

Леди Макбэт
Ты нашим озаботился бы домом! Не то недолго и рехнуться.

Макбэт
Мне померещилось иль кто-то закричал: « Падём мы от Макбэтова меча!» Где жизни пир, там сон сытней всех блюд. В нём каждодневный запечатан труд. Сон, он глазам – бальзам.

Леди Макбет
Чтоб это значило, не мог бы ты сказать?

Макбэт
По дому разносился крик: – «Не спите!» Кавдор утратил сон. Гламис его зарезал. Макбэт не будет спать!

Леди Макбэт
И кто же так вопил? Себя не изводи! Возьми воды и страхи с нею смой. И на руках не оставляй улик. К чему ты притащил сюда кинжалы? Им место там, где совершилось зло. Считай, что слугам тем не повезло.

Пусть думают, что ненадёжны стражи. Ты их обильно кровью перемажешь.

Макбэт
Туда я не ходок. И на спине я чую холодок. Содеянным меня как подкосило. Туда вернуться я уже не в силах.

Леди Макбэт
Слабак! Подай сюда кинжалы! Мертвец и храпуны, не больше, чем картина – пугать детей. Коль кровь ещё из раны хлещет, позолочу я ею стражам рожи.

Уходит. Стук за стеной.

Макбэт
Откуда эти стуки? Глаза мне вырвать тянутся ко мне незнаемые мною чьи-то руки. Нептунов океан и тот не смоет их. Окрасит в цвет кровавый только в**о**ды.

Возвращается леди Макбэт.

Леди Макбэт
Цвет наших рук теперь не отличить. На сердце я зато не так бледна. (*стук за сценой)* Стучатся в южные ворота. Пора вернуться нам в опочивальню и под струёй воды отмыть свой грех. Спокойствию способствует успех! Из глубины души призвал бы лучше гордость, чтоб не утратил дух твой твёрдость. (*стук за стеной)* Опять стучат. Страх из тебя, как вижу, тянет жилы. Халат накинь: поймут, что не ложились.

Макбэт
Не помнить бы о том, что я содеял! (*стук за сценой)* Очнулся бы Дункан на этот стук!
Уходят.

Перевод с английского Ашота Сагратяна

КРИСТИНА ДЖОРДЖИНА РОССЕТТИ
(1830 – 1894)

От переводчика. В 2019 году исполняется 125 лет со дня кончины Кристины Россетти. Жизнь этой замечательной английской поэтессы

XIX века была наполнена многими счастливыми и трагическими обстоятельствами. Она росла любимой дочерью и внучкой, её окружала забота любящих братьев, и, несмотря на внешнюю хрупкость, Кристина стала очень стойким творцом, мужественно встречающим жизненные испытания. Девочка писала стихи с ранних лет, повзрослев, она целиком посвятила себя творчеству.

Её поэтическое наследие продолжает привлекать внимание читателей, исследователей и переводчиков. Погружение в мир её образов, чувств и размышлений сегодня даёт радость соприкосновения, сопереживания и сотворчества с художником неповторимого таланта. Кристина Россетти так щедро одаривает нас своей целомудренной чистотой и редкой искренностью, что читатель непременно душевно откликается на них с благодарностью. Через преодоление внутренних противоречий, побеждая сомнения и боль, она несёт миру целительную силу и немеркнущий свет.

С волнением представляю читателям новую подборку своих переводов. В них Кристина Россетти, как всегда, драматически напряжена, глубока и трепетна и, вместе с тем, проста и улыбчива. Этим многообразием богато одаренной натуры так дорого её творчество и в наши дни.

Из «СПЕТЫХ ПЕСЕН»

***

Я совёнка поймала – грезилось мне.
Приснился птенец голубой.

Стремиться к нему можешь вечно –
Напрасна охота за ним.

Я подсолнух взрастила во сне.
Алел, словно кровь; но такой

Искать на земле бесполезно:
Он вырос под солнцем другим.

***

Допустим: свинья б в парике ходила,
Что надо сказать тогда?
Обращайтесь к ней по-джентельменски:
«Добрый день», – говорите всегда.

А, случись, она хвост потеряет –
Бывает, что и не везёт;
Отправьте её к портному,
Портной новый хвост пришьёт.

***

Если б надежда росла на кусте
И радость могла на дереве жить,
Мы бы прелестный букетик
Из них постарались сложить.

Но ветреной осенью, о!
Когда нас цветы покидают,
Сберечь как надежду и радость,
Ведь вместе они увядают?

ВОСТОРГИ ПТИЦ

Песнь жаворонка с восходом слышна,
В лунной ночи поёт соловей.
Приди, темнота, поспеши, луна,
Смутным чувствам сладость навей.
Приди, темнота, пробудись, соловей.

Не медли в раздумье, взойди, луна.
Не медля, откликнись, родной соловей.
Настроенный мир тишиной – не одна
Прильну к его сказке без слов. Поскорей
Вырази чувства мои, соловей.

О, утренний вестник, крылатый свой час
Оставь на мгновение, чтоб соловей
Наполнил печалью и радостью нас.
Ты парус дня завтра поднимешь. Нежней
Сегодня пусть нам допоёт соловей.

ОТЧУЖДЁННОСТЬ

Безответность тверди земной,
Безответность и в шуме морском.
Мысль рождают они об одном:

Отчуждённые мы. Так и стой…
Не навязан оркестр такой –
Одиночеством связаны в нём.
Как же цепи свои разомкнём?
Кто к руке прикоснётся рукой?
То горда, то бессилью раба,
Иногда жаль мне прожитых дней –
Наше братство, казалось, судьба;
Мне и миру с ним было теплей
И от золота радуг светлей,
Была и надежда сильна, и жизнь совсем не слаба.

ЛУЧШЕЕ ВОСКРЕШЕНИЕ

Нет мыслей и слов, сухи мои вежды.
Сердце, что камень; душа холодна.
В сердце холодном нет страха, надежды;
Налево, направо смотрю – я одна.
От горя туманятся дали, и я
Горы не вижу, как в прежние дни.
Листок опадающий – жизнь моя.
О, Боже, паденье его подгони.

У той, кто сроднился с увядшим листом,
Нет урожая, лишь шелуха;
Краткая жизнь в деянье пустом
Ко мне равнодушна, и я к ней глуха.
Я словно какой-то замерзший комок:
Не радуюсь почкам, зелёной весне.
Ведь Ты поднимаешь Весенний сок,
О, Боже, прошу, подними и во мне.

Как чаша разбитая жизнь моя –
Вся влага ушла из неё навсегда;
И каплей воды не утешусь я;
Напитком живым в холода…
Брось чашу в огонь – и рассеет Он тьму.
Сосуд растопи, чтобы день изо дня
Кубок ваять Королю моему.
О, Боже, испей меня.

ИТАЛИЯ, ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ!

Вернуться с милого Юга на Север,
Где родилась и росла, умереть я хочу.
Вернуться, чтоб день свой работой венчать,
Игру доиграть.
«Аминь, аминь», – я шепчу.

Не видеть мне больше край предков моих
И речь не услышать знакомую. Я:
«Аминь, – говорю, – на Север путь мой,
На Север холодный, домой.
Юг близкий далёк от меня».

Если ласточки наши летят на Юг,
На милый мой, милый Юг,
От нежности плакать готова –
Образ старой Италии снова
Волнует, как сладкий недуг.

Перевод Валентины Брилёвой

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814 – 1841)

МЦЫРИ

Мы продолжаем публикацию перевода поэмы Михаила Юрьевича Лермонтова «Мцыри» (См. начало в «Переводчике» № 16, 2016), выполненного молодой переводчицей Екатериной Коржовой.

«Мцы́ри»[1] – романтическая поэма М. Ю. Лермонтова, написанная в 1839 году и опубликованная (с цензурными пропусками) в 1840 году в единственном прижизненном издании поэта – сборнике «Стихотворения М. Лермонтова». Она считается одним из последних классических образцов русской романтической поэзии.

Вначале поэма носила название «Бэри» с примечанием: «Бэри, по-грузински монах». Эпиграф к произведению тоже был другим. Изначально он гласил: «On n’a qu’une seule patrie» («У каждого есть только одно отечество»), но позже был изменён Лермонтовым на строки из 14 главы 1-й Книги царств: «Вкушая вкусих мало меда, и се аз умираю». Это библейское изречение несёт в себе символическое значение нару-

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%86%D1%8B%D1%80%D0%B8

шения. Заглавие тоже было заменено поэтом, и в сборник «Стихотворения М. Лермонтова» поэма вошла под названием «Мцыри», которое лучше отражало суть произведения. В грузинском языке слово «мцыри» (груз. მწირი) имеет двойное значение: в первом – «послушник», «не служащий монах», а во втором – «пришелец», «чужеземец», прибывший добровольно или привезённый насильственно из чужих краёв, одинокий человек, не имеющий родственников, близких.

Кроме эпиграфа и заглавия Лермонтов переработал и содержание произведения. В частности, поэтом были исключены из первоначальной редакции несколько фрагментов. Некоторые из стихов писатель, судя по всему, вынуждено вычеркнул по цензурным соображениям. Так, например, были убраны строки, в которых Мцыри упрекает Бога за то, что тот ему «дал вместо родины тюрьму». В числе прочего Лермонтов исключил из произведения строки, содержавшие описание горцев – соотечественников Мцыри, в том числе и его отца, которые явились герою в бреду в виде грозных всадников, сражающихся за свою свободу.

13
With ever fine above her head,
The Georgian went by narrow tread
Towards the bluff. At times she sped,
She slipped among the stone, of course,
She laughed at awkwardness of hers.
And rather poor was her dress;
Her gait was easy none the less,
The long loose folds of her yashmak
Were waving. Sun scorched with crack.
It veiled with golden beaming sheet
The face and breast of hers; and heat
Was breathing on her cheeks and lips.
And eyes so charmed with darks and deeps,
So witched with mysteries of love,
That my hot dreams that soared above,
Got misty. Then I only heard
The ewer’s ring, – when water spurt
She into it would slowly pour
And muffled rustling… nothing more.
Soon after I regained my sense
And blood in heart was not so dense,
She was already far away;
So soft and light she took her way,
Was under burthen sveltely built,

Like poplar – reigner of her field!
Not far away, in chill dark vast,
As it could seem, to cliff grew fast
Two huts resembling couple of friends;
And only one flat roof extends –
Its flue till now puff skywards sends.
Thence I envision evermore,
As gently is unlocked my door…
But it got shut – again, anew!
I know, how alien is for you
My mourning groan, my wailing grief;
And even if you could believe –
I would regret: the dreams of mine
In me, with me must ail and pine.

14
With night-long labour all distressed,
I lay in shade. The blissful rest
Closed eyes of mine against my will…
Again, while dreaming, I could feel
The Georgian's presence near by.
And with a strange delighted sigh
Again my breast was apt to wail.
I long endeavoured to inhale –
And then woke up. Already moon
Above was beaming, in sky's womb
The only cloudlet followed it,
As if in moon cloud's ravin hid,
As if that cloud was "itching palm".
The world around was dark and calm.
And just with fringe of argentine
The tops of snow-capped mountains chine
All gleamed in front of eyes of mine
And to the bluff was plashing tide.
In well-known, darling hut the light
Now shimmered, now again went out:
At midnight, shaded with the cloud,
This way goes out the twinkling star!
Though I could see the door ajar,
To touch it ne'er durst my hand –
To find, to enter native land
I craved in heart, that's why I stood

Starvation's pain as much as could.
So then I saw straight road and I
Went forward, all benumbed and shy.
But soon dense forests up to sky
Hid mountains from my sight away,
And thereat I went astray.

15
In hopeless frenzy, almost damned,
I tore away with reckless hand
The ivied thorn-bush with heart pound:
The woods, deep woods were all around,
More dread, more thickened every trice;
And with a million of black eyes
Looked out the darkness of the night
Through bushes boughs from every side…
My head was swimming through the whiz;
I started climbing up the trees;
But even at the welkin's verge
The same cogged forest could emerge.
Then on the ground from tree I dropped;
And in smart anguish wept and sobbed,
And gnawed the humid breast of soil,
And tears, tears got to boil
In it with their scalding dew…
No help of human – even few –
I could accept… In alien view
I was, like beast, for all of you;
And if the moment when I screamed
Gave me away – I swe'r, old fiend,
I'd wrench weak tongue that badly sinned.

16
Though I've since childhood been the same:
My tears always could restrain –
That time I wept without a shame.
But who could see? Just thicket high
And moon that rode amid the sky!
With its refulgence all besprent,
And overlaid with moss and sand,
Like with impermeable wall
Enclosed, resembling mournful pall,

The glade was spreading. One of sides
Had cast a shade, the while two lights
Cast their sparks, and then I found
As some wild beast with single bound
Jumped out from thicket, then he lay,
Supine on ground, he got to play.
He was the desert's guest alone –
The mighty panther. Humid bone
He gnawed, emitting merry shriek;
His sanguine gaze was apt to stick –
Though mesmerizing he could fawn –
To moonlit stellar sky till dawn,
And wool with silvern tints was drawn.
Agog for minute of the fight,
I made the spear; heart outright
Inflamed with struggling, reckless thirst,
With blood… alack! – since birth I'm cursed
To live my life another way…
But now with certainty I say:
If I grew up in father's land,
The might would fill my heart and hand.

17
I waited. Then, as came night time,
He scented enemy, and whine –
Prolonged and plaintive like a moan –
Was heard at once… and he touched home
When digging sand with wrathful paw,
He reared up, lay, tried to awe,
In rabid skip came to the fore.
Though I was doomed then to be hit –
Still over him I could outwit…
My stab proved quick (this way one hacks!).
My faithful spear, like an axe,
His wide-eyed forehead could dissect…
He got to groan like man in fact,
And toppled down. But then afresh,
Though blood was spilling from his gash
With thick, wide wave of death and spite –
Fight effervesced, the lethal fight!

Перевод на английский Екатерины Коржовой

ПРОЗА

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ НОВЕЛЛА

СЮЗАННА КАРЛСОН

ДЖЕК

От автора: Это моя конкурсная работа. Я не водитель грузовика и не пишу истории о привидениях, поэтому для меня написание рассказа оказалось делом нелегким.

Когда я доехала до автозаправочной станции компании Flying J, было довольно-таки поздно. Сумерки сгущались, и вскоре всё погрузилось в непроглядную тьму. Это было в Барстоу. Город казался мне призраком, огромной пустынной черной бездной, над которой повисли первые звезды. Я направлялась домой в Сан-Хосе, – туда, где вот уже три недели ждал меня мой холодный и наглухо запертый дом. Эти три недели казались мне вечностью, и я чувствовала себя уставшей. Не потому что мне хотелось спать, нет, – уставшей от долгой поездки. Работа водителя-дальнобойщика у меня ассоциируется с полным одиночеством, которого я никогда не замечала прежде, пока возила грузы с напарником, Джеком, которого больше нет в живых…

А ещё чувствуешь страх, что свойственно любой женщине, которая остаётся одна. На автозаправочных станциях всегда толпятся мужчины, иногда с женами или подругами, но чаще всего одинокие или сексуально озабоченные. Мужчины, а ещё проститутки. Пару раз ко мне подползали какие-то червеобразные твари. С Джеком я чувствовала себя всегда в безопасности, где бы мы ни были и независимо от времени суток. Не то что теперь. А сколько раз мне приходилось становиться объектом внимания мужчин, которые готовы были следовать за мной по пятам до самой кабины лишь затем, чтобы бросить вслед небрежно: «Эй, красотка!» В этот поздний вечер, проголодавшаяся после длительной поездки, я вышла из кабины, чтобы купить пиццу на ужин и справить малую нужду. Тем временем быстро стемнело. Я вернулась в кабину, опустила шторы и включила свет. Устроившись на сиденье водителя, я принялась за пиццу, слушая телеграфную трескотню любительского приёмника, стараясь не думать о грустном. Когда не удавалось отвлечься от грустных мыслей, я плакала. Жевала и плакала…

Полгода назад мы с Джеком заехали на эту стоянку, чтобы немного передохнуть. Он ждал в кабине, пока я ходила принимать душ и го-

товить обед. После еды мы долго играли в мяч на газоне, пока не стемнело так, что его совсем не стало видно; потом мы уютно устроились в своей теплой и удобной постели, чтобы читать, свернувшись калачиком под одеялом и просто любить друг друга. Жизнь на колёсах нам тогда казалась верхом блаженства.

После аварии меня неотступно преследовала мысль, а не завязать ли мне с этой работой? Можно, наконец, устроиться в офис или просто бросить работу, но счета Джека за медицинское обслуживание были не оплачены. Я понимала, что мне нужно вернуться на прежнюю работу, чтобы оплатить их, пока не произошло ещё что-нибудь непредвиденное. Мне казалось это несправедливым, выплачивать такие огромные счета за неудачную попытку спасти его, но уже ничего нельзя было поправить. Каждый раз, когда я оплачивала очередной счет, мне казалось, что я выплачиваю долг, но за что? За то, что понесла невосполнимую утрату?

Когда я ложилась спать, я прихватила с собой пару вещей, которые могут пригодиться для запирания дверцы. У меня была цепь, которую можно было протянуть между двумя дверцами, а концы замкнуть. Чтобы проникнуть внутрь, грабителю пришлось бы разбить окно, – вот тут-то я и брызну ему в лицо из газового баллончика. Я заперлась, схватила пиво из холодильника и книгу с пассажирского сиденья и забралась в постель. Сиденье напоминало мне оставленную кем-то подушку, и его сиротливый вид причинял мне непреходящую боль. А обивка из серой кожи напоминала о том, что здесь поселилось одиночество. С тех пор, как я осталась одна, в дороге во время длительного рейса со мной стали происходить непонятные вещи. Происходило нечто странное, когда я ложилась в постель или вскоре после того. И это не поддавалось никакому объяснению. Какой-то едва различимый звук, слабое тиканье, настолько слабое, что я едва могла расслышать его, – но оно продолжало звучать. Сначала я думала, что это связано с неполадками в системе охлаждения двигателя или что-то не так с автомашиной, но после проверки мне ничего такого не удавалось обнаружить. В ту ночь тиканье повторилось. Я старалась не замечать его и продолжала читать. Казалось, что прошла целая вечность, но тиканье всё не прекращалось. Звук был то быстрым и отрывистым, то печальным и протяжным. Я решила, что когда вернусь домой, поставлю машину на ремонт и обращусь за помощью к механику.

Но сегодня ночью всё было иначе. Когда я улеглась в постель и погасила свет, тиканье прекратилось. Хотя я понимала, что могу и не расслышать его. И всё-таки я почувствовала, что звук исчез. Он исчез где-то возле самой дверцы. Я инстинктивно почувствовала, что за дверцей что-то притаилось и ждёт там. Я зажгла свой карманный фонарик и

отдернула занавеску, чтобы заглянуть туда, но не увидела ничего, кроме серой мостовой.

Я пролежала в постели всю ночь, не сомкнув глаз, и меня не покидало чувство, что кто-то находится там, снаружи. Мне вспомнилась авария. И хотя я пыталась стереть этот случай из памяти, картина произошедшего снова всплыла в памяти и стояла перед глазами так ясно, как день. Звук удара, месиво, окровавленные куски раздавленного тела возле заднего колеса грузовика, который сбил Джека, – просто кусок сырого мяса, дымящийся в морозной тишине калифорнийской Сьерры. Разве такое можно хранить в памяти? Но воспоминания более стойкая вещь, чем фотографии: вы не можете сжечь их и не можете их выбросить.

Я проснулась около двух часов ночи по простой причине: мне надо было удовлетворить свои естественные нужды после выпитого на ночь пива. Ругая себя за проявленную неосмотрительность, я перевернулась на другой бок и попыталась заснуть, несмотря на сильные позывы в мочевом пузыре. Некоторые могут довольствоваться ночным горшком, но я не из тех. И я не из тех, кто способен терпеть до последних сил в подобном случае. Когда моё терпение дошло до предела, я впопыхах натянула на себя первое, что мне подвернулось под руку, отперев дверь, стремглав выскочила на улицу и помчалась на полусогнутых ногах через спящую автостоянку в общественный туалет. И как раз вовремя…

Меня не покидало странное чувство, что и в этом холодном санузле **я** не одна. Я потянулась за перцовым баллончиком и тут вдруг поняла, что я оставила его в кабине. И хотя меня утешала мысль, что до моего грузовика рукой подать, на самом деле путь до него был не самый близкий. Прокручивая всё это в своей голове, я умылась и вышла из ванной комнаты. Чтобы добраться до выхода, где находились телефоны, нужно было миновать длинный коридор. За телефонной будкой стоял какой-то мужчина. Он просто стоял и смотрел на меня. У меня не было иного выбора, кроме как пройти мимо него. Он преградил мне дорогу, выйдя на середину коридора. «Эй, детка!» – окликнул он меня, и по его голосу нетрудно было определить, что он изрядно пьян. Я шла, не останавливаясь, намереваясь протиснуться мимо него и бежать, как только достигну двери. «Я сказал, привет, детка», – с трудом выговаривая слова, ханыга пытался преградить мне дорогу. Я хотела пройти мимо него, но он схватил меня за руку.

Я понимала, что если поддержу разговор, то мне так просто не удастся отделаться от него, поэтому я не произнесла ни слова в ответ. Я молча выдернула свою руку и направилась к двери, но тут он подошел

сзади и схватил меня в объятия. Крепко прижав мои руки, он выдохнул мне в ухо: «Давай развлечёмся!»

То, что произошло дальше, стало полной неожиданностью для меня и для нас обоих. Как будто какой-то добрый дух вселился в меня и взял происходящее под свой контроль. Мне стало казаться, что рядом со мной находится мой ангел-хранитель, готовый защитить меня. В моем горле заклокотала ярость и, мотнув головой в сторону, я вцепилась своими зубами в щеку злодея так, что в этом месте проступила кровь. Издавая звуки, похожие на рычание, я яростно отбивалась от пьянчуги, пытаясь снова укусить его. Казалось, прошло много времени, хотя на самом деле всего нескольких секунд. Он отпустил меня и приложил руку к тому месту, где от моего укуса кровоточила рана. Судя по выражению его глаз, он был просто в шоке. Задыхаясь от гнева, я выбежала на стоянку.

Я не хотела, чтобы этот парень знал, где стоит мой грузовик, поэтому я долго кружила по платформе, чтобы прийти в себя. Я не чувствовала страха, что казалось мне странным, но еще более странным было ощущение, что я не одна. Я чувствовала необыкновенный прилив сил и чьё-то незримое присутствие. Я прошептала: «Джек?» Конечно, ответа не было. Ничего не было видно, кроме холодных синих сумерек, которые опускались на супер-тягачи и их прицепы, покрывая их тонким слоем росы. Но было кое-что ещё, о чём никто не подозревал, кроме меня, – и оно присутствовало незримо. Это, должно быть, Джек, и уверенность в том, что он никогда не покидал меня, дарила мне чувство безопасности, которого давно у меня не было, – с той самой ужасной ночи на перевале Доннер.

Я залезла в свою кабину и хотела запереть её, но потом остановилась. Сняла цепь, открыла боковую дверцу и тихонько свистнула во тьму. Но ничего не произошло, хотя я чувствовала едва заметное движение воздуха. Я была не одинока. И никогда не была одинока. Я чувствовала его присутствие в кабине рядом с собой, я чувствовала его присутствие на кушетке, на которой я сплю. Я чувствовала легкое покачивание кушетки. Как будто кто-то три раза покружился над ней и свернулся калачиком у моих ног, и хотя я знала, что такое невозможно, мне послышалось, как кто-то невидимый облегчённо вздохнул…

Перевод с английского Иды Замирской

ДУГАРЖАП ЖАПХАНДАЕВ (1921 – 1999)

От переводчика. Конец второй мировой войны. Советские солдаты служат на берегу голубой Уссури. Один из них – Нима Дугаров, бурят-монгол, родившийся в улусе у подножия Алханая.

На мой взгляд, повесть талантливого бурятского писателя Дугаржапа Жапхандаева – одна из немногих в российской литературе, где рассказывается о последних днях Второй мировой войны устами простого солдата, непосредственного участника событий.

МЕЖДУ АЛХАНАЕМ И ЯМАТО

Глава 1. Война приходит всегда неожиданно

На Дальнем Востоке всегда пахнет прохладным океаном, влажной землёй и обильными травами. Но совсем недавно влага стала куда-то испаряться, неуловимо и тревожно запахло гарью. Солдаты сплетничают, что горят острова Ямато, страны восходящего солнца.

Миллионная Квантунская армия затаилась на том берегу забайкальских и дальневосточных рек. Об этом на политзанятиях говорят каждый день.

Отделение солдат школы младшего комсостава в побелевших гимнастёрках и пилотках спокойно и привычно продолжает маршировать на гарнизонном плацу напротив столовой. Сразу за плацом начинаются густые заросли ильма, под широкими листьями которых теряется извилистая тропинка. Солдаты посматривают туда. Там хорошо. Солнце с полуденного неба жарит раскалённый плац, как сковороду. Пора бы пообедать и отдохнуть. Но куда запропастился старшина? Вдруг сгустившийся воздух лопнул и зазвенел пронзительным и призывным горном. Это было так неожиданно, что солдаты застыли, подняв головы, но, очнувшись, один из них крикнул:

– Ребята, тревога!

Строй мгновенно рассыпался в толпу и ринулся к казармам.

– В полном боевом снаряжении! – кричал появившийся откуда-то старшина Козырь. – Быстрей, быстрей!

Из казармы пулемётной роты толпа выбегала с оружием. Солдаты быстро похватали с пирамиды свои винтовки, каски, противогазы, на бегу прицепляли саперные лопатки, закидывали за спины вещмешки.

– Миномётчики, шевелись! – зычно выкрикивал старшина.

Наконец все выстроились.

– Рота, смирно! Вольно…

Козырь зорко и строго оглядел строй и скомандовал:

– Дугаров, Ларин, ко мне! Остальным – вытряхнуть из всех матрацев сено. Нам оно больше не пригодится. Разойдись!

– Вот так, ребята, – устало сказал старшина Дугарову и Ларину, снова став мирным и покладистым малым, когда они остались одни. – На станции только что выгрузили две машины гранат для нас. Они там,

за дорогой. Сразу увидите. В караул туда пойдёте. Дугаров, ты будешь старшим.

Старшина нудно стал объяснять обязанности и возможные случаи нарушения караульной службы, при этом не исключалось, что может напасть противник. Закончил, как всегда, коротко:

– Ясно?

– Ясно! – обрадованно отчеканили парни.

– Получите, – старшина развязал вещмешок и выдал двум друзьям по три обоймы патронов, сухой паёк, хлеб, сахар. – Ну, все. Бегом на станцию!

Парни обрадованно побежали к темнеющим кустам. Друзья считали, что им повезло. Тревога учебная, часть выедет на маневры, а они отдохнут за это время. Можно будет ходить по очереди в самоволку. И вообще: солдат спит, служба идёт. Воля!

Радостные, переговариваясь, они выбежали на пригорок, и сразу засверкали вдали голубые волны большой реки, за ними в знойном мареве подрагивали вышки японских пограничников над синеющими кустарниками. На нашей стороне – рассыпались домики маленькой станции. Вокруг уютного коричневого вокзала растут высокие деревья с раскидистыми кронами. Рядом пристроились магазин с киоском. И – тишина. Ни души вокруг. Куда все подевались?

Изрядно уставшие и утомлённые жарой, друзья пришли на станцию. Всё правильно, как и говорил старшина: вот сиротливо стоят сложенные зелёные ящики, а вот спят в полуторке два гаврика. Охраняют.

– Стой! От Козыря? – и вот стволы ППШ уже направлены на них.

Не спят. Сразу видно, бывшие фронтовики.

– От Козыря, – промялил Дугаров.

– Поехали, Литвинцев! Пост сдан, – обрадовался высокий из фронтовиков, тут же забыв о смене.

Низенький крутанул рукояткой, полуторка вздрогнула, зафырчала и умчалась куда-то по кривой улочке мимо вокзала.

– Пост приняли, – хмыкнул Ларин, садясь рядом с Дугаровым и вытирая пилоткой обильный пот с добродушного веснушчатого лица. – Вот только куда все подевались, а?

Друзья прильнули к щелям ящиков. Там ровными рядами в грозном покое лежали гранаты без штоков. «Лимонки». Слабые намётки на усы у парней вдруг вздрогнули и ощетинились, но тут же снова обмякли. Солнце вдруг скрылось за большой тучей, подул прохладный ветерок, зашумели вербы. Дугаров вздрогнул и вспомнил наказы старшины. Куда прятаться, если противник начнёт бомбить или обстреливать станцию из артиллерии? Их ли учить! Они тоже командиры. Дугаров – сержант, Ларин – младший сержант. Как только на западе кончилась война,

их отправили на курсы младших командиров. Вот только погоны не успели сменить…

Солдаты они тёртые, не первый год служат на Дальнем Востоке. Тут природа особая. Не зря гимнастёрки у солдат такие просолённые. Дальний Восток он и есть дальний… Много ребят отправили за годы войны на западные фронты. Но судьба берегла Дугарова и Ларина, хотя и просились ребята на фронт.

– А почему это поезда не ходят? – вдруг недоумённо спросил немногословный Ларин, неторопливо сворачивая цигарку. – Только вон те зелёные вагоны шастают туда-сюда по рельсам. Странно!

Углублённый в свои думы, Дугаров промолчал. Сесть бы сейчас на станции в вагон и помчаться домой. Ларин бы вышел у себя, в Амурской области, а он, Дугаров, покатил бы дальше. Выйдет он на станции Дарасун, дойдёт до перекрёстка дорог и отправится оттуда в родной Алханай… Но нельзя, нельзя.

Ларин тоже задумался и мечтательно смотрел на дорогу. Тоже, наверное, домой охота. Вон, как глубоко затягивается, дым кручёными клубами валит из ноздрей. Совсем себя не жалеет.

Всё-таки они в карауле. И Дугаров, взяв наизготовку винтовку с примкнутым штыком, заходил возле ящиков. Тишина. Солнечный зайчик поблёскивает от окна вокзала. Вдруг вдали послышался слабый гул, потом гул стал расти и шириться. Земля задрожала. Шёл состав. Вот он всё ближе и ближе. В тишину ворвались паровозные гудки, стук колёс. Состав медленно подкатил к станции. Ребята увидели на платформах закрытые брезентом артиллерийские орудия.

– А-а, вот в чём дело. Из-за него поезда не шли, – пробормотал Ларин.

– Наверное, – отозвался Дугаров. Размышляя: с чего бы пригнали бронепоезд?

Приближался удивительно тёплый и нежный вечер. Облака на западе порозовели. Время от времени ветер наносил от станции приятные запахи дыма, горячего мазута и угля. Попить бы сейчас холодной воды!

– Слушай, Ларин, я сбегаю на станцию, воды попью, – сказал Дугаров и побежал к вокзалу…

Тёмное и высокое здание вокзала встретило солдата неприветливо. Ни в одном окне не было света, на двери висел тяжёлый замок. На танцплощадке, вокруг которой росли роскошные ивы, тоже никого не было. Куда все подевались? Ведь здесь всегда вечерами было шумно и весело. Вдруг в тени, недалеко от него, что-то зашевелилось, раздался глухой кашель. Дугаров встрепенулся и стал всматриваться. Кто-то явственно сказал из темноты знакомым голосом: «Поторопись!» Несколько незнакомых солдат пробежали мимо Дугарова к водопроводному

крану и склонились над ним. Как овцы, подумал Дугаров. За ними потянулись другие. Наконец, показался их высокий, осанистый, командир. Дождавшись, когда мимо него прошли последние двое из солдат, он посмотрел на растерявшегося Дугарова и, удивленно воскликнув:

– Здорово! Ты как тут оказался? – протянул большую и потную ладонь. Это был Лаптев, знакомый командир отделения. Из-под козырька фуражки на Дугарова смотрели изумлённые глаза, в глубине которых затаилась тревога. Дугаров поздоровался и сказал ему, что тут в карауле, и спросил:

– А ты что тут делаешь?

– Видишь, молодёжь. Моё отделение, – кивнул он в сторону солдат, которые шумно пили воду и умывались.

Ребята, совсем ещё подростки, растерянно оглядывались и посматривали на двух беседующих сержантов. Вещмешки их были в пыли и грязи, обмотки и ботинки тоже. Издалека, видимо, шли или бежали. Да, измотались ребятки на манёврах.

– Но, ладно, бывай. Спешим… Отделением, бегом аа-арш! – скомандовал Лаптев и, поглядев вслед удалявшимся солдатам, неожиданно повернулся к Дугарову и медленно сказал, глядя ему в глаза:

– Война, братуха…

И, поправив винтовку, зашагал вслед за своими солдатами. Ошеломлённый Дугаров только успел окликнуть:

– Лаптев, погоди… Какая война?

– Настоящая, братуха, настоящая! – крикнул Лаптев, растворяясь в сумерках, откуда был слышен его сержантский голос.

История эта долгая. Дальше пусть сам Дугаров расскажет…

Перевод с бурят-монгольского языка Виктора Балдоржиева

ЧАРЛЬЗ УИБЛИ (1859 – 1930)

КАПИТАН ХАЙНД

(Из «Книги об отпетой публике») [1]

Джеймс Хайнд, выдающийся английский вор и бесстрашный Капитан с Большой Дороги, явился на свет Божий в городишке Чиппинг-

[1] Чарльз Уибли (Charles Whibley) – английский писатель и журналист. Автор книг «Уильям Мейкпис Теккерей», «Политические портреты», «Исследования об откровенности» и многих др. В 1897 г. издал книгу об английских разбойниках, ворах и авантюристах «Книга об отпетой публике» (“A Book of Scoundrels”). Подробнее об авторе см.: https://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Whibley. (Прим. пер.).

Нортон в 1618 году. Отец его, седельных дел мастер, недооценив способности своего отпрыска, отдал его в ученики к мяснику. Но не суждено было Хайнду обагрять руки бычьей кровью, ибо судьба уготовила ему кое-что поинтереснее: сердобольная матушка подарила ему сорок шиллингов, и он, торжествующий и честолюбивый, отправился в Лондон – навстречу великим приключениям.

Да, он был честолюбив. Даже в беспечные мальчишеские годы мысль о карьере не покидала его. Прирождённый авантюрист, он жаждал действия и брался за любое дело, где чувствовал, что сможет навязать свою волю окружающим. Не удалось стать солдатом, – и он, рискнув жизнью, вышел на Большую Дорогу, где поборы и условия для проезжающих он оставлял на собственное усмотрение. Решимость его не имела границ, ни одна лазейка не оставалась без его внимания, – и всё же первое своё выгодное дельце он провернул благодаря счастливой случайности.

Однажды вечером он ввязался в пьяную драку, и был доставлен в кутузку, носившую весьма выразительное прозвище «Птичий двор». Там за свежеоткупоренной бутылкой он свёл знакомство с Робертом Áлленом, одним из главных разбойников, промышлявших в районе Сент-Джеймс-Парка. Бандит и головорез, Аллен знал своё грабительское ремесло до тонкостей. У него был острый глаз на неоценённые таланты, и уже после первого стакана он в должной мере оценил блистательные качества нашего героя.

Дав на лапу кому нужно, они вышли на свободу, и Джеймс был тут же принят в банду своего знакомца.

Он присягнул на верность преступной компании, и сотоварищи, желая проверить, каков он в деле, поручили ему ограбить какого-нибудь проезжающего на холме Шутерс-Хилл. Ему предложили нескольких лошадей на выбор, и он, отправившись в конюшню, выбрал самую лучшую, ибо достоинства лошади видел с первого взгляда, и эта его особая пронзительность в отношении лошадиных стбтей не покидала его никогда.

Добравшись до Шутерс-Хилл, он вышел на свою первую жертву с самым развесёлым видом. Голос его не дрогнул, ничто не выдало в нём подмастерья, который стоит лишь на подступах к будущей профессии, когда он издал боевой клич: «Жизнь или кошелёк!» Всадник, приняв его за отъявленного злодея, немедленно отдал кошелёк с десятью золотыми монетами. С любезностью, что сделала бы честь вельможе старой закалки, Джимми Хайнд передал ограбленному двадцать шиллингов на текущие расходы.

– Ведь мы с вами джентльмены, сэр, – промолвил он на прощание, и оба, довольные друг другом, мирно разъехались в разные стороны.

Аллен был в восторге от удали новичка.

– Вы только посмотрите, – воскликнул он, обращаясь к подельникам, – с какой любезностью он обчистил клиента!

Похвала патрона была вполне заслуженна, ибо Джимми Хайнд был безупречен в своих действиях с самого начала. Мужественный и отважный, как никто другой, он отнимал и присваивал чужое с таким изяществом, что лишь неисправимые скупердяи негодовали в ответ на его вымогательство. Он бы скорей дал тягу перед лицом врага, чем потребовал кошелёк безвозмездно. Для каждого мужчины у него находилось острое словцо, для каждой женщины – комплимент. Он всегда подчёркивал, что средства и цели для него одинаково важны. Да, он любил деньги, но при этом не уставал повторять, что добывать их следует, не покушаясь на чужую свободу и не портя настроение ближнему своему. Вот почему у него не было недостатка в поклонниках, и это притом, что карет на своём веку он опустошил больше любого английского разбойника.

Под руководством Аллена он прошёл блистательную школу. Начав подручным, он быстро стал правой рукой своего атамана, и, благодаря своей изобретательности, разработал с ним множество остроумных операций. На какое-то время удача улыбнулась шайке. К ней пришло богатство, а с ним – безнаказанность: никого из членов разбойного сообщества не постигла злая участь тех, кто при прочих равных давно уже смотрел на мир через тюремную решётку. Они грабили с достоинством, с каким-то особым благородством. Теперь они нападали на карету с четырьмя лакеями на запятках, бросая в бой весь свой арсенал наступательного оружия. Теперь они выходили на дорогу, облачившись в одежды благородного сословия, теперь их самих сопровождали слуги, которые, как и подобает слугам, держались от господ на некотором расстоянии. Однако безрассудство привело их к неизбежному провалу, и человеком, который поставил крест на их воровском благополучии, был не кто иной, как сам Оливер Кромвель[1], одержавший верх над дотоле неодолимым Алленом. Бандиты, несколько человек, атаковали Оливера на пути из Хантингдона, но он дал им столь жестокий отпор, что многие вынуждены были сдаться. Аллена, взятого с поличным, повесили в Тайберне. Хайнд, прекрасный наездник, сев на лучшего скакуна, исчез с поля неудачного боя.

Потеря друга послужила ему хорошим уроком, и с той поры Хайнд решил заниматься своим ремеслом в одиночку. Он обогатил природный талант воровской мудростью всех времён и народов и пришёл к

[1] *Оливер Кромвель* (1599-1658) – вождь Английской революции, лорд-протектор Англии в 1653-1658 гг. (Прим. пер.).

выводу, что, пока он один, его практически невозможно поймать, и, к тому же, ему не нужно делить добычу с сообщниками.

Так началась его лёгкая, беспрепятственная карьера, где время и место уже не имели никакого значения, настолько стремительными и бесстрашными были его разбойные наезды.

Вот он скачет по йоркширской вересковой пустоши; вот он орудует на равнине между Глостером и Тьюксбери; и где бы он ни появлялся, в кармане у него всегда есть кошелёк, а на языке – шутка.

Вот он, доблестный и отважный, скачет под открытым небом по ровной, хорошо знакомой дороге; вот он останавливается на почтовой станции, доме, сложенном из белого камня, в котором вечно толкутся посетители, и выпивает неисчислимое количество белого сухого вина в компании местного помещика, обременённого приличным животом. Сидя у радушного камина, они всю ночь обмениваются хвастливыми байками, и с первыми лучами солнца один из них бодро поднимается с места и, радостный, переполненный впечатлениями, исчезает за порогом, уносясь вдаль, навстречу неизвестности.

Неудача уже не вписывалась в его богатый опыт, и неудивительно, что в один прекрасный день он стал ужасом и кумиром всей Англии. Выдающейся была не только его отвага. Удача постоянно сопутствовала ему, а счастливое колдовство целых три года уберегало его от всяческого вреда.

Как-то он заночевал в Хатфилде в гостинице «Джордж-Инн». Рано утром он поднялся и, не позавтракав, выехал со двора с явным намерением направить своего скакуна в сторону Лондона. Он уже миновал городские ворота, как его окликнула какая-то древняя старуха. Хайнду не понравилась её физиономия, и он, дав шпоры коню, двинулся вперёд, не обращая внимания на женщину. Старуха сверкнула глазом, и конь остановился как вкопанный.

– Добрая женщина, – воскликнул Хайнд, бросая старухе монету в пять шиллингов, – я тороплюсь; пожалуйста, пропусти меня!

– Сэр, – отвечала колдунья, – я прождала вас тут целых три дня. Что ж теперь, все мои труды напрасны?

Хайнд кивнул, всем своим видом показывая, что готов выслушать таинственную даму, и она обратилась к нему с речью, каждое слово которой уже давно отлежалось в её седой, премудрой голове.

– Капитан Хайнд, – сказала она, – жизнь ваша подвергается постоянной опасности, и поскольку с самого вашего рождения я желаю вам только добра, я пустила в ход всё своё искусство и изготовила для вас вот этот чудесный оберег.

С этими словами она передала ему небольшую коробочку, в которой было нечто похожее не то на солнечные часы, не то на компас.

– Взгляните на эту звезду, – промолвила она, – и когда вы поедете по незнакомой дороге, сверьтесь с ней и следуйте всем её указаниям. Целых три года будет она хранить вас от всякой напасти. Потом, если вы не усомнитесь в моей преданности, разыщите меня, и я восстановлю волшебную силу оберега.

Хайнд с радостью принял подношение, но, когда он поднял голову, чтобы пробормотать женщине несколько благодарных слов, колдунья ударила по рёбрам его скакуна белым жезлом, и конь рванул с места в карьер столь стремительно, что Хайнд не успел взглянуть на свою благодетельницу даже краем глаза. Прошло, однако, какое-то время, и он услышал голос женщины, и так было не однажды, и она говорила с ним ясно и ровно, словно демон с Сократом. Поступи он, как велела древняя колдунья, он бы избег насильственной смерти, ибо последний день третьего года он встретил при штурме Йола[1], где, лишённый помощи доброй покровительницы, был серьёзно ранен и вернулся в Англию на свою погибель.

Но это было после. А пока он весело скакал по дороге, и жизнь его была нескончаемой комедией. Его остроты и речи, с которыми он обращался к своим жертвам, были неистощимы, а фортуна, словно бы любуясь его проделками со стороны, по-прежнему не лишала его своих милостей.

Был случай, прикинувшись набожным пастухом, он затянул церковный гимн, и, убедившись, что совершенно усыпил подозрение некоего джентльмена, проезжавшего мимо, приблизился к нему и, ударив его посохом по голове, забрал у него лошадь.

Как-то, – это было в самом начале его карьеры разбойника-одиночки, – он встретил священника, изрядно перебравшего на свадьбе, и поставил его в высшей степени курьёзное положение. Обобрав слуг двух джентльменов, – сумма была приличная, – он неторопливой иноходью двинулся по дороге, пока не заметил пастора, который из последних сил пытался удержаться в седле.

– Сэр, – сказал он, – меня по пятам преследуют разбойники. Право слово, не позволите же вы, чтобы меня, верного сына церкви, обобрали до нитки!

С этими словами он силой вручил священнику пистолет, убедив его выстрелить в первого встречного, пока они будут находиться на территории графства. Между тем ограбленные слуги, увидев священника, выхватили ружья и поскакали прямо на него. Он, естественно, принял их за разбойников и выстрелил, но, к счастью, промахнулся. Одна-

[1] Йол – небольшой город на юге Ирландии в графстве Корк (историческая провинция Ма́нстер). (Прим. пер.).

ко, храбрый во хмелю, он развернул лошадь, и, двинувшись на слуг, запустил в физиономию тому, что был поближе, разряжённый пистолет. Почтенного приходского священника тут же сграбастали и потащили к судье, и, прежде чем обманутый простак сумел объяснить, что к чему, Хайнд ускакал от преследователей так далеко, что бросаться в погоню за ним уже не было никакого смысла.

Хотя при случае Хайнд был готов пуститься наутёк, недостатка в смелости он не испытывал никогда. Как-то в другой раз он встретил путника с сотней фунтов в кармане и, вызвав его на поединок «здесь и сейчас», поставил своего коня против его коня при условии, что победителем будет считаться тот, кто пустит первую кровь.

– Если верх одержу я, – сказал великодушный Капитан, – я дам вам десять фунтов на дорожные расходы. Если удача улыбнётся вам, вы отдадите коня вашего слуги.

Условия были немедленно приняты, и спустя две минуты Хайнд нанёс противнику удачный удар шпагой. Однако, выяснив, что его жертвой стал всего-навсего бедный сквайр, направлявшийся в Лондон по судебным делам, Хайнд не только вернул деньги, но тут же отвёл его к хирургу, а затем угостил самым лучшим обедом, какой только можно было устроить в сельской местности.

Ему нравилось играть судьбами людей. Не однажды он грабил одних, чтобы помочь другим, не однажды обирал скупердяев, удовлетворяя свою пылкую склонность к великодушию и щедрости. Он вгонял в смертный страх судебных приставов, а с ростовщиком из Уорика сыграл весёлую шутку, сто́ящую того, чтобы описать её поподробнее.

Как-то, неторопливо проезжая по городу, Хайнд услышал шум и крики на перекрёстке улицы. Он спросил, что происходит, и ему сказали, что нечистый на руку ростовщик арестовал трактирщика за несчастные двадцать фунтов стерлингов. Хайнд, этакий вершитель судеб в ботфортах, спешился, списал долг, аннулировал долговое обязательство и вернул трактирщику арестованное имущество.

– Друг мой, – обращаясь к ростовщику, сказал Хайнд, – недавно я ссудил вам двадцать фунтов. Верните долг – и немедля, иначе не поздоровится!

Волей-неволей ростовщик выложил требуемую сумму и ещё столько же по процентам, и, когда он вновь пожелал привлечь трактирщика к суду, ему показали долговое обязательство, погашенное надлежащим образом, и он, выпустив жертву из когтей, чуть не умер от злости.

Так летал он по градам и весям на своём скакуне, защищая обиженных, подобно сказочному восточному монарху, и с наслаждением втаптывая в грязь извергов и негодяев. Его беспокойный дух увлекал

его за тридевять земель. Не раз и не два устремлялся он в морские просторы и побывал в Гааге и Амстердаме, хотя, надо признаться, в этих спокойных городах у него почти не было возможности блеснуть своими талантами. Он перебрался на родину, на острова Силли, оттуда – на остров Мэн. Там его рекомендовали лорду Дерби, и он быстро пошёл в гору: лорду пришлись по душе его проказы и шутки, и он назначил ему приличное содержание.

До Хайнда, утверждают летописи, воровство было неизвестно на острове. Любой, говорят они, с мешком золота в одной руке и хлыстом в другой, мог идти куда угодно, не боясь опасности. Но едва Хайнд появился в Дугласе, как честных горожан стали обкрадывать на каждом шагу. Обеспокоенные, они обратились к губернатору, и тот немедленно заподозрил Хайнда, о чём и заявил нашему герою, прямо глядя ему глаза.

– Милорд! – покраснев, воскликнул Хайнд. – Я ни в чём не виноват! Но если меня уличат в воровстве, я готов понести самое суровое наказание, какое вы мне назначите!

Однако, никто из пострадавших не опознал Хайнда: всяк из них описывал длинноволосого урода с растрёпанной бородой.

Суд, извинившись перед Хайндом, снял с него все подозрения. Хайнд отправился домой, вынул из потайного места накладные волосы и бороду и, вернулся туда, где только что получил свободу.

– У кого удача, тот живёт, не плача! – промолвил он, выкладывая на стол маскарадные принадлежности. Судьи, потрясённые таким исходом дела, расхохотались и подарили ему свободу во второй раз.

Став джентльменом-авантюристом, Капитан Хайнд остался верным приверженцем казнённого короля. Выпотрошить богача – святое дело, но ограбить цареубийцу – это, если так можно выразиться, было шедевром добродетели.

Прославленный Аллен, горячо желавший облегчить карман Кромвелю, попал на виселицу. Но Хайнда это нисколько не обескуражило; наоборот, он никогда не упускал случая посчитаться с врагами своей страны. Пример тому – его победа над Хью Питерсом в Энфилд-Чейсе. Вначале у Хью-пресвитерианина хватило отваги противостоять противнику ссылками на церковные тексты. Услышав знаменитое «Жизнь или кошелёк!», подкреплённое соответствующей демонстрацией заряженного пистолета, сей неописуемый Питерс уставил на Хайнда бычье око и с набожным видом промолвил: «Не кради, а укравши, не кради более», – и присовокупил к сему несколько вариаций восьмой заповеди. На это Хайнд немедля разразился проповедью против смертного греха – убийства – и осудил цареубийц за кощунство, когда они, оправдывая собственные злодеяния, искажали истинный смысл Священного писания.

– Разве не ты, исчадие нечестия, – промолвил он, передразнивая священника, – исказил собственной выгоды ради слова царя Давида, который сказал: «Закуйте царей их в оковы, а знатных людей их предайте цепям железным»? Более того, разве не Соломон сказал: «Не осуждай вора, если крадёт он ради души своей, глад испытующей»? И разве не моя душа жаждет злата и посрамления цареубийц?

Питерс промямлил ещё несколько цитат из Библии, когда конечный аргумент: «Выкладывай денежки, а то отправлю с этого света на тот!» – обратил его в полное повиновение, и тридцать звонких монет перекочевали в карман Джимми Хайнда.

Прошло немного времени, и у Шерборна судьба свела его с Джоном Брэ́дшоу[1]. Хайнд отобрал у него кошелёк, полный золотых монет с изображением короля Иакова I, и заставил сержанта, его охранника, сняв шляпу, стоять с непокрытой головой в то время, как Хайнд, согласно установившейся традиции, произносил речь о сущности золота.

– Обратите внимание, сэр, – пылко промолвил он, – вот металл, который на веки вечные завоевал моё сердце! О, любимое золото, я обожаю тебя, я поклоняюсь тебе так же, как Брэдшоу, Принн[2] и любой другой негодяй той же породы! Вот – бесподобное снадобье, которое республиканцы-медики называют чудодейственным пластырем! Действие его воистину милосердно, оно несколько похоже на иезуитский порошок, но более эффективно. Достоинства его удивительны и разнообразны: оно делает правосудие глухим и слепым, оно выводит пятна самой подлой измены, оно в два-три дня совершенно меняет характер человека. Оно подвигает людей на бунт, оно таинственным образом проясняет и обостряет зрение. Предатель, заполучив его, может совершить самое чёрное преступление, ибо отныне и навсегда останется невинным, как младенец. Оно живительным образом взбадривает любое дело, которое катится под откос, оно гасит раздоры и предотвращает раскол столь же верно, сколь масло и сера заглушают чесотку. Одним словом, оно делает умных – глупыми, глупых – умными, а тех и других – мошенниками. Сам цвет этого драгоценного бальзама ярок и ослепителен. Если это средство – должным образом и в соответствующей дозе – приложить к руке, оно верно и надёжно излечит все пороки, от которых страдает человечество!

Закончив речь, он хладнокровно убил всю шестёрку лошадей, запряжённую в карету Брэдшоу, и с презрительным видом продолжил

---

[1] *Джон Брэ́дшоу* (1602-1659) – председатель Верховного судебного трибунала, приговорившего английского короля Карла I к смертной казни. Король был обезглавлен 30 января 1649 года. (Прим. пер.).

[2] *Уильям Принн* (1600-1669) – пресвитерианский богослов, лидер пресвитериан в Долгом парламенте. (Прим. пер.).

свой путь.

Впрочем, у него не было особых симпатий к «кавалерам», сторонникам короля, и он не собирался, доказывая свою приверженность королевской власти, грабить исключительно одних «круглоголовых», сторонников парламента. И всё же, всё же! – он вступился за своего короля: вначале он воевал в рядах шотландского войска, затем – сражался при Вустере, где, пренебрегая опасностью, послужил делу, которое считал благим[1].

Битва была проиграна, и это, в конечном счёте, стоило жизни нашему герою. До конца 1651 года он скрывался с неким Дензисом, брадобреем, как раз напротив церкви Святого Дунстана, что на Флит-Стрит. Быть может, он выбрал это место потому, что неподалёку проживала знаменитая воровка по прозвищу Молль Срежь-Кошелёк. Как бы там ни было, нашлись предатели, которые схватили его и представили спикеру палаты общин, после чего Джеймса Хайнда препроводили в тюрьму Ньюгейт[2].

Вначале его осудили за воровство и убийство и вынесли ему приговор за убийство Джорджа Симпсона в Ноуле, что в графстве Беркшир. Но на следующий день была объявлена амнистия, и Хайнд предстал перед судом по обвинению в государственной измене. Во время допроса он вёл себя в высшей степени беззаботно, хвастливо повествуя о подвигах, которые совершил, сражаясь на стороне короля.

– И эти грязные шпоры, – указывая на ножные кандалы, торжественно закончил он, – награда за все мои труды! Ну, ничего: скоро я сменю их на чистые!

Хорошее настроение не покидало его до самого конца. Он шутил в тюрьме, как шутил на Большой Дороге, и с лёгким сердцем окончил жизнь на виселице, которую ему поставили в Вустере.

С ним поступили, как с предателем: его повесили, утопили, четвертовали. Кто-то тайком украл его голову и предал её земле в день очередной казни. Обезглавленный труп выставили на городской стене, и труп оставался там, пока птицы дочиста не расклевали останки.

Так умер самый знаменитый разбойник, что когда-либо выходил на английскую Большую Дорогу, и умер он героем. Бесчисленные акты принуждения и разбоя, которые можно было поставить ему в вину, ве-

---

[1] *Битва при Вустере* (3 сентября 1651 г.) – последнее сражение, завершившее гражданские войны в Англии. Оливер Кромвель одержал победу над Карлом II.

[2] *Ньюгейт* – (дословно: «новые ворота») – тюрьма на месте западных ворот древнего Лондона, построенная в 1188 г. В XV веке была перестроена на средства лорд-мэра Ричарда Уиттингтона (1358?-1423). В 1780 г. сильно пострадала во время антикатолического восстания лорда Гордона. В первой половине XIX века – главная тюрьма Лондона. (Прим. пер.).

сят на весах его судьбы меньше голубиного пёрышка. Пополнив солдатские ряды, он пошёл в бой не ради добычи, а за дело Карла Стю́арта. Сожалея о его смерти, современники не воздали ему по справедливости в должной мере. Таких, как он, в чью верность государство не верило ни минуты, были тысячи, зато по части рыцарственного обхождения на Большой Дороге у него не было равных.

Середина семнадцатого столетия – золотой век Большой Дороги. Все разбойники подались в кавалеры, а многие кавалеры стали разбойниками. Король проиграл, и сотни его солдат и офицеров, обратившись к сабле и пистолету, мстили за себя, превратившись в грабителей и обрушив свой гнев на врагов короля. И хотя Хайнд был, прежде всего, разбойником и уж только после этого роялистом, он, тем не менее, воплощал в себе лучшие качества тех и других. Чему-то он, разумеется, научился у Аллена, но кладовую своих навыков и умений он пополнил множеством собственных находок и породил воровские традиции, которые надолго пережили его самого.

Во главу угла он ставил вежливость. Гинея, украденная неуклюжим громилой, была в его глазах прискорбным грабежом. Та же гинея, истребованная джентльменом с Большой Дороги, была данью, которую щедрость и великодушие платили отваге. Ничто не могло искупить оскорбления, нанесённого леди. В случае на Питерсфильдской дороге, когда профессиональный долг понудил его к изъятию части приданого, полученного дамой, он не только сослался на необходимость, рассыпавшись в речистых извинениях, но и присовокупил к ним многочисленные посулы от имени странствующих рыцарей и благородных дам, пребывающих в печали. Он не покушался на безделицы, которые, по мнению общества, затрагивали людские чувства. На протяжении всей его долгой карьеры, не бывало такого, чтобы он оставил человека на дороге без гроша в кармане (исключение составляли только «круглоголовые»). Не в его обычае было, обобрав владельца, не оставить ему какой-нибудь малости за перенесённые страдания. Более того, храбрость его равнялась его рассудительности. И поскольку он не боялся ничего, у него не было привычки шуметь и грозиться попусту, если он не был уверен в поставленной цели. Пистолет вынут и направлен на цель, мрачный приказ отдан, – и жертве остаётся либо принять бой, либо сдаться: Хайнд был из тех, кто не отказывается от схватки независимо от обстоятельств и того, какое оружие у него в руках в этот момент.
Подобно истинному художнику, каким он был, Хайнд не пренебрегал ни одной мелочью в своём искусстве. Он был великим стрелком и прекрасным наездником. Его ловкость не только спасала его от поимки, но и помогала ему добывать именно таких лошадей, какие отвечали его потребностям, или обменять измождённую клячу на бодрого скакуна. Как-

то некий доверчивый фермер предложил двадцать фунтов и собственного мерина за коня нашего Капитана. Хайнд заключил сделку немедленно, и пока они ехали трусцой по дороге, Хайнд уговорил фермера испытать только что купленную лошадь и перемахнуть через самую высокую изгородь и самый широкий ров. У простофили ничего не получилось, и Хайнд знал, что не получится. Взяв на мгновение ссуду под своего древнего скакуна, Хайнд не только показал, чего стоит настоящая верховая езда, но тотчас же ускакал от своего знакомца на лучшей лошади и с двадцатью фунтами в кармане. Столь удивительно росла его известность, что для любого, кого перехитрил Капитан, это становилось своего рода наградой, знаком отличия. Те же, кто не был удостоен высокой чести, измышляли всякого рода фокусы, какие якобы проделал с ними знаменитый Капитан. Самые весёлые шутки и самые сумасшедшие подвиги ему приписывали чаще, чем кому-либо из его братии, и в течение двух веков он оставался любимым героем дешёвых изданий народных сказок.

Грабя в одиночку, он мог позволить себе презирать всякий педантизм. Если он встречал путника, который смеялся, оценив его фантазию, Хайнд, не обращая внимания на обычаи Большой Дороги, мог из благодарности сообщить тайный пароль постороннему человеку, и далее тот шёл, не боясь никого и ничего. Он был не слишком разборчив, и, если это отвечало его целям, спокойно грабил растяп из его собственного разбойного клана. Благодаря этому он высоко поднял планку Большой Дороги, послав сигнал невеждам и неумехам, чтобы те приискали себе занятие полегче. Он и шиллинга не отнимал у своей жертвы, не подсластив убыток доброй шуткой, и при этом, как все юмористы, был весьма проницательным философом.

– Запомните, что я вам скажу, – говаривал он простакам, что пытались ограбить его, первого разбойника Англии, – не позорьте себя крохами, стремитесь к большему – ради того, чтобы отхватить великий куш! Работа по мелочи – верная дорога к виселице.

В этих немногих словах – вся философия воровства, и многие недотёпы рано – слишком рано! – закончили путь земной, пропустив мимо ушей совет знаменитого Хайнда.

Законников-крючкотворов и тех, кого именовали «ловцами воров», он ненавидел лютой ненавистью.

– Хочу от всего сердца, – воскликнул он во время суда над ним, – чтобы английские адвокаты получали свои жирные гонорары не чаще, чем иудеи едят свинину!

Если вспомнить обстоятельства его дружбы с воровкой по прозвищу Молль Срежь-Кошелёк, то его ненависть к «ловцу воров», который бы и собственного брата притащил на виселицу ради подачки в де-

сять фунтов и принёс бы лжеприсягу с лёгкостью, с какой бы проглотил рыбу с маслом, становится совершенно понятной. Возможно, перед гибелью Хайнда между ним и Молль пробежала чёрная кошка. Уж не потому ли, что она слишком уж усердно пыталась поставить себе в заслугу успех Капитана? Или, быть может, Хайнд затаил на неё несправедливую обиду за то, что накануне того, как его накрыли у Дензиса-брадобрея, она могла бы по-дружески предупредить его о засаде?

На этот счёт он не оставил свидетельства, однако честный вор всегда был пылким ненавистником шпионов и буквоедов-сутяг, при том что общеизвестная осторожность Хайнда вопросов не вызывает. Чудо интеллекта, мастер вкуса, он был выше на голову всех своих современников, и установил для грядущих поколений недосягаемое мерило. Восемнадцатый век воздал ему должное, стремясь подражать ему, но трусость и чванство свели усилия почти на нет. Клод Дю-Валь, несмотря на то, что он с исключительным вдохновением танцевал кура́нту[1] на зелёной лужайке, был, по сравнению с Хайндом, пустым бахвалом. Капитан Стаффорд испоганил лучшие свои дела беспримерной жестокостью. Ни Молль Срежь-Кошелёк, ни Золотой Фермер за всю свою долгую воровскую карьеру не сделали ничего такого, что хоть как-то сравнимо с тем, как Хайнд ограбил Питерса и Брэдшоу. Жёстко покушаясь на злато ближних своих, они изымали его грубо и бесхитростно. Ни единого соверена не отнял Хайнд нахрапом: каждое своё дело он украшал какой-нибудь выдумкой. Живя воистину в августинскую эпоху, он был своего рода классиком среди разбойников, настоящим Вергилием в Аду.

Перевод с английского Евгения Фельдмана

СААМСКОЕ СКАЗАНИЕ

Предлагаем вниманию читателей образец саамского фольклора. одно из сказаний из собрания норвежского собирателя Турлейфа Берга. Несколько слов о саамах. Как известно, *Saamelaiset* – малочисленный финно-угорский коренной народ Северной Европы. Скандинавы называют саамов lappar или lapper – «лопари», по-русски, от этого наименования происходит название Лапландия, то есть «земля лопарей». Лапландия никогда не являлась единым государственным образованием. В настоящее время это общая территория четырёх государств: Норвегии, Швеции, Финляндии и России (Кольский полуостров). С Лапландией связано понятие Nordkalott, Нуркалот – Северный калот букв. мыс, по-

[1] *Кура́нта* – старинный французский танец. (Прим. пер.).

лушарие, – единая территория за полярным кругом. Саамские языки (существует достаточно много диалектов) образуют особую группу финно-угорских языков уральской языковой семьи.

Саамы Норвегии (норв. Samene i Norge) – часть саамского народа, проживающая на территории Норвегии и являющаяся одним из национальных меньшинств страны. Первая книжка на одном из саамских диалектов, сказка «Гюлланда», эпическое повествование о противоборстве злых и добрых сил, вышла в 1982 году. В посёлке Карасйок, муниципальном административном центре провинции Финнмарк, существует издательский дом «Davvi Girji» – «Северная книга». В среднем в Норвегии в год публикуется от 10 до 20 книг на саамских языках.

КАК ЛЮДИ БЛАГОДАРЯ ХИТРОСТИ ИЗБАВИЛИСЬ ОТ ВЕЛИКАНА И КАК ОБРЕЛИ БОГАТСТВО

Когда-то давным-давно жил в лесу великан, (сталлу – по нашему, по-саамски), жил там с женой и тремя сыновьями. Был великан сильным и страшным. Не давал он покою людям. Только и думал о том, как бы им навредить, так или иначе обобрать. Часто убивал он оленей у саамов.

И вот принялись люди размышлять, как отомстить великану. Сильный страх охватил их, что бы они ни делали, всё валилось у них из рук. И они поняли, что нет у них иного пути, как только убить этого великана.

Однажды отправилась одна отважная саамская женщина, по имени Ристен, вместе со своими детьми в гости к великану. Тот оказался в хорошем расположении духа, и вот сидели они и мирно беседовали. Вдруг женщина заметила, что один из её детей побежал по нужде в летний чум великана. Мать ребёнка испугалась, а вдруг это великану не понравится? Но тот сказал только: «Да ладно, чего уж там …»

Но когда женщина отправилась на реку, чтобы помыть своего малыша, великан взял железный прут и принялся нагревать его на огне. Надо сказать, что великаны эти были очень опасными и коварными существами. Они часто убивали людей, а потом поедали их. Вот он и задумал проткнуть эту саамскую женщину раскалённым прутом насмерть. К счастью, эта женщина была не только смелой, но умной и хитрой. В одно мгновенье сняла она с себя малицу[1] и набросила ее на какой-то куст. Вместе с детьми запрыгнула она в сани с оленьей упряжкой, и олени быстро помчали их прочь из усадьбы великана.

Между тем железный прут раскалился докрасна. Великан схватил его и бросился за женщиной, но со страшной силой проткнул висящую на

[1] Малица – верхняя одежда из оленьих шкур, надеваемая через голову, мехом внутрь, с капюшоном и рукавицами (распространена у различных народов Крайнего Севера). (Прим. пер.).

кусте малицу, думая, что это сама Ристен. Нетрудно было обмануть великана, ведь они все такие глупые.

Увидев, что женщина перехитрила его, сталлу рассвирепел. Как и другие великаны, он легко впадал в ярость. Часто в таких случаях их охватывало подлинное безумие. Со всех ног великан бросился вслед за женщиной, с ним и его собака.

Великану было хорошо известно, что именно собаки лучше всех выслеживают людей. Без собаки великаны как без рук, совершенно беспомощны. Итак, он вместе с собакой бросился вслед за Ристен, но та знала, что делать. Она принялась бросать на дорогу кусочки жира. Собака начала останавливаться и съедать эти кусочки, и стало ей совсем не до преследования женщины и ее детей.

Наконец Ристен добралась до своего чума, вымазала лицо мясным бульоном и уселась среди своих сородичей. Немного погодя к ним заходит великан и начинает вглядываться в лица .А люди как раз варили мясо. Великан пришел вместе со своей женой, у которой была с собой железная трубка, с помощью которой она могла «высасывать дыхание» из людей, лишать их жизни.

Так все они и сидели вокруг очага, а великан вдруг предложил им пойти к реке и поиграть в жмурки. Ну вот и пошли они к реке, а там была большая полынья, откуда можно было доставать воду. Великан спросил: «А кто будет водить?» Ему ответили: «Да ты сам мог бы!»

Они начали играть, а тут великану понадобилось по нужде, по большим делам. И только он устроился, как люди закричали: «Не надо – не надо, не здесь, отойди в сторону». Великан подвинулся и угодил прямо в полынью. Тут саамы начали дружно колотить его по голове большими чурбаками, а он стал звать жену: «Иди сюда да железную трубку не забудь!» Но жена его не услышала. Он закричал еще раз, но она опять не услышала. А услышала только на третий раз. Все это время она сидела в летнем чуме и болтала с другими женщинами. А в это время дети грели на огне железную трубку.

Жена великана, наконец, поняла, что муж нуждается в её помощи. Она схватила трубку, чтобы броситься на людей и начать высасывать из них дыхание, но в ярости не заметила, что трубка раскалилась, а она заглотнула её внутрь. А саамы-то не растерялись, протолкнули трубку ей ещё дальше в глотку, тут она и сдохла.

Великан был невероятно богат. Да и у трёх его сыновей были несметные сокровища, которые они хранили в своих чумах. А ведь раньше сидели как-то саамские женщины вместе с женой великана в летнем чуме и болтали о своих женских делах, и им удалось выведать у неё, где её муж-великан прячет свои сокровища. А потом пришли их мужья и нашли это золото и серебро. Они забрали себе всё и стали навеки богатыми.

Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой

В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

ТАТЬЯНА БУТ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА (с иностранного языка на русский)

При переводе научных статей с иностранного языка у переводчика может возникнуть необходимость перевести не только содержание статьи, но и библиографический список в конце работы. На первый взгляд, кажется, что эта работа не представляет особой трудности, однако в некоторых случаях перевод списка литературы вызывает определенные затруднения и занимает много времени, особенно если осуществляется впервые. Таким образом, предметом нашего интереса являются проблемы, которые могут возникнуть при переводе библиографического списка.

Прежде всего, необходимо отметить, в каких случаях требуется переводить список литературы. В первую очередь, это определяют требования заказчика, в зависимости от пожеланий которого список литературы может быть либо сохранен в оригинальном виде, либо переведен. При этом большую роль играет сама цель библиографического списка. Он нужен не только как обязательный компонент любой научной статьи, но также даёт возможность читателям при желании найти конкретную книгу или статью, на которую в своей работе ссылался автор. Следовательно, если переводчик допустит какие-либо неточности при переводе списка литературы, то отыскать нужную книгу читатель попросту не сможет.

Особых трудностей не возникает, когда в оригинальном библиографическом списке перечислена общеизвестная литература популярная во всем мире. В таком случае большинство работ из списка, вероятнее всего, уже были переведены на другие языки, и поэтому обычно не возникает никаких затруднений с поиском соответствия названия работы на русском языке. Однако часто бывает так, что литература, на которую опирался автор, является узкоспециальной или изданной сравнительно недавно, поэтому некоторые работы из библиографического списка могут быть еще не переведены. Переводчик может перевести само название, исходя лишь из той информации, которая доступна ему в рамках

предоставленного для перевода материала. Но в таком случае список источников не выполняет одну из своих важнейших задач – дать читателям сведения для поиска необходимой литературы. Нетрудно догадаться, что при запросе книги по названию, выбранному переводчиком самостоятельно в качестве аналога оригинальному, читатели не смогут найти не только перевод указанной книги (которого на данный момент просто не существует), но и её оригинал. Какой же должна быть стратегия перевода в описанном случае?

Как уже отмечалось выше, всё определяется требованиями заказчика. Если он считает такой способ перевода приемлемым, то переводчику ничего не остаётся, кроме как выполнить условия заказа. Тем не менее, можно обсудить вариант оформления перевода, при котором в переведённом списке литературы будут также сохранены названия источников на языке оригинала. Такие примеры перевода библиографических источников приводит Л. Л. Нелюбин в своей книге «Введение в технику перевода» (2, с. 177):

- ГРЕЙВЕР Б.Д., ХОЙЛЕ К. Дж. Военные тексты. GRAVER B.D., HOILE K.J. Military Texts. English Studies Series 5. London, Oxford Univ. Press, 1967. 249 p.
- ЛАТТУЭК Э. Краткий энциклопедический военный словарь. LUTTWAKE E. A Dictionary of Modern War. N.Y., Harpet & Row Publ., 1971. 224 p.

Еще одной немаловажной деталью является оформление переведенного списка литературы. В зависимости от того, где будет публиковаться статья, требования к оформлению библиографического списка могут отличаться, поэтому следовать им особенно важно. Кроме того, необходимо отметить следующее: если список литературы в подлиннике формировался по алфавиту и на основе этого автор делал ссылки на источники в тексте своей работы, то может возникнуть необходимость отразить этот момент и в переводе, внося некоторые изменения в структуру списка, а также в ссылки на него. Но это достаточно трудоёмкий процесс, требующий предварительного согласования с заказчиком. Если список литературы давался в порядке упоминания, то в таком случае особых проблем не возникнет.

Ввиду ряда трудностей качество перевода может снизиться. Такие трудности могут быть связаны с разным характером грамматической природы исходного языка и языка перевода, они могут касаться восприятия информации исходного текста и уровня владения родным языком. Английский и китайский языки сильно отличаются от русского, прежде всего, тем, что морфологически они развиты в меньшей степени. К примеру, слова в китайском языке практически не имеют внешних,

морфологических признаков, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи, поэтому при распределении их по частям речи на первый план выступают иные критерии: а) различная способность определенных разрядов слов выступать в роли того или иного члена предложения и б) различная сочетаемость их со словами других разрядов и с теми или иными формальными элементами (1, сс. 7-8). В этой связи носителям русского языка при минимальном лингвистическом окружении английского или китайского слова нередко бывает сложно определить его частеречную принадлежность, характер его связи с соседними словами. Это актуально и при переводе списка литературы, так как названия книг в нём могут быть слишком короткими, что может вызвать затруднения у переводчика в выборе слова с нужными морфологическими признаками (особенно это касается китайского языка). Решением такой проблемы может стать углубленный поиск дополнительной информации по определённому названию и данной теме.

В качестве примера рассмотрим пример перевода названия: 李勤. 俄语不确定/确定范畴:语言手段及其言语功能 (Ли Цинь. Категория определенности/неопределенности в русском языке: языковые средства и их функции в речи). Здесь нас интересуют слова 不确定 и 确定, их передача на русский язык возможна как в виде прилагательного (неопределенный, определенный), так и в виде существительного (неопределенность, определенность). В обоих случаях они служат характеристикой слова 范畴 (категория). В работах, связанных с проблемами грамматики того или иного языка, постоянно встречаются соответствующие термины. «Категория определенности/неопределенности», очевидно, является одним из таких терминов, поэтому перевод «определенная/неопределенная категория» не будет соответствовать системному характеру работы.

Еще одна проблема, связанная с морфологией, кроется в переводе имён авторов или (имён) других людей, упомянутых в названии книги, и бывает осложнена недостатком сведений о них. Особенности построения и склонения имён и фамилий в русском языке могут указывать на пол их обладателя. В английском или в китайском языках это прослеживается не так явно. В русском языке существует правило, в соответствии с которым все оканчивающиеся на согласную иностранные мужские фамилии склоняются, совершенно иначе обстоит дело с женскими фамилиями. Особых трудностей не возникает в случае, если переводчик транслитерирует имя и фамилию на русский язык в именительном падеже. Если же в списке литературы или в ссылках на него необходимо употребить ту или иную фамилию в форме одного из косвенных падежей, то переводчик должен быть абсолютно уверен, что но-

сителем этой фамилии является мужчина или женщина. Чтобы исключить все сомнения, ему следует постараться найти определенную информацию об этом человекев справочниках, словарях, поисковых системах; если таковой не находится, то можно прибегнуть к другому варианту – проконсультироваться с носителем данного языка. Это актуально для китайского языка, потому что иероглифы, входящие в состав имени, зачастую своей семантикой указывают на пол человека. Например, в имени Цзян Липин (姜丽萍), которое принадлежит женщине, одной из китайских авторов учебных пособий, присутствует иероглиф «Ли» (丽), имеющий значение «красивый, прекрасный». Имена с такими значениями нередко сигнализируют о том, что они принадлежат женщине. Если же и этот способ не помог, то тогда остаётся только избегать склонения имен и присоединения к ним глагольных форм, четко указывающих на гендерную принадлежность.

Минимальное лингвистическое окружение многозначных слов в названиях книг, входящих в список литературы, также может создать для переводчика некоторые трудности. Так, несмотря на то что основное значение китайского слова 讲话 – это «беседа, разговор», тем не менее название книги 语法修辞讲话 под авторством Люй Шусяна и Чжу Дэси вошло в русский язык именно как «Лекции по грамматике и стилистике», потому что слово «лекция» является добавочным значением этого слова, которое, очевидно, подразумевалось в названии. Чтобы не допустить смысловых ошибок, переводчик должен непрерывно самосовершенствоваться, не только расширять свой словарный запас), но и обращать внимание на второстепенные, малоупотребимые значения уже знакомых слов и на особенности их применения.

Нередко бывает так, что содержание иностранного текста понятно, но передача его на русский язык сопровождается большими трудностями, и получившийся в итоге текст не соответствует нормам русского языка. Чаще всего встречаются ошибки в построении словосочетаний, предложений, а также в сочетаемости слов. Чтобы не допускать их, нужно быть очень внимательным и начитанным, знать правила русского языка и обладать обширным словарным запасом. Учет этих факторов позволяет значительно повысить качество перевода.

В наше время информационные технологии играют огромную роль во всех сферах жизнедеятельности человека. Переводчик должен стремиться к тому, чтобы максимально использовать их для получения наилучшего результата. В переводе библиографических списков это очень важно, так как изначально заложенной в них информации бывает не достаточно для осуществления качественного перевода. Переводчик может воспользоваться научными поисковыми системами и библиогра-

фическими базами данных, например, Google Scholar или CiteSeer. Для передачи китайских имен собственных на русский язык не обойтись без таблицы Палладия. Для английского языка существуют правила англо-русской практической транскрипции. В поиске устоявшихся переводческих соответствий может помочь сайт ReversoContext. В интернете существует огромное количество сайтов-помощников. Постоянный поиск и освоение различных полезных интернет-ресурсов не только экономит время переводчика, но и значительно улучшает качество его работы.

Таким образом, список литературы оставляют неизменным в том случае, если на то нет особых пожеланий заказчика. Если заказчик требует перевода, то тогда необходимо заранее выявить потенциальные проблемы, которые могут возникнуть в процессе работы (такие, например, как отсутствие соответствий, тонкости технического оформления), и обсудить стратегию их решения с заказчиком, выбирая при этом наиболее оптимальный способ в зависимости от особенностей самой работы и роли списка литературы в ней.

Литература:

1. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Том 1. Части речи. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 231 с.

2. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 216 с.

АМЕРИКАНА

ДУХ ЗЕМЛИ

(Интервью Гэри Снайдера, данное Шону Элдеру, 2015)

В прошлом месяце я взял интервью для журнала «Ньюзуик» у дзенского поэта Гэри Снайдера родом из Калифорнии. Он приехал в Сан-Франциско для выступления в театре Ноурс с публичными чтениями стихотворений из своего последнего сборника «Этот момент в настоящем». Поскольку лишь малая часть из нашего разговора попала на страницы журнала, я решил разместить расширенный вариант здесь в честь Дня независимости. Долгой ему жизни и успехов в творчестве.

Не так давно Вы выступали с публичными чтениями в Сан-Франциско, представляя произведения из последнего сборника стихотворений «Момент настоящего». Перед Вашим выступлением Уилл Хёрст сказал, что Вашим увлечением являются водоразделы. Водоразделы, расположенные на территории штата Калифорния, одни из первых привлекли Ваше внимание? Можете подробнее рассказать о Вашем увлечении?

Конечно. Я же биорегионалист. Я посвятил несколько своих произведений сознанию людей, проживающих на водораздельной территории, умению мыслить, исходя из особенностей места проживания, которое возникает, если Вы знаете, на территории какого водораздела Вы проживаете, как водоразделы соотносятся между собой. Сознание людей часто определяется лишь автострадами, тогда это умение не формируется. Стоит выбросить дороги из головы и подумать о водоразделах, и всё меняется. Кстати, водоразделы представляют собой не только реку. Река – это стержень, но есть ещё притоки…

Тебя интересуют такие вещи, если ты – защитник окружающей среды и испытываешь особое чувство к природе. Водоразделы, если мы возьмём широкое значение, включают экосистемы. Расширенное понимание обусловливает внимание к особенностям территории. Водоразделы – не случайные образования: они сформированы землёй, особым сочетанием хребтов и потоков. Границы – лишь линии на карте, проведённые с помощью линейки людьми, которые представления подчас не

имели о том, где они находятся. Это говорит о том, что границы – временное явление: через 500 лет мы ими вообще не будем пользоваться. Согласно моей программе (смеётся).

Хёрст выступил продюсером фильма «Практика дикости», в котором снялись Вы с Джимом Гаррисоном. Как давно Вы знаете Гаррисона?

Очень давно. Однажды мы, будучи молодыми, вместе совершили поездку по северной части штата Мичиган, в ходе которой выступали с публичными чтениями поэзии в школах. Это был пилотный проект, целью которого было выяснить, насколько эффективными, полезными станут такие чтения. Мы решили посмотреть, будут ли школьники слушать, как поэты рассуждают о поэзии. Это было ещё до того, как Джим начал писать рассказы…

И школьники слушали?

Ещё как. Им было очень интересно, ведь мы использовали нецензурные слова. Поэзия позволяет использовать любые слова, любое построение предложений… Один мой сосед уже много лет использует этот приём. Он говорит: «Первое моё задание детям в третьем классе – написать какую-нибудь неправду. Они удивляются: «В смысле нам надо что-то выдумать, соврать?» Замечательное задание.

Вы выросли на маленькой ферме, расположенной недалеко от Сиэтла. Этот период своей жизни Вы описываете как «тяжёлую жизнь бедняка». Можно сказать, что такая жизнь определила Ваши политические взгляды?

Определённо, да. Однако надо учесть, что вся северо-западная часть страны в то время была более радикально настроена, вся страна была полна радикалов. Взять, например, территорию штатов Вашингтон и Орегон, расположенную к западу от Каскадных гор, там было много протосоциалистов, марксистов. Конечно, движение простых рабочих в Сиэтле до сих пор не ослабевает. Но тогда было время Великой депрессии, и когда я говорю «тяжёлая жизнь бедняка», то говорю именно о Великой депрессии. Все были бедняками, и все это знали. Мой отец был безработным 8 или 9 лет, но мы как-то старались выжить, брались за всё: кололи дрова, корчевали пни. Мы держали кур и коров, выращивали фруктовые деревья. И у меня не было сознания бедняка до тех пор, пока я не увидел, что кому-то живётся проще. Конечно, по сравнению с

бедняками из других стран, наше положение можно назвать терпимым: у нас всегда на ходу была машина. Всё познаётся в сравнении. Я многое слышал в то время. Мой отец был членом Лиги безработных избирателей – ассоциации, действовавшей на территории Сиэтла, своего рода кооператива, в общей собственности у которого были автомастерские, продуктовые магазины. Он процветал, поскольку многие тогда были членами коммунистической партии. Именно поэтому, по мнению некоторых людей, Рузвельт развернул программы социальной помощи. Он просто боялся, что всё западное побережье станет поддерживать коммунистов.

Джон Суйтер, который живёт в Чикаго и работает над моей биографией, многое уже разузнал про тот период. Это отняло у него кучу времени.

И до какого момента он добрался?

Примерно до 1953 года. К тому времени я уже окончил колледж. Его захватили детали, увлекла рапсодия фактов…

Я не осознавал, что принадлежал к прогрессивному движению до тех пор, пока не поступил в Рид-колледж, где мне пришлось отстаивать своё мнение и решать, отношусь ли я к сталинистам, троцкистам, анархистам или социал-демократам.

И к кому Вы себя отнесли? Ваш дедушка был членом Международной ассоциации трудящихся.

Да, мы все хорошо помним те времена. Я тоже к ней присоединился, даже есть членский билет этой организации. Она, кстати, до сих пор существует. На самом деле, не так важно, к какому направлению ты себя относишь. Я внимательно прочёл книгу Петра Кропоткина «Взаимопомощь» и заинтересовался его школой анархизма. Всё это у меня превратилось в биорегионализм. Поскольку анархизм трактуют неправильно, я обычно употребляю термин биорегионализм.

А сейчас какие у Вас политические взгляды? Имеются ли они вообще?

Когда мы говорим о политике, конечно, подразумеваем самоопределение. Это всё равно, если бы Вы спросили, какая у меня картина мира создалась. Один из способов понять человека – спросить, к какому направлению он себя причисляет.

Будучи поэтом и писателем – я являюсь автором 6 сборников эссе – невольно становишься публичным человеком, люди спрашивают, какое у тебя мнение, имеется ли оно…

Расскажите, пожалуйста, о Вашем интересе к коренному населению Америки, к его культуре, традициям.

Меня поразил Музей антропологии Вашингтонского университета, где мои родители обычно оставляли меня, когда ездили по магазинам в той части города, где он расположен. Особенно я заинтересовался резьбой по дереву, разговаривал с индейцами. Постепенно мой интерес к культуре коренного населения Америки перерос в увлечение Восточной Азией.

Впервые я заинтересовался Восточной Азией в Музее искусств г. Сиэтла. В нём есть замечательная коллекция работ восточноазиатских, китайских и японских художников-пейзажистов. Когда я смотрел на их работы, то ловил себя на мысли, что горы, изображённые на картинах, напоминают горный хребет Каскадных гор, пролегающий через штат Вашингтон. Ещё я думал: «Эти ребята знали, как нужно рисовать». Например, мне незнаком пейзаж побережья Восточной Европы, поэтому картины, где он изображён, мне представляются чуждыми. Возможно, для тех, кто там живёт, они кажутся хорошими. В то время для меня была знакома западная часть США. Художники-пейзажисты из Восточной Азии изображали горы, покрытые снегом, на вершинах которых видны облака. И эти изображения очень напоминают то, что ты видишь в штате Вашингтон.

Потом я поспорил о христианской морали или отсутствии в христианстве того, что для меня означала мораль, поскольку христиане не считают субъектами морали никого, кроме людей. В тот момент, когда я узнал, что коровы, которые у нас жили и умерли, не попадут в рай, я перестал посещать воскресную школу. И тут я узнал, что буддизм, а также индуизм не только человека считают субъектом морали, и решил, что мне подходят эти учения.

В течение одного семестра я учился в Индианском университете, моей специализацией было языкознание. Потом я продолжил обучение в Калифорнийском университете в Беркли, занялся изучением китайского. Я освоил письменность, определённую лексику, затем уехал в Азию и начал изучать дзен-буддизм. К тому времени мой интерес всецело сосредоточился на буддизме, а конкретнее, на дзен-буддизме, школе, для которой характерна особая тяга к поэзии. В Японии можно было заниматься с учителем дзен, в то время как Китай был закрыт для иностранцев. Мне удалось уехать в Японию, где я прожил 12 лет.

И как Вас приняли там?

Если ты знаешь язык и нормально воспитан, то можешь ехать хоть куда. Сначала тебя будут воспринимать как немного странного, но потом к тебе привыкнут.

Расскажите подробнее об этих 12 годах, что Вы провели в Японии. Вы жили в монастыре?

Часть времени я проводил в монастыре, часть в местечке неподалёку от него. Мне приходилось ходить в библиотеку (в монастыре её не было, как не было и просто словарей). Я снял комнату в 10 минутах ходьбы от монастыря. Чтобы оплачивать аренду, мне пришлось заняться репетиторством: я преподавал английский. Бóльшую часть времени я проводил в мире буддизма, но также мне приходилось общаться с японской интеллигенцией, выходцами из Европы и Америки, так называемой богемной субкультурой западной части Японии…Таким образом, мне удалось выучить различные японские диалекты, начиная от диалекта дзен-буддистов, самого вежливого диалекта образованных слоёв населения страны, до диалекта южной части Киото, известной своими азартными играми, увеселительными заведениями и проституцией. Знали бы Вы, какая у них богатая лексика (смеётся).

Когда Вы вернулись в США?

На время я приезжал из Японии в США в 1968 с женой и своим сыном-первенцем. Поскольку мы плыли на корабле, у меня была возможность переправить сюда мои книги. Окончательно я переехал в Соединённые Штаты два года спустя, в 1970-м году, и построил здесь дом.

Как так случилось, что Вы построили дом у подножия горы рядом с Невада-сити?

Всё просто. Дику Бейкеру из Сан-Францисского дзен-буддистского центра поручили найти участок земли для постройки филиала этого центра. Он остановил свой выбор на земле, где сейчас расположен мой дом, и участке Тассаяра, который в итоге и выбрал Судзуки Роси. Отчасти он выбрал его из-за того, что на нём есть горячий источник… Дик предложил мне и Аллену Гинзбергу приобрести оставшуюся землю, поскольку для тех времён она стоила недорого, а место было хорошим. Мы приехали взглянуть на участок. Для меня эта часть Калифорнии была незнакома. Однако, когда я вышел из машины и

осмотрелся, я увидел нечто знакомое: орегонскую сосну, калифорнийский кедр, чёрный дуб, нескольку видов кустарника манзанита. Всё это очень напоминало южную часть штата Орегон. В этом месте похожий климат: одинаковые температурный максимум и минимум, а также количество осадков. «Действительно хорошее место», – подумал я. Узнав, что оно похоже на западную часть США, я решил поселиться здесь.

Дику пришлось уйти из дзен-буддистского центра из-за обвинений в непристойном поведении. Сейчас он живёт в Колорадо. Я до сих пор с ним общаюсь, у него есть ученики в Германии, куда он ездит время от времени… Дик производит неизгладимое впечатление на людей, его сразу запоминают: немного пугающая личность.

Ваше увлечение культурой коренного населения, а также буддизмом подхватила молодёжь 60-70-х. Вы когда-нибудь чувствовали себя новатором-первопроходцем?

Даже не думал, что кто-то проявит к этому интерес. По большей части мне не нравится то, что они делают, но мне импонирует настойчивость, упорность буддистов. Сейчас я общаюсь с одной женщиной, которая увлечена духовной практикой випассана. Возможно, она придёт к дзен-буддизму. Как-то она спросила меня: «Как связаны випассана и дзен-буддизм?» Я ответил: «Випассана – это колледж, дзен – это университет». Ты начинаешь с того, что тебе близко.

Я ещё ничего не сказал о поэзии, а ведь это то, к чему, на мой взгляд, у меня есть талант. Я наблюдал за тем, чем может быть поэзия, причём достаточно долгое время. Отчасти поэзия – это устное слово. Поэзия – это явление с богатой историей, она является предшественницей всей литературы, письменности... Знания в области антропологии и языкознания подтверждают этот факт, они заставили меня полюбить бесписьменную культуру и древние эпохи.

Вы сказали, что «Этот момент в настоящем» станет Вашим последним сборником поэзии. Означает ли это, что Вы больше не собираетесь сочинять стихи?

Не сочинять? Почему нет? Если стихи приходят к тебе, хорошо, нет – ничего страшного. 10 лет я вынашивал идею публикации этого сборника. Конечно, я не перестану сочинять, но не думаю, что у меня выйдет ещё один сборник. В действительности, я работаю над книгой об истории окружающей среды в Китае, над ней я работал ещё в 70-х. Бóльшая часть уже написана. Название «Великая земля» я позаимствовал из произведения Чжуан-цзы, который жил примерно в одно время с

Лао-цзы, ещё одним великим даосским писателем. В произведении Чжуан-цзы сказано: «Великая земля питает, успокаивает, даёт отдых и кормит меня. Если я ценю жизнь, то должен ценить и смерть»…

Китайские коммунисты не упоминают Чжуан-цзы, иногда только говорят о Лао-цзы. Они начали говорить о Конфуции после 40 лет обвинений в его адрес. Что сделало из Китая интересную страну с жизнеспособной культурой, так это постоянное взаимодействие даосских взглядов и учения Конфуция. Обычно в Китае говорят, что пока ты работаешь, ты конфуцианец, а как только выходишь на пенсию, становишься даосом. Последователи даосизма шутят: «Буддисты медитируют, а даосы дремлют».

Перевод с английского Светланы Гречишкиной

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

АШОТ САГРАТЯН

ПЕРЕВОД КАК РЕЗОНАТОР СОЗНАНИЯ

Что ни автор – пружина действия, приводящая в движение механизм замысла. Если в Евангелии от Иоанна сказано, что вначале было Слово, не вступая с ним в спор, можно лишь добавить: Слово воспроизводится ***звуком.*** А он, отразившись от стенки сознания, отдаётся эхом, обретая форму, предпосланную произведению энергией чувств.

Возвращаясь к апробированной нами системе прочтения любого произведения на вдохе-выдохе, нетрудно убедиться, что семейное чтение вслух, к великому сожалению уходящее из обихода, развивает не только дыхательный аппарат, но и организует мир чувствований.

Отследить прохождение смысла через акустику образа – одна из первейших задач переводчика. Фонемный фон – суть матрица восприятия. Подмечено, что воображение более всего развито у детей, которым на ночь читают сказки. В чём секрет «Сказок тысяча и одной ночи»? В ожидании чуда, продолжения его. Энергия прекрасного возносит, придаёт небывалых сил для свершения воображаемого. Сверхзадача переводчика в том, чтобы обеспечить в языке перевода тот же резонансный эффект, ***подав чудо в том же объёме***. Звук, первичность которого трудно оспорить, хранит в себе амплитуду уже упомянутого вдоха-выдоха на картинку мира, рисуемого каждым в уме. Всякий подход, каким бы он ни был, достоин внимания, а то и уважения, хотя сам по себе он не больше, чем попытка взглянуть на предмет под другим углом зрения, нам ещё не знакомым. В том и уникальность каждого перевода, ибо он по природе своей – персональный сеанс резонанса с читателем и слушателем.

По высоте звука, по тембру подачи каждый подход даже одного и того же переводчика к произведению будет неповторимо хорош, потому что будет раздвигать границы возможного. И это необозримое пространство будет бесконечно засасывать новых рекрутов от перевода, плодя разность взглядов, шлифующих смысл. Искомое, будируя воображение, будет вести нас по лабиринту подходов, подводя, в конечном счёте, к единственному на данный момент художественному решению поставленной задачи. И уже от степени восприятия каждого зависит тот или иной вариант решения. Схематически сравнимо это с игрой на вар-

гане. «Сарганить» способен лишь тот, у кого «купол» нёба работает как резонатор. Возможно, по этой самой причине в переводчики выходят люди особого склада души и ума. Те. у кого, по Марине Цветаевой, есть «наклон слуха». И не нами это придумано. В любом храме тем же подходом руководствуются, вделывая в купол его кувшины- «голосники». А не сродни ли тем голосникам душа переводчика?..

8 декабря 2012 г.

НИКОЛАЙ ВОРОПАЕВ

УСТНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК В СРЕДЕ РАБОЧЕГО ЯЗЫКА И ЗАКАЗЧИКОВ

(на материале китайского языка)

Как бы это банально ни звучало, но устный переводчик фрилансер (последовательный и синхронный) всегда должен задумываться о том, что для его существования как профессионала, в конечном итоге, необходимы регулярные совпадения определённых условий, а именно возникновение конкретных платёжеспособных субъектов, которые нуждаются в его услугах. Ведь если разобраться, то только при наличии заинтересованной китайской или российской стороны он будет приглашён. Как я уже писал в статье [1], в разных регионах России дела с наличием таких совпадений обстоят по-разному, на это влияет географический фактор, но больше экономическая ситуация.

Поэтому в настоящее время можно наблюдать большую миграцию владеющих китайским языком в регионы сосредоточения этих совпадений. Таким образом, в таких регионах возникает ситуация большой конкуренции среди устных переводчиков. Но, хотя в данных регионах, в первую очередь речь идёт о Москве и Санкт-Петербурге, и существует достаточно насыщенная переводческая жизнь, тем не менее это не означает, что каждый переводчик будет востребован достаточно часто и равномерно. Причин здесь много. Перечислим основные.

В первую очередь, это перенасыщение рынка действующими переводчиками. Далее, наличие у китайской стороны своих переводчиков (ведь зачастую переводчиков с российской стороны приглашают только те заказчики, которые обязаны или склонны соблюдать протокол, это министерства, ведомства и крупные корпорации). Некоторые крупные компании, как правило, стараются использовать своих штатных переводчиков. Учитывая то, что большинство заказов на перевод контролируется профессиональными бюро переводов, с которыми заключают до-

говоры и сотрудничают большинство крупных заказчиков, то здесь также играет роль субъективное отношение бюро переводов к тому или иному переводчику: давно ли данный переводчик сотрудничает с данным бюро, приемлемы ли для бюро ставки переводчика, отзывы заказчиков об уровне переводчика и т.п.

Более-менее востребованным можно считать синхронный перевод, но и здесь много нюансов. Обычно и бюро переводов, и ведомства приглашают уже знакомых или опытных переводчиков по рекомендациям, но не всегда удаётся договориться о приемлемых ставках из-за ограниченности бюджета. Синхронный перевод является самым сложным и с языковой, и с чисто технической точек зрения видом перевода и используется на очень важных мероприятиях.

Также необходимо учитывать, что устный переводчик некоторыми субъектами-организаторами рынка относится к вспомогательному или техническому персоналу сферы услуг, они воспринимают переводчиков своего рода сервис-координаторами коммуникации. Происходит это из-за того, что они часто сами не являются переводчиками и не понимают специфику и разного рода трудности передачи смыслов средствами разных языков. Под такими субъектами рынка я имею в виду далёких от мира языков и перевода менеджеров переводческих компаний (посредников между переводчиком и заказчиком).

Но существует также немало представителей разных языков и культур, которые поддерживают не только деловые, но и тесные личные взаимоотношения, скреплённые взаимным доверием и дружбой. Для них общение через некомпетентного переводчика является пыткой. Ведь простое человеческое общение не ограничивается определённой тематикой. И порой некоторые заказчики меняют 5-6 устных последовательных переводчиков, пока не найдут того, кто соответствует их требованиям. Конечно, для них было бы великим благом, если бы они смогли общаться без переводчика. Но, понимая, что язык выучить достаточно сложно и нет времени, они принимают услуги компетентного переводчика, и ценят его, и оценивают его труд намного дороже, чем просто сервис-координатора коммуникации.

По-иному дело может обстоять с представителями министерств, ведомств и корпораций, где мероприятия и контакты с использованием переводчиков происходят, может быть, и регулярно, но не отличаются особой длительностью и глубиной и часто проводятся лишь для протокола. Здесь не все успевают проникнуться пониманием специфики работы переводчика и оценить его важную роль. И для многих переводчик остаётся лишь сервис-координатором.

Часто при выполнении последовательного перевода переводчик становится своего рода активным и важным координатором коммуни-

кации. Практика показывает, что переводчику недопустимо позволять выступающим наговаривать слишком большие блоки текста без перевода. Каким бы опытным ни был переводчик и как бы хорошо он ни владел методом переводческих записей, при переводе он при полной передаче смысловой части может забыть передать некоторые важные эмоциональные и акцентуальные нюансы. К тому же тем, кто не владеет языком выступающего, очень некомфортно слушать так долго речь на чужом языке и потом слушать столько же перевод. Общение должно быть динамичным, живым и интерактивным. Поэтому я считаю, что переводчик имеет полное право инициативно регулировать своё взаимодействие с выступающим и переводить комфортными для всех фрагментами. Как правило, опытные выступающие делят свою речь/выступление на удобные и комфортные отрезки. Но переводчик даже обязан начать переводить, если вдруг ощущает, что какой-либо блок речи выступающего затягивается. Ведь иногда выступающий может просто забыть о том, что его сообщение сопровождается переводом. И если переводчик своевременно не проявит инициативу, то может произойти очень неудобная ситуация (например, сказано слишком много, а гостям уже надо на самолёт или на другую важную встречу), в которой могут обвинить переводчика же, его могут спросить: «Что же вы не переводили!?»

Если перенестись в зал с кабинками для синхронного перевода, то здесь происходят и такие ситуации. Часто заказчики просят переводчиков прибыть на площадку за 3-4 часа до начала мероприятия для проверки оборудования. Хотя на самом деле за эту проверку отвечают совершенно другие люди – инженеры-поставщики оборудования для синхронного перевода, которые могут самостоятельно его проверить. Это не позволяет переводчику полноценно отдохнуть, особенно во время командировок в отдалённые регионы или страны. Разумеется, переводчики также обязаны проверить готовность оборудования к работе, но они вполне могут это сделать за один час до начала мероприятия. Иногда бывают форс-мажорные ситуации, когда техники рапортуют о готовности и исправности оборудования, а переводчик не имеет возможности сам проверить это, и, когда дело доходит до единственного спикера, говорящего на китайском языке, при полном англоязычном окружении, кнопка вдруг никак не включает микрофон, и приходится выбегать на сцену для последовательного перевода.

Ещё случай из практики. В Центре международной торговли в Москве кабины для синхронного перевода находятся высоко над залом, и до них надо добираться по лестницам и длинным коридорам. На одном из заседаний после перерыва человек из команды заказчика вдруг обнаружил, что многие иностранцы зашли в зал без наушников. Мгно-

венно он дал команду срочно вызвать переводчиков из кабин в зал для последовательного перевода (ведь гости без наушников!). И вот переводчики, запыхавшись, не понимая в чём дело, спустились в зал и выстроились перед уже организованным микрофоном в проходе перед сценой. Переводчиков было много (английский, китайский, арабский и португальский языки). Вот-вот должен начать говорить спикер из Китая. В команде заказчика споры: более здравомыслящие из них сказали, что переводчиков надо вернуть на место в кабины, а наушники быстро раздать всем силами волонтёров конференции. Здравый смысл победил, и переводчики в спешном порядке вернулись в кабины. Не все переводчики были молодыми атлетами, а скорее даже наоборот. Поэтому восстановить дыхание переводчикам удалось только к половине спича китайского представителя. Этот случай, на наш взгляд, очень показателен в плане того, как же всё-таки относятся пока к переводчикам в России и насколько глубоко понимают специфику их работы.

Следует также заметить, что оборудование для синхронного перевода речи в некоторых государственных ведомствах старое и уже не вполне исправное и чисто технические неполадки иногда влияют на качество перевода, создают переводчику большие неудобства.

Часто переводчику усложняют его и без того непростую работу. И не всегда удаётся своевременно защитить своё право на комфортное и качественное выполнение своей работы.

Приведу пример из личной практики. На статусной шестисторонней встрече одной из государственных корпораций изначально был заявлен устный последовательный перевод. Спустившись утром в зал, обнаруживаю, что для меня места за столом нет. Мне предлагают сесть на стульчик позади главы китайской делегации, кроме которого от китайской стороны присутствуют ещё три делегата. Все остальные участники из пяти стран бывшего СССР и владеют русским языком. Получилось, что переводить надо только для китайцев, и заказчик в целях экономии времени решил, что я буду делать что-то вроде шушутажа (вот компьютер подчеркнул это слово красной волнистой линией и предложил вариант «шушукала», и это слово очень подходит для того, чем меня хотели заставить заниматься), но без оборудования (то есть я без шептала [микрофон с наушниками], а китайцы без наушников). Я сразу же отказался от этой затеи и настоял на том, что буду делать последовательный перевод в микрофон на весь зал. Я попросил выделить мне место за столом рядом с китайской делегацией для того, чтобы иметь возможность делать переводческие записи. Мне удалось объяснить, что я не смогу одновременно слушать непрерывный поток речи спикеров на трибуне без наушников и наговаривать перевод на ухо главе делегации. Также я объяснил, что сидящие не очень близко друг к другу члены китайской

делегации не смогут все в равной степени слышать мой перевод. В результате они не смогут получить информацию, ради которой приехали на данное мероприятие. Представители заказчика оказались людьми понимающими и, вняв моим доводам, разрешили переводить последовательно.

Однако такая ситуация длилась недолго. Через час после выступления большого руководителя от российской стороны и нескольких приветственных речей объявили кофе-брейк. Основная часть заседания на 4 часа должна была пройти после этого перерыва. Здесь представители заказчика снова стали уговаривать меня сесть на стульчик и нашёптывать китайцам, они опасались, что из-за последовательного перевода для китайцев мероприятие не удастся закончить вовремя, и это повлияет на культурную программу и на начало банкета. Мне снова пришлось объяснять, что я перевожу достаточно быстро и что иначе китайские делегаты просто напрасно проведут здесь время. Опять смог их убедить. В результате мероприятие удалось завершить на полчаса раньше запланированного времени. Все выступали без ограничений по времени. Китайская сторона была очень довольна, что получила много информации о ситуации в отрасли по целым пяти странам бывшего СССР громко и чётко. Китайцы потом очень благодарили российского организатора за прекрасную встречу.

Таким образом, иногда переводчику, как наиболее понимающему все процессы и нюансы своей профессии, необходимо настаивать на том или ином режиме перевода, наиболее подходящем для достижения поставленной заказчиком цели.

Разумеется, как я уже отметил выше, переводчик чаще воспринимается как технический вспомогательный сервисный персонал, часто направляется на заказ от какого-либо бюро переводов и не всегда имеет смелость перечить заказчику и проявлять какую-либо инициативу. У меня, к счастью, в данном случае было формальное документальное обоснование: изначально в заказе был заявлен последовательный перевод. Но б*о*льшую роль, конечно же, сыграли мои ясные доводы и спокойные объяснения, а также адекватность и хорошее отношение представителей заказчика.

Выше я привёл примеры того, каково приходится иногда переводчику в среде своих заказчиков. Но, конечно же, наиболее важным является то, как переводчик чувствует себя в среде своего рабочего языка.

Относительно этого вновь начну с банальной идеи о том, что самым главным условием успешной работы переводчиком является хорошее или отличное знание рабочего языка, достаточный опыт работы с языком. К сожалению, об этом некоторые начинающие переводчики ча-

сто забывают после получения каких-либо дипломов или сертификатов в России или Китае.

Учитывая тот ажиотаж, который формируется в связи со стремительным развитием этой страны на рынке переводов китайского языка, многие из изучающих китайский язык, подумывают о том, чтобы пойти работать переводчиком. Однако следует осознавать, что в этой сфере деятельности, как и в любой другой, много подводных камней. Попробуем их рассмотреть сквозь бурлящие потоки Хуанхэ. Здесь снова не получится обойтись без привлечения экстралингвистических факторов. Такова уж профессия переводчика: часто на первый план выходит уже не сам факт отличного владения языком, а именно то, как сделать так, чтобы ваше владение языком не было нивелировано техногенными и антропогенными нарушениями процесса перевода.

Полагаю, уместно разделить работу переводчика на два больших аспекта. Первый аспект – это восприятие переводчиком потока китайской речи и её перевод на русский язык. Если на начальном этапе овладения китайским языком многие полагают, что самым сложным в изучении этого языка являются китайские иероглифы и тоны китайского языка, то на этапе беглого владения китайским языком любой китаист приходит к мысли, что самым сложным является полное понимание сказанного на слух и создание стилистически правильного и понятного носителям языка потока китайской речи. Об этом я писал в статье [2].

Главные лингвистические трудности здесь связаны с проблемой двух форм существования китайского слова и вообще с закономерностями формирования лексических единиц в потоке китайской речи. Но на этом я остановлюсь подробнее при рассмотрении второго большого аспекта работы переводчика.

Экстралингвистические трудности для устного переводчика связаны со следующими факторами. Часто спикеры спешат зачитывать свой текст, напечатанный на бумаге. Как правило, китайские чиновники всегда имеют заранее написанный и согласованный с компетентными органами текст выступления. Часто они его просто зачитывают, и выполнять синхронный перевод такого потока китайской речи весьма затруднительно. Выходом из этой ситуации является знакомство с данным текстом хотя бы за 15 минут до выступления, но чем раньше, тем лучше.

Также в китайской культуре очень сильны традиции чинопочитания и жёсткой субординации. И если по программе выступают несколько делегатов, то после выступления руководителя многие члены делегации считают невежливым говорить дольше главы делегации и комкают свои выступления. Для переводчика это также становится серьёзным вызовом.

Приведу пример из личной практики. Один из многочисленных китайских автопроизводителей решил провести презентацию своего бренда в Москве. Он нанял пару синхронных переводчиков на два дня. В первый день проводилась репетиция презентации. Кроме нас, синхронистов, была приглашена ведущая мероприятия – русская девушка модельной внешности со знанием китайского языка. Объявления и представления выступающих делала она со сцены. А собственно выступления переводились синхронно нами. Ключевыми выступлениями были приветственная речь советницы посольства КНР в Российской Федерации и доклад представителя компании о достижениях их автомобильного бренда, то есть, по сути, ядро презентации.

В день репетиции мне предоставили текст доклада на пяти листах. Я его сразу же перевёл письменно и подготовил для синхронного перевода с листа. Позже на площадку прибыл и сам спикер. Мне удалось с ним пообщаться и объяснить, что поток китайской речи минимум в три раза короче соответствующего русского. Поэтому я попросил его по возможности читать выразительно и не торопиться. Затем даже провели с ним репетицию и прочитали текст пять раз. Спикер читал внятно, и мне удавалось произносить русский текст с более-менее естественной и комфортной скоростью. В то же время репетиция, в основном, была посвящена выходам ведущей, зажигательным танцам под оглушительную музыку и т.п. Уже поздно вечером на площадке появился китаец-редактор, который русский язык знает очень хорошо, и принялся редактировать мой перевод. В результате мой перевод мы совместили с переводом, пришедшим из бюро переводов. Так в творческих муках был создан совершенный перевод ключевого китайского доклада на русский язык.

На следующий день после небольшой приветственной речи представительницы посольства наш спикер, видимо, не желая звучать дольше и мощнее советницы, с космической скоростью зачитал свой доклад (текст ему высвечивался на специальном мониторе-суфлёре). Мне пришлось с невероятной скоростью бубнить русский перевод и, чтобы хоть как-то замедлить темп перевода и произносить некоторые важнейшие фрагменты внятно, опускать некоторые элементы текста.

Надеюсь, что советница посольства заметила такой пиетет и окажет этому бренду достойную поддержку в России. Но вот журналисты, гости и просто участники презентации, к сожалению, вынуждены были слушать поток русской речи в не очень комфортном звучании и едва ли восприняли информацию так, как хотелось бы заказчику.

И подобные случаи происходят постоянно. Сложность здесь заключается ещё и в том, что китайские госслужащие в данное время очень ограничены в своих зарубежных командировках. Некоторые из

них выступают публично или сидят и слушают выступления через наушники на международном мероприятии в первый и последний раз в своей жизни. Поэтому сложно от них требовать умения выступать под синхронный или последовательный перевод, вовремя включать наушники, правильные каналы, регулировать громкость или вникать в лингвистические проблемы. Поэтому переводчикам с китайского всегда приходится быть начеку чуточку больше, чем, например, переводчикам с английского.

Однако наши российские спикеры тоже иногда показывают совершенное непонимание того, как следует выступать под синхронный или последовательный перевод. Они или слишком спешат, или не делают пауз, или забывают говорить в микрофон.

Здесь встаёт вопрос о том, всем ли допустимо выступать под синхронный перевод. Видимо, настало время вводить соответствующий аспект обучения для чиновников и руководителей, если их ведомства заинтересованы в адекватной подаче информации иностранцам их представителями.

Что касается последовательного перевода, то иногда спешка или высокая скорость коммуникации обусловлена объективными и уважительными причинами (очень ограниченное время встречи, формальная обзорная презентация компании, которая есть и в открытом доступе на сайте, формальные шаблонные блоки на заседаниях советов директоров совместных предприятий и т. п.). И здесь переводчик обязан содействовать заказчику и осуществлять перевод максимально быстро, используя все свои наработки и большой опыт.

Второй большой аспект работы устного переводчика заключается в том, как гости заказчика, то есть иностранцы, в нашем случае китайцы, воспринимают наш перевод на их родной язык. Здесь, конечно же, встаёт вопрос о качестве перевода, уровне владения языком переводчиками. Это важно и для переводчика: ему хочется, чтобы его снова приглашали на подобные мероприятия. Это важно и для заказчика: гости довольны, всё понимают и получили необходимую информацию и знания, а следовательно, оценят отношение и заботу. Это важно для иностранцев: они видят, что приглашены хорошие переводчики, а это означает, что принимающая сторона заботится о них и заинтересована в дальнейшем взаимодействии.

Получается, что приглашение хорошего опытного переводчика – это прекрасная имиджевая, и не только, инвестиция заказчика.

Но, к сожалению, не все заказчики понимают специфику работы устного переводчика и не понимают, почему ставки разных переводчиков отличаются в разы. Приходится объяснять, что опытный и начинающий переводчик различаются по всем аспектам так же, как, например,

врач или адвокат со стажем и врач или адвокат начинающий, слесари, сварщики, повара и прочие специалисты разных разрядов.

Некоторые заказчики также не понимают, что опытный и квалифицированный переводчик способен качественно переводить фактически по любой тематике, а если ему ещё и предоставят материалы для подготовки, то тем более, чего не скажешь о начинающем переводчике (о проблемах становления устного переводчика я писал в статье [1]).

Некоторых заказчиков особенно волнует вопрос о владении переводчиком их тематикой. И иногда приходится отвечать, например, на такие вопросы: «А вы разбираетесь в газовых горелках?»

Здесь налицо проблема глубокого непонимания вопросов языка, владения языком. Ведь очень трудно объяснить человеку, далёкому от изучения языков, что если кто-либо профессионально владеет иностранным языком, то выучить ещё несколько новых слов на нём и вникнуть в какие-то детали отдельной отрасли или технологии не представляет большого труда. Ведь мы и на родном языке сейчас часто слышим и выучиваем новые слова, термины, узнаём о новых технологиях. Разумеется, здесь я имею в виду иностранный язык, выученный как основной на классическом факультете иностранных языков и активно использующийся в течение достаточно длительного времени. К тому же работать переводчика приглашают на какое-то мероприятие, ограниченное по времени и количеству обсуждаемых проблем, и переводчик не является основным субъектом, отвечающим за дальнейшее существование и развитие газовых горелок, каких-либо проектов, технологий и т. п. Ни один устный переводчик не может посвятить свою жизнь какой-то одной отрасли. Он может посвятить свою жизнь только профессиональному изучению одного или нескольких иностранных языков. И здесь переводчик находится в постоянном поиске и анализе своих слабых мест.

Если говорить о китайском языке, то здесь важнейшими аспектами, которым, исходя из своего личного опыта, необходимо уделять особое внимание, являются следующие:

1. Необходимо постоянно развивать навыки формирования фрагментов китайской речи в полном соответствии с нормами китайского языка и стилистики. Это означает хорошее знание всех основных значений всех часто употребляемых морфем (односложных слов, письменно выраженных иероглифами), устойчивых двусложных слов и словосочетаний, а также правил их сочетания и использования в потоке речи, например: 国 (国家) ‘страна’, 家 (家庭) ‘семья’, 德育 ‘нравственное воспитание’, 石化产业 ‘нефтехимическая промышленность’, 炼化企业 ‘нефтеперерабатывающее предприятие’, 减人 ‘сокращать персонал’，将

本 ‘снижать себестоимость’， 增效 ‘повышать эффективность’, 肉类 ‘мясо (как объект торговли)’，禽类 ‘мясо птицы (термин в сельском хозяйстве)’, 运维 ‘эксплуатация и техническое обслуживание’, 试点 ‘1) провести эксперимент на отдельных участках 2) экспериментальный участок 3) пилотный проект’ и т.п.

2. Необходимо знать широко известные сокращения, например: 美联储 ‘Федеральная резервная система США’, 医保 ‘медицинская страховка; медицинское страхование’, 俄标 ‘ГОСТ РФ’ и т. п.

3. Расширять арсенал широко известных имён собственных, особенно названий компаний, например: 中粮 COFCO (китайская национальная корпорация по производству зерновых, масел и пищевых продуктов), 康佳 KONKA (фирма-производитель электроники), 创维 Skyworth (китайский производитель электронной техники), 中兴 ZTE (китайская телекоммуникационная компания).

4. Знать самые употребительные пословицы, устойчивые выражения, фразеологизмы, например: 远亲不如近邻 ‘близкий сосед лучше дальней родни’, 百闻不如一见 ‘лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать’, 大船必能远航 ‘большому кораблю – большое плавание’.

5. Знать популярную терминологию, например: 区块链 ‘блокчейн’, 人工智能 ‘искусственный интеллект’, 外骨骼机器人 ‘экзоскелет’, 初创公司 ‘стартап’, 企业孵化器 ‘бизнес-инкубатор’, 无人机 ‘беспилотник’, 科技园 ‘технопарк’, 物联网 ‘интернет вещей’ и т. п.

Также в связи с китайским языком часто упоминается проблема так называемых диалектов. Часто заказчики меня спрашивают, владею ли я кантонским диалектом. Я отвечаю, что не владею, и всегда стараюсь объяснить им бессмысленность этого вопроса. Думаю, учитывая степень отличия звучащей речи на диалектах от речи на стандартном языке, некоторые китайские диалекты правильнее называть региональными языками. Даже сам китайский термин «диалекты» (方言), если его правильно перевести на русский язык, означает «местные наречия». Так вот, необходимо заметить, что эта страна давно позаботилась о едином языке нации на международной арене, и проблема эта актуальна, в основном, только внутри Китая. Она заключается в том, что китайцы из одних регионов не понимают, что говорят китайцы между собой на своём местном языке (диалекте) в других регионах. Но обязательно ли им это понимать?! Ведь если приезжий китаец обратится к местным соотечественникам какого-либо диалектного региона на стандартном языке путунхуа с какой-либо просьбой и проблемой, то ему обязательно помогут и его поймут, потому что уже минимум 70 лет (с 1949 года) этот язык распространяют и преподают по приказу правительства по всей

стране. Ещё в древности эта проблема была обозначена. Губернаторы южных провинций на приёме у императора говорили на своих языках, и он их не понимал, использовали переводчиков. На протяжении веков предпринимались разные меры по стандартизации китайского языка. А само активное государственное строительство единого общенационального языка (сначала он обозначался термином *гоюй 国语*, позже *путунхуа 普通话*) в Китае началось более 100 лет назад (в 1907 году). Сейчас все госслужащие сдают экзамен по путунхуа. Подавляющее большинство китайцев, ходивших в школу и младше 70 лет, понимают общенациональный язык путунхуа и говорят на нём.

Об этом подробнее в моей статье [3] и энциклопедии [4]. На международном же уровне этой проблемы нет. Вероятность того, что глава или член китайской делегации за пределами Китая на официальной встрече с иностранцами заговорит на своём родном региональном языке (диалекте), очень невелика. За всё время работы с китайским языком (а это уже 22 года) мне известно лишь об одном таком случае. Заказчик пригласил меня и коллегу, которая является носителем китайского языка. Было два небольших мероприятия: презентация и переговоры, которые проходили друг за другом, и, по идее, хватило бы и одного переводчика, то есть меня. Презентацию попросили переводить меня. А на переговоры пригласили коллегу. Оказывается, глава делегации говорил на диалекте, заказчик был предупреждён (но наверняка в китайском вежливом стиле, то есть не было сказано, что его не понимают даже китайцы), но посчитал, что носитель языка (всё-таки китаянка) всё равно как-то справится. В результате китайский глава делегации произнёс без пауз (что его тоже характеризует: он впервые за рубежом и не имеет опыта говорить под перевод, говорит на своём домашнем региональном языке) вступительную речь на пять минут. Моя коллега не поняла ни слова (перебить и остановить она не могла по правилам этикета). Тогда один из членов китайской делегации быстро пересказал общий смысл речи на путунхуа, а она уже перевела на русский. И всё прошло благополучно. Хотя глава делегации выразил недоумение, он полагал, что говорит достаточно понятно.

Как видим, здесь сами китайцы предупредили, что будет носитель диалекта. И из-за его статуса главы делегации его не могли оставить без речи. Эта проблема связана только с китайцами старшего поколения, и такие случаи – большая редкость. Хотя необходимо всё же помнить, что китайцы, выходцы из некоторых регионов Китая, неспособны артикулировать правильно и чётко некоторые звуки стандартного китайского языка. Это поначалу иногда может сбить с толку, но касается ограниченного числа звуков, и, вовремя сориентировавшись по контексту, всё

можно понять. Здесь опять же необходим некоторый опыт восприятия речи таких людей.

Как я уже отметил выше, иногда заказчики меня спрашивают, владею ли я кантонским диалектом. Здесь существует проблема незнания большинством россиян языковой ситуации в Китае. На самом же деле эта ситуация полностью совпадает с российской. Ведь, например, кто-либо, проживающий в России и владеющий только русским языком, как правило, не считает проблемой то, что он не понимает того, о чём говорят между собой посторонние люди на каком-либо языке народов РФ. Подавляющее большинство жителей РФ владеет единым языком страны – русским. И при необходимости всегда смогут осуществить языковую коммуникацию, какой бы национальности они ни были. Так же и в Китае, все социализированные жители КНР обучены и владеют общепонятным китайским языком. Да, кантонский диалект, или правильнее сказать региональный язык *юэ* (粤语), охватывает большой высокоразвитый экономически регион и крупные города Китая (Шэньчжэнь, Гонконг, Гуанчжоу), и, возможно, действительно какой-то важный бизнесмен в преклонном возрасте не может говорить на стандартном языке путунхуа. Но выход опять же в двойном переводе: язык *юэ* (кантонский диалект) ↔ путунхуа ↔ русский. Найти переводчика, носителя русского языка, со знанием какого-либо китайского регионального языка (диалекта) или китайца, выходца из данного региона, владеющего русским языком, в России весьма затруднительно. Точно так же, как и найти переводчика, владеющего каким-либо языком народов РФ в Китае.

У меня был случай, когда к заказчику приехали довольно молодые партнёры из Южного Китая. Международное общение при моём посредничестве шло прекрасно, китайцы говорили на отличном путунхуа. Но вот мы поехали все вместе на машине, и я оказался между китайцами. Они стали что-то бурно обсуждать на своём домашнем региональном языке (диалекте). Заказчик, сидевший за рулём, попросил меня сообщить о чём речь. Мне оставалось только констатировать, что я ничего не понимаю. Здесь стоит отметить, что владение региональным языком иногда является для китайцев очень удобным навыком – можно обсудить какие-то бизнес-нюансы, в присутствии заинтересованных лиц, но, с другой стороны, переводческий этикет, да и этикет вообще, относится к этому отрицательно. Позже общение продолжилось на великолепной базе отдыха, и стороны договорились о дальнейшем взаимовыгодном сотрудничестве. Так что вопрос с диалектами на международном уровне общения с китайцами в настоящее время не является камнем преткновения.

Таким образом, необходимо помнить, что восприятие и полное понимание китайской речи на слух, произнесённой даже в режиме нормативного общенационального литературного языка, всегда является сложной задачей из-за специфики фонетической системы китайского языка, его высокой скорости и особенностей формирования лексических единиц в потоке речи, поэтому следует постоянно развивать навыки аудирования и пополнять лексический запас.

Литература:

1. Воропаев Н. Н. О проблемах становления устного переводчика с китайского языка // Китайский язык: лингвистические и методические аспекты: материалы международной научной конференции / Забайкальский государственный университет; ответственный редактор В. Н. Соловьёва. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 146 с. С. 130-135. Доступна на сайте www.vokitai.ru в разделе «Статьи» под номером 48.
2. Воропаев Н. Н. Компетенции переводчика в современных условиях (на материале китайского языка) // Научно-художественный журнал «Переводчик» (Печатный орган Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России). Выпуск 14 / главный редактор О. В. Стельмак. – Чита: Издательство Забайкальского государственного университета, 2014. – 266 с. С. 180-198. Доступна на сайте www.vokitai.ru в разделе «Статьи» под номером 40.
3. Воропаев Н. Н. О китайском языке и китайской культуре в России и странах СНГ // Восточные языки в современном мире: актуальные проблемы и тенденции развития: материалы международной научно-практической конференции (Алма-Ата, 10 апреля 2015 г.) – Алматы: Казахский национальный педагогический университет имени Абая, 2015, – 282 с. С. 12-19. Доступна на сайте www.vokitai.ru в разделе «Статьи» под номером 44.
4. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006, [Т. 3:] Литература. Язык и письменность / Раздел китайский язык [Текст] / О. И. Завьялова / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2008. – 855 с.: ил.

АННА БУЛДЫГЕРОВА

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА

Современный мир динамично развивается. Компетентность специалистов, обеспечивающих функционирование той или иной сферы общественного взаимодействия, является решающим фактором их профессиональной востребованности.

Сегодня одним из важных и значимых аспектов разработки профессиональных стандартов и учебных программ является моделирование учебного процесса таким образом, чтобы целенаправленно и поэтапно обеспечить формирование наиболее актуальных в профессиональной деятельности навыков и умений и систематизацию необходимых в процессе профессиональной реализации знаний.

Многообразие профессий не имеет пределов, интереснейшая из всех – профессия переводчика – существует века, и сегодня, в век современных глобальных контактов, играет огромное значение. Профессиональные компетенции переводчика охватывают многие умения и навыки, связанные как с владением иностранным языком, так и со знаниями, включенными в общекультурные и универсальные компетенции.

Так как для автора наиболее интересной представляется реализация переводческих умений применительно к китайскому языку, специфика которого не вызывает никаких сомнений, поэтому для описания была избрана нестандартная для носителей других языков форма конкретизации актуальных звеньев профессиональной компетенции переводчика со знанием китайского языка. В китайской языковой реальности, особенно в медиапространстве, существует очень много сокращений, в лаконичной форме концентрирующих глубокие и подчас объёмные мысли. Пользуясь данной моделью сокращения, присвоим профессий переводчика статус 五掌 wuzhang (досл. «пять владеть»). Семантика глагольной морфемы «владеть» подразумевает компетентное знание и освоенные умения, в числе которых для профессиональной деятельности переводчика будут выступать, на наш взгляд, такие важные умения и навыки, как *владение иностранным языком*, *владение словом*, *владение собой*, *владение контекстом* и *владение информацией*.

Во-первых, главной составляющей профессиональной компетенции переводчика является языковая компетентность – владение иностранным языком и филологическая грамотность. Стоит отметить, что и родной язык оказывается не менее сложным, чем иностранный. Необходимость зафиксировать на письме транслируемое оригиналом

содержание, требует знания орфографии, пунктуации, формо- и словообразования переводящего языка.

Во-вторых, риторическая компетенция – владение мастерством слова, чтобы уметь расшифровать все нюансы смысла исходного текста и максимально точно выразить содержание на переводящем языке, необходимо знать риторические правила сочетаемости слов, уметь строить, компоновать содержательные части высказывания так, чтобы смысл был выражен точно и полно, способствовал реализации коммуникативной стратегии автора оригинального текста.

В-третьих, важно учитывать и непосредственное взаимодействие переводчика с теми, кто оказывается рядом: заказчики и ораторы, коллеги и редакторы, официальные лица и туристы, переводчик всегда окружён людьми. Выполняя роль посредника межъязыкового общения, он всегда должен адекватно оценивать своё положение, контролировать свою речь и поступки, соблюдать этический аспект. Ещё большую значимость приобретает владение собой в стремлении переводчика к саморазвитию, самовоспитанию и самосовершенствованию.

В-четвертых, важно оценивать и понимать контекст. Контекст не только лингвистический, но и ситуационный, культурно-этический, тематический, страноведческий. Участие в межкультурном общении требует знания правил речевого поведения и культурных традиций, особенностей жизненного уклада и исторических реалий, признаков национальной идентичности. Специальные знания в какой-либо конкретной сфере жизнедеятельности человека (в науке, технике, медицине, экономике и т.д.) являются залогом содержательной правильности перевода.

В-пятых, осведомленность в знаниях, владение информацией о текущих событиях, происходящих в мире, в стране, в конкретной отрасли знания, сведениями о научных достижениях и технических инновациях повышают мобильность переводчика, и вместе с тем способствуют повышению репрезентативности перевода. Внедрение современных технологий в процесс перевода, техническая грамотность в использовании необходимого оборудования и программного обеспечения в максимальной степени способствуют оптимизации и интенсификации переводческого процесса. Широкий кругозор и интеллектуальная состоятельность становятся мощной основой переводческого мастерства.

Формируемые в ходе освоения учебных курсов и дисциплин профессиональные компетенции многогранны и универсальны, поскольку должны охватывать практически все необходимые для становления будущего специалиста умения и навыки. Такие компетенции часто соотносимы с принципами, транслируемыми профессиональными кодексами переводчиков. В этой связи достаточно значимым представляется рассмотрение степени соответствия переводческих компетенций

регламенту профессиональной этики, так называемому «профессиональному кодексу».

Существующие негласные правила профессионального поведения принимаются почти всеми членами профессионального сообщества, даже не смотря на то что в некоторых случаях могут нарушаться, игнорироваться, допускать отступления. Нарушение морально-нравственных норм и правил поведения негативно сказывается на дальнейшем взаимодействии, поэтому и в профессиональной сфере очень важно безукоризненно выполнять профессиональные задачи, быть неуязвимым и «правильным». Возможно, профессиональный кодекс может стать той морально-нравственной основой, которая и защитит, и не позволит расслабиться, будет предписывать и мотивировать, дисциплинировать и служить средством социальной защищенности.

Содержательный анализ предлагаемых сегодня профессиональных кодексов переводчика (например, кодекс профессиональной этики, разработанный Ассоциацией переводчиков Украины, Профессиональный кодекс члена СПР, Шанхайский кодекс переводчика и др.) позволил установить, что многообразные требования, предъявляемые к представителю данной профессии, можно разделить на несколько групп, а именно: правила, связанные с текстовой деятельностью (оценка значимости переводимого содержания, переводческие трансформации и соответствия и др.); правила, связанные с деятельностью переводчика (его взаимодействие с третьими лицами: заказчиком, автором, контрагентами, коллегами); правила, регламентирующие процесс перевода; правила личностного самосовершенствования и т.д.

Правила, связанные с текстовой деятельностью, правила, регламентирующие процесс перевода и правила личностного самосовершенствования могут носить рекомендательный характер, так как выполненный перевод, его качество в большей степени зависят от умений и навыков переводчика, его стремления к профессионализму.

Преобладающее количество правил, объективированных в кодексе профессиональной этики, разработанном Ассоциацией переводчиков Украины[1], связаны, главным образом, с регламентом отношения переводчика и заказчика, этот кодекс, словно алгоритм действий, которые выполняет переводчик с момента получения заказа до момента сдачи перевода, также предписывает сопутствующие основной профессиональной задаче переводчика правила поведения, затрагивающие некоторые этические аспекты, например, солидарность, коллегиальность и др. Формулировки часто носят директивный характер, о чем свидетель-

[1] Кодекс профессиональной этики, разработанный Ассоциацией переводчиков Украины – принят в 1999 году для распространения на территории Украины, стран СНГ и др. (Прим. пер.).

ствует употреблении глаголов императивного оттенка (следует, не допускать, не принимать и т.д.) и наличие отрицательных предикативных форм.

Профессиональный кодекс члена СПР[1] аппелирует исключительно к членам СПР, но, безусловно, может быть принят к рассмотрению всеми участниками переводческого сообщества, поскольку Союз переводчиков России может считаться центральным звеном, задающим ориентиры действий переводчика в нашей стране. Этот перечень, главным образом, описывает законные права и ответственность, возложенные на переводчика, в содержании которых видится стремление разработчиков, с одной стороны, узаконить ответственность и обязательства, возложенные на переводчика характером выполняемой им деятельности, с другой стороны, данный кодекс нацелен на то, чтобы в максимальной степени оградить переводчика от неправомерных действий внешних субъектов (заказчиков, контрагентов или иных лиц).

Интересно, что формулировки правил актуализируют субъективную роль переводчика, читая этот кодекс, мы чувствует, что именно он, переводчик, является активным началом, он – наиважнейший субъект деятельности, который не только должен быть ответственным, но и может требовать соблюдения своих законных прав.

Шанхайский кодекс переводчика включает двадцать подробных пунктов, описывающих, главным образом, действия переводчика, личностные качества, профессиональные навыки и тактики поведения. О требованиях и долженствовании не сказано ни слова. В этом, безусловно, проявление китайского менталитета, китайского мировосприятия. Китайцы мыслят конкретно, поэтому создатели кодекса так детально описали каждую особенность поведения (от находчивости до чашечки кофе).

Максимы китайской коммуникации предписывают уделять в общении должное внимание собеседнику, сохранить лицо можно только демонстрируя свой профессионализм и скромность. Китайские стратегии поведения постулируют о том, что скромность проявляется в действиях, а профессионализм – в саморазвитии и самосовершенствовании.

Профессиональные знания и умения являются незримой опорой жизни человека. Знать и уметь означает действовать, идти вперед и самосовершенствоваться. Познание себя и своих возможностей определяют успешность человека в обществе, заинтересованность обществен-

---

[1] Профессиональный кодекс члена СПР – принят на основании международных принципов признания гражданских и профессиональных прав и свобод личности, принципов «Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчика», Хартии переводчиков ФИТ, Конституцией РФ, законодательством РФ, а также уставом СПР. (Прим. пер.).

ности в нем. Переводчики *владеют миром*, это не вызывает сомнения, поскольку именно переводчики соединяют страны и народы, содействуют проведению в жизнь важных международных проектов и программ, способствуют распространению новых идей и знаний.

Литература:

1. Круглый стол по вопросам практического перевода. Самара, 2009. Кодекс переводчика, сравнительный анализ кодексов различных переводческих организаций https://docplayer.ru
2. http://www.uta.org.ua/ru/code
3. http://www.translatorsunion.ru/UTR/documents/code/

ЖЮЛЬ ЛЕГРА (1866 – 1939)

В СИБИРИ

Жюль Эмиль Легра (Jules, Ймile Legras) французский этнолог, окончил Высшую педагогическую школу, германист по образованию, преподавал в лицее и университете Бордо. В 1890 год начинает путешествовать по России и изучает русский язык. В первом своем путешествии из Москвы едет через Урал, исследует жизнь переселенцев в окрестностях Омска и затем в Киргизии. Далее, получив командировку Министерства просвещения Франции для изучения переселенческого дела в Сибири, едет по построенной части Транссибирской магистрали, а затем в тарантасе по тракту. Из Иркутска едет в Кяхту, а затем его путь лежит по Забайкалью. Часть этого путешествия на плоту и отражена в переведенном отрывке. Потом по Амуру проезжает через Благовещенск, Хабаровск. Был во Владивостоке, из которого отплывает в Японию. Далее его путь на родину лежит через Тихий океан и Северную Америку. Участвует в первой мировой войне в качестве переводчика на русском фронте, за что получил много наград. Преподает русский язык в Сорбонне. Автор нескольких книг о России.

***19 августа 1898*. Чита.**

Я очень ошибся, задержавшись в Иркутске, и, задумав во что бы то ни стало нагнать потраченное время, ускорил поездку. Это мне сильно аукнулось.

После тяжкой дороги и освобождения от тарантаса Чита меня очаровала. К тому же нужно добавить, что это редкий сибирский город, я бы сказал, единственный, в котором есть гостиница, достойная Европы своей элегантностью и чистотой. Это – гостиница Бадмаева.

Она была воздвигнута одним бурятским авантюристом Бадмаевым, о котором стоит, хотя и кратко, да сказать несколько слов.

После изучения тибетской медицины ему пришла в голову гениальная идея – приехать в Петербург и заняться врачеванием по-тибетски. С приятной внешностью и огромной самоуверенностью, он быстро выдвинулся в петербургском бомонде. Переходя от одного покровителя к другому, он дошел до Александра III, которому сумел вну-

шить мысль о реальных возможностях влияния на бурят их единоплеменника, преданного дому Романовых.

Он особенно подчеркнул царю его возможные услуги в деле перехода бурят в православие, уверяя также в своей личной поддержке и содействии бурят в случае мобилизации в обеспечении поставок войскам.

Император выдал ему значительную сумму на столь полезное дело и дал разрешение на бесцензурный выпуск журнала «Жизнь на восточных окраинах», ему была предоставлена возможность прямого доступа к государю, таким образом, он стал полностью независим от местных властей, губернатора и генерал-губернатора.

Бадмаев, уверившись в своей силе и влиянии, тратил, не считая; построил прекрасную гостиницу, типографию, образцовую ферму и что-то там ещё, ведя роскошную жизнь на царские субсидии.

Но вместо осторожного обращения с местной администрацией он без всякого опасения ни во что её не ставил, и местные власти начали скрытно подрывать его влияние. И ныне вследствие очень сложных и неясных по сути дел, в которые Бадмаев попытался вмешать Китай, его влияние было подорвано. К счастью для меня, его гостиница существует ещё!

Чита издали смотрится великолепно. Этому городу едва ли полвека, он находится в глубине между покрытыми лесом горами; Чита немного, если смотреть со стороны, напоминает Штутгарт в менее ухоженном варианте или немного похожа на Златоуст в менее обрывистом окружении. Вблизи же она менее привлекательна. Построенная на песке в виде шахматной доски, она так велика и пустынна, что порождает ощущение неуютности. Именно в этот час город мёртв, раздавлен жарой, бесчисленные собаки скучают и зевают на крылечках домов, не имея даже повода облаять прохожих и покусать своих блох, кои, кажется, все перебрались на людей.

К этому печальному запустению совсем недавно добавилась общественная трагедия – наводнение. Пострадало всё Забайкалье: вследствие многодневных дождей верхние притоки Амура – Ингода, Шилка и Аргунь – вышли из берегов и покатились вниз, всё разрушая на своём пути, опустошительная волна пронеслась до обширной реки, где и потеряла всю свою мощь. Не только дорога от Читы до Сретенска сделалась совершенно непроходимой во многих местах, наводнение причинило огромные бедствия и вдоль строящейся железной дороги, поломав мосты, потопив склады в Митрофановке и Сретенске, искорёжило уже положенные рельсы, обвалив дорожные насыпи и в некоторых местах поднявшись до изоляторов-стаканчиков телеграфной линии, к тому же даже здесь, в Чите, оно унесло всю древесину, приготовленную для сплава и отопления зимой, как и все стога сена, поставленные на лугах.

На памяти людей не припоминают подобного здесь, где уже издавна в таких наводнениях знают толк.

Последствия бедствия для области и России неисчислимы: понадобится среди прочих мер защиты поднять полотно железной дороги на сотнях километров, чтобы обезопасить путь от подобных несчастных случаев. Чита в особенности пострадала от наводнения, оставшись без сена. Из-за этого народ вынужден продавать или забивать много лошадей, а из-за недостатка дров тяжело будет пережить наступающую зиму.

20 августа. Прежде чем собирать информацию об области, мне необходимо было осведомиться о том, как мне продолжать мой путь. Передо мной был выбор между сухопутным и водным путями. Дорога на Сретенск разрушена потопом, почта идёт туда с великим трудом, и этот вариант меня мало искушает. С другой стороны, Ингода, впадающая в Шилку, которая, в свою очередь, является притоком Амура, не судоходна до Читы: пакетботы рискуют иногда подыматься за Сретенск при большой воде до Митрофаново. Чтобы плыть вниз по течению, остается выбор между лодкой и плотом. Впрочем, лодку трудно достать в Чите, поскольку её жители строят их только для себя. Напротив, плот как плавательное средство используется чаще, представляя двойную выгоду: первая – средство доставки товаров, вторая – хорошая цена при его продаже на брёвна в Сретенске, где хорошая древесина – редкость. К несчастью, наводнение смыло всё лежавшее на берегах, брёвна стали дороги чрезвычайно, и их перепродажа потеряла всякий смысл в Сретенске, где часть древесины, принесённой потоком, была выловлена жителями. В моем положении не было ничего завидного, и я не знал, на что решиться. В гостинице два или три англичанина и один молодой русский сговорились с одним промышленником. Тот за 150 рублей (400 франков) уступил им на загруженном товарами плоту небольшое место. На нём путешественники заказали сделать настил на бревнах и поставили палатку – укрытие для сна. Завтра они отправятся, а вечером я сходил посмотреть на их сооружение и устройство на плоту.

В великолепных декорациях приближающейся ночи я увидел неожиданный спектакль. На обрывистом, совершенно мокром от ещё вчера стоявшей воды берегу кишела мирная толпа. Всюду появились узлы, тюки, дети и женщины. Горели костры, люди ужинали и пили чай. Они уже два дня терпеливо ожидали отправление плота, на котором они проведут почти в воде ещё четыре-пять дней. Конечно, перспектива уподобиться им и наблюдать совсем близко медленно проплывающие, такие живописные берега Ингоды и Шилки меня чрезвычайно соблазняла, но перспектива схватить приступ ревматизма восхищала в меньшей степени. Мы спускаемся, мой товарищ по гостинице и я, посмот-

реть вблизи этот караван, состоящий из трёх сцепленных между собой плотов. К несчастью, подвела темнота, и я наступаю не на выступающие бревна, а на промежуток между сцепками плотов и проваливаюсь в ледяную воду. Однако мне удаётся ухватиться за бревно, за которое цепляюсь не в силах из-за тяжести намокшей одежды выбраться на плот. Человек двенадцать наблюдает за мной. Ах, уж эти славные сибиряки, как смешно им моё положение! Как они умирают со смеху, видя мои безуспешные попытки! Нет сомнения, какая радость для них – бесплатное зрелище видеть тонущего человека, если он ослабеет и исчезнет под плотом, будет раздавлен сдвинутыми потоком бревнами, или, по меньшей мере, долго пробудет в ледяной ванне! Ох уж эти добряки-сибиряки! Никто не двигается с места протянуть руку, я цепенею в воде до момента, когда мой прекрасный и весёлый спутник, г-н Элгасс, приходит на помощь. Быстро в тарантас! И через три четверти часа я в своём гостиничном номере. Раздевшись, я сильно растираюсь водкой (vodka), в чём мне помогает мой любезный спутник. Кровообращение вошло в норму, и я отправляюсь ужинать. Признаться, это купание несколько охладило мой энтузиазм к плаванию на плоту.

22 августа. Провёл время в визитах к инженерам и чиновникам. Инженеры показали мне возможную трассу Манчьжурской линии и сообщили известное им об ущербе от наводнения. К счастью, оказалось, что один инженер не выполнил точно указание из Петербурга и поднял полотно дороги выше требуемого, что спасло много материалов. Нельзя не подумать с печалью об отваге некоторых петербургских чиновников, принимающих решения о деталях работ, осуществляемых за тысячи километров от столицы. Так и один инженер-инспектор работ на проектируемом канале между Обью и Енисеем утвердил один шлюз на 70 сантиметров уже одиннадцати других. И вот такой же из его коллег утвердил полотно дороги только на один метр выше уровня большого наводнения 1863 года. К счастью, это решение было не исполнено, уровень полотна был поднят ещё на один метр, но и это во многих местах оказалось недостаточным!

Чиновники рассказали мне о предварительных работах по размещению переселенцев в области. Для этого понадобилось изучить усадьбы и хозяйства русских крестьян и бурят, чем было занято 60 сотрудников[1]. К сожалению, собранные сведения во многих местах ошибочны, особенно по бурятам – самому хитрому народу в Сибири. Я даже слы-

[1] Я только что получил великолепный, в 16 томах труд, и, листая эти тома, увидел, что я не ошибался. В нём есть, среди прочего, чрезвычайно захватывающие страницы о жизни и хозяйствовании бурятских крестьян. Впрочем, я ещё к этому вернусь в другом месте. (Прим. пер.)

шал, что эти хитрецы собирали сходки, на которых утверждались ложные цифры и другие сведения в требуемых от них анкетах. Несомненно, несколько месяцев без предварительного превосходного знания исследуемых местностей явно недостаточны для получения безупречных анкет среди коренного населения. Однако я далёк от выражаемого некоторыми недоверия к результатам огромной работы сотрудников. В ней, по меньшей мере, я вижу большое понимание стоящей перед ними задачи. Цифры могут быть во многих случаях неточны, но, по крайней мере, живое понимание задач и рвение тех чиновников, которых я лично знаю, являются залогом чрезвычайно интересного дела, глубокого и истинного в главных чертах и в большей части выводов. Ох, чувствую, что в написанной последней строчке я несколько выступаю pro doma mea[1].

В Чите есть, само собой разумеется, этнографический музей, поскольку они есть везде в Сибири[2], но этот, что случается реже, очень богат и прекрасно распределён по отделам.

Музей находится в ведении А. К. Кузнецова, бывшего политического ссыльного, большого умницы, очень гордящегося своим методом классификации фонда, позволяющего быстро понять развитие области. Сначала идёт отдел природы (минералы, растительность, животный мир) и палеонтология. Затем – человек (местная этнография, история культов, археология); местная промышленность, занятия кустарей. Этот маленький музей мне сильно понравился; в нём богато представлена местная фауна и флора. Очень занимательную коллекцию составляют предметы бурятского культа. В нём заметил я витрину, посвященную произведениям золотодобывающей промышленности, в ней нет моделей машин, которые богато представлены в музее Енисейска, но есть любопытный уголок, посвященный уловкам кражи и фальсификации. Вот, например, великолепный золотой самородок величиной с кулачок ребенка, тяжелёнек, но подделка. Тот, кто его смастерил, обокрал вора: он его продал за 450 рублей (1200 франков) одному попу, забывшему о законе;[3] самородок стоит только цену имитации, но, впрочем, свидетельствует о значительной ловковсти фальсификатора, которому понадобилось 25 грамм золота для позолоты!

Меня сильно заботило моё отплытие, и я снова появился на месте отправки плота. Рядом с ним казаки были заняты отделкой деревянного

---

[1] В своих собственных интересах (*лат.).* (Прим. пер.)

[2] В Кяхте, я мог бы говорить о подобном музее, где видел совершенно полную и прекрасную коллекцию цветных рисунков, представляющих огромное число богов (бурханов) бурятского Олимпа. (Прим. пер.).

[3] У частных лиц запрещена скупка золота, что является привилегией государства. (Прим. пер.)

дворца на плоту, который город строил для поездки генерал-губернатора Амура и побережья, возвращавшегося с запада. На берегу реки всё то же оживление: идёт погрузка тюков товара на большой плот, на котором, возможно, поплыву и я, если не найду ничего лучшего в эти два или три дня. Напрасно я старался поискать брёвен, на рынке их больше не было.

Тем временем у окраины города волнуется толпа: рабочие исправляют размытую наводнением дорогу, сегодня вечером ожидают генерал-губернатора. Эти рабочие – заключённые, которых привлекли для столь важного обстоятельства. Их сторожат ленивые казаки, с безразличной жесткостью во взоре лежат они в траве, покуривая или щёлкая кедровые орехи, рядом в пирамидах стоят их ружья[1]. Наблюдая всё это необычное оживление, я вспомнил прочитанный по дороге сюда циркуляр на почте, в котором власти сообщали о скором проезде генерал-губернатора: «Потребуется встретить Его Превосходительство приветливо, без крика и без излишнего рвения. Понадобится иметь поблизости в совершенной готовности свежее молоко, яйца, кислое молоко, цветы, самовар, сметану и т. д.» Невольно, против своего желания я вспомнил о Коте в сапогах: «Мужики, если вы не скажете.., вас изрубят в фарш…».

23 августа. Этим утром генерал-губернатор дал мне аудиенцию и оказал отеческий приём. Генерал Сергей Михайлович Духовской, старик с белыми усами – тонкие черты лица, деликатные манеры, речь медленна и мягка. Мы долго говорили о будущем его области. Он говорит об усилиях установить постоянные торговые отношения между Европой, в особенности Францией, и Владивостоком. Затем, когда я уже откланивался, он неожиданно сказал мне: «Я узнал, что Вы собираетесь продолжить свой путь: если Вас удовлетворит скамья в столовой на моём плоту, я прикажу всё организовать». Это предложение, принятое с невыразимой признательностью, – одна из великих, давно не испытанных радостей. Генерал довершил удовольствие до края, пригласив на обед, на котором трогательным тостом отпраздновал прибытие президента Феликса Фора в Петербург. И это ещё не всё: сверх всех этих радостей еще одна сладкая и глубокая – обнять моего старого друга Гаврилу Петровича, приехавшего этим вечером из Иркутска после весьма утомительного путешествия. Я отмечу этот день красным крестом.

24 августа. Мы отплыли после обеда. Если бы у меня было время, я, конечно же, не оставил бы в Чите Гаврилу Петровича; грустно

---

[1] В тот же самый день сбежало трое из этих плохо охраняемых заключенных. (Прим. пер.)

было расставаться с ним, на этот раз надолго, и мне кажется, что, удаляясь от него, я покидаю доброго гения моего путешествия, уезжаю нравственно одиноким, чтобы завершить мое паломничество на больших реках и равнодушных судах на пути домой. Никогда я не испытывал так глубоко, как сегодня, насколько могут связывать людей общие приключения, испытания и надежды, и даже любовь к правде в стране, где у лжи есть свои алтари и первосвященники…

Действительно, царский плот генерал-губернатора с двойным настилом. На передней половине постройка из четырех помещений, разделенных центральным проходом. На второй половине кухня, крыша которой служит наблюдательным постом для рулевого, два туалета, один для экипажа, второй – для нас: ничего не забыто. Пассажиры – это генерал Духовской, губернатор Читы и Забайкальской области генерал Е. О. Мациевский и три чиновника Сергея Михайловича: М. П. Щербина, начальник кабинета, подполковник П. А. Донауров, его адъютант, наконец, его секретарь. В нашем распоряжении восемь казаков, чтобы управлять огромными передним и задним рулевыми веслами, и один унтер-офицер для командования ими. Ещё старый лоцман, пьяница и болтун, постоянно пребывающий на крыше кухни, и, наконец, повар и камердинер Сергея Михайловича.

Прощайте! Нас несёт поток со скоростью 8-10 км в час. Берега проносятся с удивительной быстротой: они развалены или обрушены страшным наводнением десятидневной давности. Что до реки, Ингода очень живописна. Бесконечными изгибами она тянется между лесистых, часто гористых берегов, на которых постоянно появляются то крутой обрыв или горный склон, то дорога на Сретенск, то полотно строящейся железной дороги, на которой идёт безостановочная работа. Постоянно замечаешь костры, дым, небольшое облако красных мух, оказывающихся работающими мужиками, там китайцы, различимые в бинокль, ещё дальше – итальянцы и ещё, уверяют меня, японцы и корейцы.

В начинающихся сумерках останавливаемся в казацкой деревне Кручина, сильно пострадавшей от наводнения. Восемь из десяти домов было унесено водой, и к тому же прибрежные огороды были засыпаны метровым слоем песка за несколько часов, когда Ингода сделала здесь временное русло. Наконец, деревянный мост на большой дороге был подхвачен течением и унесён вниз на километр и очутился среди полей. Это ужасающий вид мгновенного и зверского опустошения. Однако стыдно сказать, что эти казаки – разбойники с большой дороги, сдиравшие чудовищные деньги с путешественников и проезжающих кучеров, весьма посредственно меня трогали, несмотря на их убогое состояние. Мне не нравится их притворно довольный вид. В конечном счёте, вмес-

то своих унесённых изб они построят новые, что будет весьма выгодно прямо у железной дороги, которая несколько отходит от шоссе.

25 августа. Этим утром мы проснулись в сильном тумане и не двинулись с места, опасаясь плыть наугад. Мы долго высматривали просвет, и все нетерпеливо ждали отправления! Наконец поднялся ветер, и мы отдали швартовы. Мы скользим во влекущем нас потоке в тишине, изредка нарушаемой плеском водоворота или краткой командой лоцмана. Река течёт всё так же быстро – 10 километров в час – имеет всё тот же вид: лесистые холмы, скалистые, удерживающие её берега, и всё так же у горного склона железнодорожный путь с работающими людьми. И вправду, на этом пути, возле которого с Канска мы постоянно едем рядом, эти трудовые и постоянные усилия смотрятся красиво и внушительно. Мы причаливаем к нескольким пострадавшим от наводнения деревням и отплываем, подсчитав число смытых домов и пообещав помощь. К шести часам вечера один из нас вдруг посчитал, что он заметил вдали между деревьями дым: можно было поклясться, что он похож на столб дыма пакетбота, если бы не было известно, что пакетботы не могут подниматься до этих мест. После нескольких поворотов показывается перед нами открытое пространство, там мы действительно замечаем корпус парохода, и пошли разговоры с комментариями. Этот пакетбот, наконец, поравнялся с нами, он называется «Зея» и принадлежит богатому купцу из Благовещенска, жена и сын его отправляются в Иркутск. Желая их избавить от нескольких сотен километров езды в тарантасе, этот отец и образцовый супруг выбрал один из самых старых своих кораблей, потеря которого была наименее чувствительна, он и разрешил капитану рисковать им, плывя по Ингоде. Супруга купца знает генерал-губернатора, для неё это прекрасный случай попросить рекомендательное письмо, которое облегчит ей получение почтовых лошадей. Она в обмен предлагает переход на свой корабль генералам и свите. Конечно, плот нам сильно нравится, своей новизной, относительным удобством, мирной мягкостью движения, и нам тягостно с ним распрощаться. Но трезвый расчет, наконец, побеждает: мы торопимся, а «Зея» по течению идёт со скоростью 25 километров в час. Завтра утром немного ниже по течению мы перейдем на пакетбот.

26 августа. К десяти часам на повороте, куда нас нёс с огромной скоростью поток, мы заметили на небольшом островке людей, машущих нам руками. Генерал Духовской потребовал остановиться, чтобы понять, в чём дело. Несмотря на сопротивление капитана, совсем незаинтересованного терять время на частных лиц, мы сдали назад, бросили якорь и взяли на борт около двадцати пострадавших. Они погрузились

на этот большой плот с товарами, на котором я бы отправился тоже навстречу всем превратностям пути, если бы не милостивое приглашение Его Превосходительства. После двух дней спокойного плавания их длинный плот силою потока разорвало на две части, и пассажиров выбросило на этот островок, а товары выбросило на правый берег двумя километрами ниже. У несчастных не было ни лодки, ни одного швартового каната, с которым, несмотря на сильное течение, может быть, кто-нибудь из них смог бы переправиться на берег. Они оказались пленниками на пустынном острове без всякой поддержки. Проплывший мимо них плот не смог или не захотел прийти им на помощь, и они долго бы оставались на острове, если бы не неожиданная и неслыханная встреча первого пакетбота, который впервые за тридцать пять лет отважился оказаться в этих местах! Едва оказавшись в безопасности на борту, потерпевшие, среди которых оказалось много дам, совершенно переменились духом: радость их была так простодушна, так шумна за столом, что можно было подумать о группе школяров на каникулах. Но хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Догадливый капитан заставил их приобрести билеты за место!

День проходит однообразно. Везде констатируем ущерб, нанесённый наводнением. От Галкино до Митрофаново на протяжении 60 верст уже действовала железная дорога. Наводнение её разрушило. На второй из этих станций в служебных помещениях все внутренние помещения были искорёжены, бараки сдвинуты с места, а паровоз зарылся наполовину в воду. Однако в Митрофаново генерал-губернатора ждал пакетбот «Атаман». Он принадлежит амурским казакам, которыми командует генерал С. М. Духовской. Они предоставляют его своему шефу для всех его передвижений. Этот маленький пароходик кокетлив и франтоват, весь белый, немного его портят решетки, предохраняющие окна каюты на палубе. Я был приглашен занять на нём место и принял приглашение с тем большею охотою, что все здесь оплачивают свои места в доход войска, а у меня будет возможность расквитаться за часть моих обязательств только чаевыми. Впрочем, как можно противиться изысканной любезности генерала Духовского? Он так прекрасно знает свет и прекрасно понимает, что неуместное слово может глубоко ранить! К тому же он очень хорошо понимает смысл моей работы и пользу, которую имеет для этих затерянных медвежьих углов посещение самого скромного путешественника, который их опишет.

27 августа. Этим утром мы доплыли до Сретенска, крайнего пункта, где останавливается подъем судов по реке, навигация по Амуру и Шилке. Город сильно пострадал от наводнения, которое разрушило мол и много товарных складов. Гостиница «Вокзал», расположенная на бе-

регу, жалко осела на опорах, часть грунта под ней была смыта бешеным потоком. После нескольких деловых визитов возвращаюсь на борт, где с нами обедает знаменитый польский пианист Конский[1]. Когда-то в качестве вундеркинда он получил несколько советов от Бетховена, по меньшей мере, так говорят, во всяком случае, в России его очень уважают, а ему уже 81 год. Он невысокого роста, небольшая седая бородка под губой, нафабренные усы и общий вид старого ворчуна второй Империи. Маленькие глазки, покатый лоб, цветная розетка величиной с орех, на пальце огромный аметист, и со всем этим добродушная и несколько хвастливая разговорчивость, удивляющая в человеке этого возраста. И к тому же что за энергия! Вместе с женой он совершил турне вокруг Азии, которое заканчивает Сибирью, не пугаясь двух тысяч вёрст в тарантасе!

28 августа. Вчера вечером в сильный дождь и в полнейшей темноте мы причалили в Усть-Каре, по правде сказать, весьма незначительной деревне, но расположенной в нескольких километрах от знаменитых рудников, где содержалось столько политических каторжников. С живым интересом я вглядывался этим утром в заросшие лесом вершины гор, за которыми прячется знаменитая каторга, но дождь затуманивал горизонт и делал берег почти неприступным. К тому же от старой каторги остались одни воспоминания: здесь – уже неиспользуемая тюрьма, а там – пустые корпуса, кожевенная фабрика, где шестерых заключённых стерегут два тюремщика и один надзиратель. Один из заключённых сошёл с ума, остальные больше занимаются сельским хозяйством. Причина запустения Кары лежит в кризисе добычи серебра. Кабинетская администрация не находит больше выгодным добычу белого металла, и постепенно к нему теряется интерес. Что до заключённых, то для них найдены более надёжные в смысле охраны места в двух или трех тысячах километров к северу.

---

[1] Автор, по-видимому, не расслышал фамилию польского музыканта, что и для коренного русского в этом случае было бы проблемой. Вот что говорит о музыканте Большая советская энциклопедия. Антон Контский. [27.10.1817, Краков – 25.11. (7.12),1899, Иваничи, близ станции Окуловка, СССР], пианист, педагог и композитор. Начал выступать с 6 лет. В 1829-30 учился в Москве у Дж. Филда, в 1853-67 преподавал в Петербурге фортепьянную игру. Много гастролировал, был первым пианистом, который совершил кругосветное путешествие (в возрасте 80 лет), выступая с концертами в 1896-98 в Австралии, Японии, Китае, а также в городах Сибири. Игра К. отличалась блестящей техникой и элегантностью салонного склада (в репертуаре, кроме произведений классиков и ранних романтиков, салонные пьесы и танцы, в том числе собственные сочинения, например популярное «Пробуждение льва»). Автор оперы, оперетты, около 400 фортепьянных сочинений, а также фортепианные школы и сборники упражнений. БСЭ. (Прим. пер.)

В Усть-Каре наводнение наделало ужасных бед: следы разрушений видны даже в алтаре церкви, которая, находясь в низине, была затоплена, избы унесены водой, а несколькими километрами ниже жители казацкой деревни, не пострадавшие от наводнения, вместо того, чтобы прийти на помощь соседям, наоборот, бросились в лодки, чтобы разграбить всё, что осталось в сносимых течением избах. И это, без сомнения, не сказка, не клевета, так как об этом факте мне рассказал поп (pope), высокий полный молодой человек, с карими узкими глазами, с тоненькими усиками, которые кажутся нарисованными карандашом на круглом, лунообразном лице.

Мы отправляемся в плаванье по восхитительной Шилке, и до самого вечера без перерыва следуют удивительные по дикой красоте пейзажи: двойная волнистая и лесистая линия скальных обрывов, гор, холмов, неожиданных поворотов, закрывающих горизонт, завершающихся резкими переменами декораций. Мне не приходилось видеть реки настолько живописной на таком большом протяжении. Конечно, что до меня, я предпочитаю Кеть[1] или Кас[2], но на Шилке нужен только человек и рейнские замки, чтобы сделать из неё место большого международного туризма. Сейчас же на ней утомляет вечная пустынность гор. Мы находимся в той части Забайкалья, в которой сообщение возможно только по реке, отчего край становится полностью изолированным от мира при первых заморозках и ледоходе. Кто же поверит в заброшенность здешней жизни, видя проходящие двухэтажные колесные пароходы, поднимающиеся вверх по течению, преодолевая стремнины?

29 августа. Прибыли утром на станцию Покровка, где Шилка, соединяясь с Аргунью, даёт начало огромной реке Амур, в 3 часа мы уже на станции Игнашино, напротив которой на китайском берегу находится китайский пост Мохо, являющийся центром надзора и администрации недалеко расположенных золотых приисков. На этом посту около полутысячи солдат. Генерал Джао-Мян, командующий Мохо, приглашает на обед генерала Духовского, тот принимает приглашение.

Перевод с французского Николая Епишкина

[1] Кеть – правый приток Оби. (Прим. пер.)
[2] Кас – левый приток Енисея. (Прим. пер.)

STADTBIBLIOTHEK. DAS JAHR 1908

Bis 1908 existierten im Gebietszentrum die Bibliotheken innerhalb von Lehranstalten, Schulen, Klubs und an der Gesellschaftsversammlung. Aus verschiedenen Grьnden hцrte die цffentliche Bibliothek zu dieser Zeit mit ihrer Tдtigkeit auf, an die unter anderem die Bьcher der privaten Bibliothek von M. Nemerow ьbergeben wurden, und die der Tschitaer Abteilung der Priamurischen Abteilung der Russischen Geografischen Gesellschaft unterstellt war. Die Bьcher von Lehranstalten, Klubs und der Gesellschaftsversammlung waren nur fьr die begrenzte Zahl von Lesern zugдnglich, und die grцЯte Zahl von Einwohnern hatte keine Mцglichkeit, an die Lesekultur herangefьhrt zu werden.

Im Jahre 1908 wurde die Frage der Gestaltung der Stadtbibliothek fьr jeden Interessenten gelцst. Es wurde das bibliothekarische Statut ausgearbeitet, das am 30. Mai von der stдdtischen Duma bewilligt wurde.

Die Hauptbestдnde der Bibliothek wurden durch die Bestдnde der цffentlichen Bibliothek gebildet. Die цrtliche Geographische Gesellschaft ьbergab diese Bьcher dem stдdtischen Amt, weil „sie keine Mцglichkeit gehabt habe, diese Bibliothek auf die Hцhe zu bringen, die den Bedьrfnissen der in den letzten Jahren stark zugenommenen ortsansдssigen Bevцlkerung entsprechen werden kцnnte. Die Bibliotheksleitung lenkte die Gesellschaft von den direkten wissenschaftlichen Aufgaben ab und forderte wesentliche Mittelausgaben, ьber die sie nicht verfьgte“.

In den Ьbergabendokumenten wurde ebenfalls folgendes vermerkt: „Die stдdtische Duma kam dem Vorschlag entgegen, nicht von den wesentlichen Ausgaben fьr die Regelung und Vervollstдndigung der Bibliothek stehenzubleiben, und beschloss, fьr eine bessere Gestaltung des Bibliothekswesens und seine Fьhrung eine besondere aufgrund des Statuts wirkende Organisation zu grьnden und einen Raum in den Pavillions des Shukowski-Gartens fьr eine Bibliothek zu ьbergeben. Der Garten wurde auch dem stдdtischen Amt unterstellt.

Als Gesellschaftliche Organisation fьr die Fьhrung des Bibliothekswesens galt die extra gebildete Kommission. Es dauerte ein Jahr, bis die Bibliothek ausgestattet wurde und ihre Bestдnde in Ordnung gebracht wurden. Zur gleichen Zeit wurde „der Katalog der Tschitaer Stadtbliothek“ zusammengestellt und mit der Auflage von 1000 Exemplaren herausgegeben. Im Mai 1909 wurde der Eintritt in die Bibliothek und in den dazugehцrenden Lesesaal freigegeben. Die ersten Jahre bewilligte das Amt die Geldmittel von 500 Rubeln pro Jahr fьr die Anschaffung neuer Bьcher.

Die Gestaltung der Stadtbibliothek hatte dadurch die unmittelbare Verbindung mit der Tschitaer Abteilung der Russischen Geografischen Gesellschaft.

Wie es aus den Dokumenten hervorgeht, stцrte die цffentliche Bibliothek wissenschaftliche Тдtigkeit der Abteilung der Russischen Geografischen Gesellschaft, die in den letzten Jahren wirklich auflebte.

Im Jahre 1908 fьhrte die Tschitaer Abteilung der Russischen Geografischen Gesellschaft wesentliche wissenschaftliche Forschungen im Aginsker Bezirk (Aginsker und Zugulski Amtsbezirke) durch. Die Gesellschaft organisierte die Aginsker Expedition fьr eine allseitige wirtschaftliche Forschung. D. M. Golowatschow erforschte die burjatische Bevцlkerung, die zu der Zeit im Bezirk 38681 Menschen zдhlte; W. W. Soldatow erforschte ihren wirtschaftlichen Alltag. Botanische Forschungen fьhrten die Gesellschaftsmitglieder G. A. Stukow und P. S. Michno durch, die Grundbцden des Bezirks erforschte M. P. Grigorjew. In den folgenden Jahren wurden die Forschungsmaterialien in den vielbдndigen „Werken der Aginsker Expedition“ verцffentlicht.

/Из книги В. Ф. Балабанова «Строкой и памятью отмечено…». – Чита, Экспресс-издательство, 2007. Городская библиотека. Год 1908. СС. 105-106./

Перевод на немецкий язык Ирины Бобровой

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ЛЮДМИЛА ЭМИРЗИАДИ

СЁСТРЫ РАЕВСКИЕ

Сегодня в этом разделе речь пойдёт о сёстрах Раевских, то есть о сёстрах Марии Николаевны Волконской, урождённой Раевской, чьи письма легли в основу нашего экскурса в историю декабристов. После небольшой статьи вы, уважаемый читатель, можете прочесть письма в переводе с французского, которые написала княгиня Мария Николаевна своим сёстрам из далёкого Забайкалья, где находилась в добровольном изгнании, разделив непростую судьбу своего супруга, декабриста Сергея Григорьевича Волконского.

Семья Раевских, прославленный русский род, великая династия, оставила значительный след в истории России, особенно во времена наполеоновских войн начала XIX века и декабрьских событий 1825 года на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. История сохранила для нас немало сведений не только о мужчинах, ярких представителях этого рода, но и о дамах былых времён из высшего дворянского общества России XIX века, четырёх дочерях прославленного генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского. Отец был настоящим героем Отечественной войны 1812 года, о котором Наполеон якобы сказал: «Этот генерал сделан из того материала, из которого делают маршалов». Их мать, Софья Алексеевна Раевская, в девичестве Константинова, была, к слову сказать, тоже непростого происхождения, дочерью бывшего библиотекаря Екатерины Второй и внучкой самого Михайло Ломоносова.

Все четыре сестры Раевские: Екатерина, Елена, Мария и Софья, – светские красавицы и завидные невесты, воспетые А. С. Пушкиным, оказались под любопытствующим исследовательским взором не только историков, но и пушкиноведов. Прелестный профиль каждой из сестёр можно встретить на страницах рукописей великого русского поэта. С сёстрами Раевскими связаны все южные поэмы Пушкина, также «Евгений Онегин» и «Борис Годунов», кроме того – «Полтава» и даже в некоторой степени «Арап Петра Великого». А кроме того, несомненно, его бессмертная лирика! Множество проникновенных поэтических строк посвящено той или иной даме благородного семейства. Пожалуй, каждая из сестёр Раевских может быть смело причислена к музам, вдохно-

вительницам любви и творчества великого русского поэта. Хотя Мария Волконская когда-то очень правильно написала о поэте: «Его единственной настоящей любовью была его муза, он просто наделял её чертами очень многих женщин».

Однако лучше обо всём по порядку… С генералом Николаем Николаевичем Раевским, отцом девушек, Пушкин был знаком достаточно давно, они встречались ещё в Петербурге, а вот с дочерьми судьба свела его лишь в августе 1820 года в Гурзуфе во время южной ссылки поэта. Об этой встрече Александр Сергеевич сообщает в письме своему брату Льву Пушкину в сентябре того же года: « ...морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в Юрзуф (Гурзуф), где находилось семейство Раевского. ...Там прожил я три недели. Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского… Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив…». (1). История свидетельствует о том, что из сестёр Раевских больше всех ему нравилась Екатерина, старшая из сестёр знаменитой фамилии.

Екатерина Николаевна Раевская (1797–1885), в замужестве Орлова, была женщиной образованной, начитанной, обладала весьма привлекательной внешностью, сильным характером и сдержанным хладнокровным нравом. О ней вспоминают как о добродетельной женщине, исполненной собственного достоинства. С большой долей вероятности очевидно, что поэт был тайно влюблён в неё. Считается, что именно её имя значится в так называемом Донжуанском списке Пушкина. Однако девушка не отвечала взаимностью на чувства поэта. Из воспоминаний современников П.И. Бартенева (2), например, известно, что сёстры Раевские отзывались о нём с улыбкой и долей пренебрежения, не придавая особого значения личности поэта, хотя и восхищались его стихами. Несомненно, Пушкина это сильно огорчало и больно ранило его мужское самолюбие.

15 мая 1821 года в возрасте 24-х лет Екатерина Раевская, «по которой вздыхал поэт Пушкин», стала женой Михаила Федоровича Орлова. В феврале 1821 года А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому сообщал о предстоящей свадьбе генерала Орлова с Екатериной Раевской**.

Да и сам Михаил Федорович принадлежал к славному старинному роду Орловых, он являлся пусть незаконным, но отпрыском высшей знати и был, несомненно, одним из лучших представителей своего поколения. Это был гуманный, просвещенный вольнодумец и мечтатель, отважный воин и командир, прославившийся в походах 1812-1814 годов. Орлов особенно отличился в Лейпцигском сражении, спас два ав-

стрийских батальона, за что ему был пожалован титул австрийского барона. Он командовал дивизией, в которой пользовался неизменным уважением. Нижние чины называли Михаила Орлова «отцом», а саму дивизию «орловщиной». Солдаты встречали его громким «Ура!», не дожидаясь, пока он скажет: «Здорово, братцы!» В конце марта 1814 года именно Михаил Орлов был удостоен чести принять от лица России судьбоносную капитуляцию наполеоновской Франции. Сам царь сказал тогда своему флигель-адъютанту: «Поздравляю Вас, Ваше имя связано с великим событием».

Об Орлове известно также, что он был членом литературного общества «Арзамас», в котором также состоял и А. С. Пушкин. Общение Пушкина с Орловым началось ещё в Петербурге, где они познакомились в 1817 году, и продолжилось в Кишиневе. Он часто бывал в доме Орловых. По свидетельству Екатерины Николаевны, Пушкин был постоянным посетителем их кишиневского дома, где велись «беспрестанно шумные споры – философские, политические, литературные». «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах» (2), – сообщает Екатерина Николаевна брату Александру Раевскому в ноябрьском письме 1821 года. Пушкин писал о Екатерине Раевской: «Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики».

Михаил Фёдорович Орлов привлекался по делу декабристов, но, благодаря заступничеству брата Алексея Фёдоровича Орлова, не был осужден. Проведя год в Петропавловской крепости, он был выслан в своё имение в Калужскую губернию под надзор полиции.

По воспоминаниям современников, Екатерина Николаевна была женщиной с крутым характером. «Властолюбивая, гордая, хитрая и резкая, она, выйдя замуж, стремилась командовать мужем, в чем, кажется, и преуспела. Шутливые рисунки в семейном альбоме Раевских изображают её с пучком розог в руках. Перед нею, словно школьник, стоит на коленях провинившийся супруг». (2). Так охарактеризовал старшую из сестёр Раевских и её семейную жизнь П. К. Губер. Ещё в Кишиневе, где муж служил тогда командиром полка, её прозвали «Марфой-посадницей» за властность и твердый характер. Подтверждение факта её непростого характера находим также у Пушкина. Дело в том, что Екатерина Николаевна, по мнению многих пушкиноведов, стала прототипом гордой и своенравной Марины Мнишек в произведении «Борис Годунов». Создавая образ Марины Мнишек, поэт воспользовался чертами характера и внешности Орловой. Об этом он сам писал П. А. Вяземскому в сентябре 1825 года: «Сегодня кончил я вторую часть моей трагедии

– всех думаю, будет четыре. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! Знаешь ее? Не говори однако ж этого никому».

Екатерина Орлова пережила не только своего мужа, овдовев в 45 лет, но и всех своих братьев и сестёр, дожив до 88 лет.

Елена Николаевна Раевская (1803–1852), третья из сестёр, своей прелестью выделялась даже среди первых красавиц-сестёр. Она была высокая, стройная, с голубыми глазами, отличалась скромностью и стыдливостью. По возрасту ближе всех она была Марии, всегда оставалась её другом и продолжала писать в ссылку, несмотря на строгий запрет матери. Как и все сёстры Раевские (всё-таки правнучки Ломоносова!), Елена отличалась хорошим образованием и утончённым вкусом. Страстно увлекалась идеями романтизма и рыцарскими подвигами. Великолепно владела иностранными языками и занималась переводами произведений Байрона и Вальтера Скотта на французский язык. Пушкина, видимо, пленила нежная, трогательная прелесть и этой сестры. Он вел с ней беседы о литературе, она учила его английскому языку, поэт и ей посвятил несколько своих творений.

Внешне тихая и романтичная Елена Раевская была фрейлиной императорского двора. Она никогда не выходила замуж, хотя к ней сватался польский граф Гюстав Олизар (поэт и шафер французского писателя-реалиста О. де Бальзака). Дело в том, что когда-то он уже сватался к одной из сестёр, юной Марии. Даже после её замужества граф не оставил попыток породниться с Раевскими и сделал предложение Елене. Она отказала, понимая, что всегда будет лишь тенью своей прелестной сестры. Родители теперь уже не настаивали, имея горький опыт своих прежних ошибок – ведь они выдали свою дочь Марию за нелюбимого и даже малознакомого человека, старше её на 19 лет, да к тому же оказавшемуся бунтовщиком, и навсегда тем самым испортили жизнь и ей, и себе. Елену оставили в покое, взяв во внимание к тому же её привязанность к родителям, особенно к матери, и больные лёгкие. Увы, она страдала туберкулезом лёгких и уже с 20 лет не танцевала на балах, хотя любила на них присутствовать.

Елена Раевская, будучи слаба здоровьем и долго проболев туберкулезом, провела практически всю жизнь под опекой матери. Спасая Елену от болезни, на тот момент уже вдова Раевского отправилась с ней в Италию в сопровождении младшей сестры Софьи. Несмотря на крайне слабое здоровье, но благодаря хорошему уходу, Елена прожила до 48 лет. Она провела остаток жизни в тишине и тайных мечтах, среди любимых книг, рядом с дорогой маменькой, их и похоронили рядом в местечке Фрискатти недалеко от Рима. Правда, перед смертью ей при-

шлось принять католичество, так как близко не оказалось православного священника, чтобы причастить её.

Младшая из сестёр **Софья Николаевна** Раевская (1806–1881) также всю жизнь оставалась в девицах. Она долго прожила в Италии с матерью и сестрой Еленой. Несомненно, она отличалась умом и образованностью, но по характеру имела склонность читать ближним наставления, за что её прозвали «гувернанткой». Похоже, Пушкин остался равнодушен только к ней, Софье. Некоторые исследователи считают тем более, что во время его пребывания в Крыму она была еще совсем ребенком. Эта девушка, ставшая позднее фрейлиной императорского двора, как и Екатерина, обладала тонкой прелестью черт, но так и осталась старой девой. К ней даже никто не сватался. Дело в том, что семья, столь тесно связанная с декабристами, не пользовалась особой популярностью в свете. Кроме того, после смерти генерала-кормильца в 1829 году богатством Раевские похвастаться не могли, особого приданого не было, так что, очевидно, женихи в очередь не выстраивались.

К слову сказать, после смерти генерала Раевского семейный бюджет оказался весьма скромным. Именно А. С. Пушкин, всю жизнь с благодарностью помнивший гостеприимство генерала и «милую семью», лично выхлопотал для полуопальной вдовы героя Софьи Алексеевны приличную пенсию. Скрепя сердце, он написал письмо генералу Бенкендорфу, в чьих друзьях отнюдь не числился. Письмо заканчивается словами: «Прибегая к Вашему превосходительству, я надеюсь судьбой вдовы героя 1812 года – великого человека, жизнь которого была столь блестяща, а кончина так печальна, – заинтересовать скорее воина, чем министра, и доброго, отзывчивого человека скорее, чем государственного мужа…». (3). Государственные мужи – царь и шеф жандармов – снизошли и назначили вдове солидную пенсию – 12 тысяч золотых рублей ежегодно, по тем временам сумму более, чем значительную. Таким образом поддерживался достаток семьи. В семье оставались ещё две дочери, Елена и Софья, которые не были замужем, и позаботиться о них было практически некому.

После получения «Государева пансиона» Софья Алексеевна смогла, наконец, уплатить накопившиеся долги за имение и вывезти свою постоянно хворающую дочь Елену на лечение в Италию. Из этих тёплых, но чужих краёв, на родину они обе больше никогда не вернулись. Опальная в России семья старалась жить за границей, не привлекая к себе особого внимания.

Софья, как и Елена, была очень привязана к матери. Она отправилась вместе с ней и сестрой в Италию, где была и сиделкой, и компаньонкой, а впоследствии и похоронила обеих. За Еленой она трогательно

ухаживала до последнего дня. Похоронив родных на чужбине, Софья вернулась на Родину и как-то оказалась в центре всех дел, она с жаром кинулась улаживать семейные проблемы, принимая участие в делах родственников большого клана Раевских. Она бесконечно хлопотала по различным вопросам, старалась хоть чем-то помочь своим сёстрам Екатерине и Марии, живо интересовалась их нуждами, советовала, негодовала, опекала (недаром же её называли «гувернанткой»!). Вся жизнь её оказалась своего рода служением семье, защитой её интересов и чести. До самой своей кончины она оставалась неким центром семейного притяжения. Дети и внуки её сестёр и брата Николая находились под её опекой, были привязаны к ней и искренне любили её.

Судя по письмам, характер у неё был жесткий и непреклонный, как, впрочем, у всех сестёр Раевских. Она предприняла утомительно долгое и небезопасное путешествие в Сибирь, чтобы навестить сестру. Говорят, что при встрече они даже не сразу узнали друг друга. Есть версия, что истинной причиной этой поездки была не столько тоска по сестре, сколько поиск примирения с нею. Однажды в переписке Софья опрометчиво резко отозвалась о вольном поведении сестры в ссылке, слухи о котором дошли до Петербурга. Речь идёт о предполагаемой связи Марии Николаевны со ссыльнокаторжным Александром Викторовичем Поджио. Сёстры поссорились, и между ними появились недоверие и обида. Встреча сестёр состоялась, а вот о чём они беседовали, к сожалению, осталось тайной. Однако известно, что отношения между строптивыми сестрами оставались прохладными до конца их дней.

Однако письма Марии сёстрам, приведённые к этой статье, относятся к столь раннему периоду, к 1832 году, когда между ними царила юношеская привязанность, искренняя нежность и забота.

Сестре Софье Раевской ***18 августа 1832***

№ 33

Моя дорогая Софи, я вас благодарю за хорошие новости о здоровье всех, которые содержит ваше письмо от 9 июня, продолжайте и дальше сообщать мне приятное. Я не могу высказать такую же радость вашему сердцу. Мишинька страдает; может быть, это из-за его второго зуба, я не знаю, но последнюю ночь у него была сильная лихорадка, голова его пылала, а ступни ног горели. Сегодня утром ему лучше, он даже развлекался немного своими кулачками, но, тем не менее, больше никаких порывов радости при пробуждении, как это обычно бывало. Я только что снова уложила его, он спит спокойно. Я надеюсь, что его недомогание пройдёт к вечеру и мои беспокойства покинут меня. Я даю

ему в течение некоторого времени манную кашу, он с удовольствием ест её, предпочитая, однако, свою первую еду, отчего я очень счастлива. Несколько раз я его присаживала, он держится довольно хорошо без поддержки. Моя славная Елена у меня просит его портрет, до года невозможно этого сделать, но, тем не менее, самый первый будет для неё. Я очень тронута её обещанием во всём позаботиться о нашем ребёнке. Всё, что делается для моего сына, будет принято мной с благодарностью и живейшей радостью, я искренне люблю его. Мои славные друзья, сегодня я могу говорить с вами только о Мишиньке, он только что проснулся, я вам пишу, находясь прямо около него, я нахожу его спокойным. Вольф говорит мне, что его недомогание связано с зубами и это скоро пройдёт; нянечка его укачивает, в настоящий момент он засыпает. Богу угодно, чтобы всё прошло с этим благотворным сном. Я только что перечитала ваше письмо, вы мне рассказываете о моей выездной карете и считаете, что она была взята за уплату долга моему Бранд Вуду? Увы, вы ошибаетесь, это ещё Чета попросил у меня переводной вексель за пианино. Что я и сделала сразу же, добавив ещё проценты с суммы. Что касается экипажа, то ему позволили посмотреть страну, и он путешествует бесплатно. Прощайте, мои добрые сёстры, я вас обнимаю от сердца и от души. Я прошу благословения у Маман и целую её руки. Серж передаёт вам много всего и благодарит вас за вашу добрую и долгую память.

P.S. У меня были новости от Катерины для мадам Бароззи, которая пишет её брату, крёстному отцу Мишиньки, что Катинка заставила в Москве всех, кто её знает и кто составляет цвет общества, который её окружает, дорожить ею; что она замечательно воспитывает детей.

Елене Раевской ***21 октября 1832***

№ 41

Я отвечаю на ваше письмо из Курска от 23 августа, моя добрая Елена. Очень давно я не получала от вас ни одного письма, написанного вашей рукой; оно порадовало моё сердце, я обнимаю вас тысячу раз за то, что вы написали мне. Вы пишите, что Николай всегда спрашивает вас, почему я не отвечаю на его письма, – потому что то, что он называет своими письмами, было всего несколько строк, приписанных к письму Катинки, я ответила ему таким же образом, и это дело Катерины передать ему. Теперь я знаю, что он устроился в Курске, я напишу непосредственно ему; очень счастлива, что смогу сделать ему приятное. Я очень живо тронута тем, что моя добрая Маман сообщает мне в вашем письме. Её вопросы о Мишиньке подтверждают интерес, который она к

нему проявляет, что он сможет оценить, как только его маленькие способности начнут развиваться. Бедный маленький ангелочек страдает в течение нескольких дней, прорезывание его зубов очень болезненно, у него лихорадка, сильное беспокойство и железы за ушками довольно увеличены. Говорят, что всё это из-за зубов. Я не могу вам передать, насколько для меня мучительно видеть, как он страдает, день и ночь он со мной, только подле меня он может спать спокойно; я не смыкаю глаз, как вы понимаете, что меня утомляет немного, если я нисколько не отдохну в течение дня. Нянечка ужаснулась недавно моему истощению, всё её рвение к ней вернулось, она великолепно ухаживает за Мишелем, и я вновь набрала силы и вновь могу положиться на неё. Моя добрейшая Маман мне описала в двух словах нашего дорогого Николая. Ленивый, когда ему нечего делать, добрый, великодушный, как мой отец, таким я его вижу отсюда, нашего славного Николушку. Как вы должно быть счастливы видеть его, именно думая о вас, я понимаю иногда всю слабость моей души. Портрет Дуниньки, который вы мне сделали, позабавил меня. Её муж убеждён, что она снова выйдет замуж, будучи уверенной, что он не от мира сего, а он считает её жертвой отцовской авторитарности. Я прощаюсь с вами, моя добрая подруга, чтобы ответить Катинке, от которой я получила, наконец, маленькое письмецо.

Катерине Орловой ***19 февраля 1832***

№ 1

Я начну с того, что немного поругаю вас, славная моя Катерина, вы меня держали в беспокойстве насчет вас в течение 5 недель тем, что передали мне через служанку, что вы больны опасной болезнью, и с тех пор оставили меня без малейшего известия о вашем состоянии. Посудите сами, что я могла испытать, получив эти слова: «Катерина Николаевна больна уже 6 недель и не может к вам писать», – и плюс записка от вас до того, как вы устроились в Москве, откуда вы мне написали, не сделав ни малейшего упоминания об этом необъяснимом письме, ни малейшего намека на вашу болезнь. Это более чем забывчивость, моя дорогая Катерина, но я вам прощаю это во благо вашего выздоровления.

Ваше письмо от 7 января такое доброе, оно меня оживило, оно мне доставило благо, которое трудно выразить, свидетельство вашей нежности ко мне – мне необходимо. Я вас благодарю, моя добрая подруга, за ваше любезное предложение, которое вы мне делаете, выполнять все мои поручения. Если бы вы смогли осуществить пожелание моего сердца, которое не даёт мне ни мгновения покоя – добиться приезда моей дорогой Грушиньки ко мне. За это я вам буду вечно благо-

дарна. В моём положении нужно соглашаться на всё, и, забегая вперёд, я умру спокойно, доверив моего ребёнка её заботам. Пригласите её на год или два, это уже будет очень большое благо для меня. Я счастлива, моя добрая подруга, узнать, что вы находитесь вне ваших болот, вы можете предпринять теперь длительное лечение, и ваше здоровье вернётся к вам. Я прошу это у Бога с усердием. Я не могу скрыть от вас, что при получении письма от Аграфены я подумала, что всё кончено. Я представила положение вашего мужа, ваших детей, наших бедных сестёр. Я была в отчаянии. Да хранит нас Бог, наша лучшая подруга, очень хорошо в данный момент, что я прониклась мыслью, что вы действительно хорошо себя чувствуете. Моя славная Катенька, я так много хочу вам сказать, спросить вас, и так мало времени в моём распоряжении, что я не знаю, с чего начать. Как всегда нужно попросить прощение за то, что вы найдёте слишком мало последовательности в моих мыслях. Я сегодня написала много писем, я не могу больше от усталости и от боязни … (НЕ ОКОНЧЕНО)

Сестре Орловой ***28 мая 1832***

№ 6

Моя добрая подруга, ваше письмо от 14 марта известило меня, наконец, о приезде к вам нашего славного Николая. Я очень счастлива за вас и благодарю его за слова, которые он добавил к вашему письму. Я сердечно обнимаю его и благословляю за его сходство с нашим обожаемым папой. Ваше письмо перенесло меня к вам, я посмотрела на нашего отважного брата вашими глазами, и выражение его черт было столь же мучительно для меня, как и для вас в тот момент. Приехала служанка госпожи Муравьёвой, хотя она должна была выехать на две недели позже моей, она уверяет, что не обгоняла её и всю дорогу справлялась о ней. Я в этом случае ничего не понимаю и очень сожалею, что вы не отправили её просто почтовой каретой. Я не стану вам больше рассказывать, в каком затруднении я нахожусь и как я раздосадована тем, что служанка из России---------(нет окончания).

Катерине Орловой ***7 апреля 1832***

№ 5

Моя добрая Катинка, у меня есть время лишь для того, чтобы поздравить вас по случаю вашего праздника 10 числа этого месяца. Будьте так счастливы, как все ваши и все, кто вас знает, желают вам. Вот

наилучшее пожелание, которое я могу передать вам. Я поздравляю вашего мужа, моя дорогая Катинка, так как это в большей степени его праздник, поскольку вы были рождены для его счастья. Мой Мишинька чувствует себя хорошо благодаря Богу, он сильно вырос, я так счастлива в своей уверенности, что я хорошая кормилица, Богу угодно, чтобы это продолжалось. Серж передаёт вам множество приятных пожеланий и передаёт привет вам и Мишелю. Моя добрая Катинка, я должна вас покинуть, боюсь, что я задерживаю отправку почты, но не могу закончить, тем не менее, не адресовав вам несколько просьб. Пришлите мне кальцинированной магнезии, греческого мыла, одеколона, коробку чернослива ----------(нет окончания).

Перевод с французского Людмилы Эмирзиади

Литература:

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (П) (Словарь Брокгауза и Ефрона) – М.: Директ-Медиа, 2014. – 1384 стр.
2. Екатерина Орлова [Электронный ресурс]: Режим доступа: abris.tv/Orlova.htm
3. Томашевский Б.В. Пушкин. Кн. 1 М.-Л., 1956. – 488 стр.

УГОЛОК ПОЭТОВ. *«Из хаоса давних грёз рождаются робко стихи…»*

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

В 2018 году ушёл из жизни замечательный человек – бессменный Президент Союза переводчиков России, один из его отцов-основателей в 1991 году – Леонид Ошерович Гуревич.

Многие из тех, кому посчастливилось общаться с Леонидом Гуревичем, могут назвать этого светлого, беззаветно преданного своему делу человека **Учителем**. И действительно, у Гуревича было чему поучиться. В первую очередь, всегда восхищало его бескорыстное служение избранному поприщу, доверительное отношение к своим соратникам, в том числе и из далёкой глубинки. Нашему Президенту на самом деле было интересно всё, что происходило в региональных отделениях. Он не раз говорил о том, что самым большим достижением можно считать Летние школы перевода. С его лёгкой руки это движение пошло по стране. Вот уже четыре года как Летняя школа перевода проводится и для забайкальских школьников на базе факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета.

До конца дней у Мастера сохранился неистребимый интерес к профессиональной деятельности, к собственно художественному переводу. И порой, когда на любимое детище не хватало драгоценного времени, поскольку оно терялось в походах по коридорам власти, Леонид Ошерович с горечью говорил: «Я в долгу у моих книг…»

Сколько людей перебывало в их с Анной Алексеевной небольшой, но очень уютной квартирке в Сокольниках – не сосчитать! Его открытое искреннее дружелюбие подкупало, его безграничная вера в общее дело окрыляла, задушевные разговоры о самом главном нередко затягивались на весь вечер!

Журнал «Переводчик» обязан Леониду Гуревичу и своим тёплым напутствием в добрый путь, и опубликованными в нём переводами из романа «Серафита» О. де Бальзака (№ 1, 2001), мемуаров Ришелье «Тронная» речь кардинала Ришелье (№ 3, 2004), Андре Маиссё «Последний полёт» (№ 9, 2009). К 65-летию Великой победы над фашизмом в разделе «Уголок поэтов» (№ 10, 1010) опубликованы стихи Леонида Ошеровича с предисловием Александра Межина «Детство, разорённое

войной». С 2013 по 2017 гг. Леонид Гуревич входил в состав редсовета журнала «Переводчик».

Позволю себе привести открытые письма Леонида Ошеровича журналу «Переводчик» по случаю его рождения и первого 10-летнего юбилея. В них звучат очень простые, но такие нужные и важные истины.

Поздравление с Днём рождения!

Поздравляю создателей и будущих читателей нашего «родственника» – журнала «Переводчик» с днём рождения! Молодая семья переводческих изданий нашего Союза с удовольствием примет читинских коллег в свой, пусть ещё тесный круг. Всем нам крайне необходима возможность выслушать других и быть услышанными. Пусть разгорится забайкальский костерок, одарит всех нас удивительными мыслями, стихами, талантами. Только не дайте себе и другим погасить его. В добрый путь!

Леонид Гуревич (2001 год)

Уважаемая Ольга Викторовна!

С большим удовольствием поздравляю Вас, всех, кто помогает Вам в этом благородном деле… За эти годы журнал превратился в авторитетное профессиональное издание, в котором охотно печатаются как «местные», так и «приблудные», одним из которых считаю за честь быть и я сам. <…>

Леонид Гуревич (2010 год)

В 2016 году состоялся юбилейный съезд СПР, который отметил своё 25-летие со дня основания. Леонид Ошерович приехал как всегда подтянутый, элегантный, бодрый и улыбающийся, несмотря на тяжёлую болезнь. Его целью было не только повидаться с единомышленниками, но и оставить свой наказ всем нам, что нужно беречь, развивать и укреплять наш Союз.

Предлагаем читателям стихи Леонида Гуревича из поэтического сборника «Осень в Сокольниках»[1], опубликованного к юбилею автора. В них – безыскусные детские воспоминания, размышления о нелёгкой судьбе России и её сынов в годину испытаний, тонкая задушевная лирика…

Ольга Стельмак

[1]Леонид Гуревич. Осень в Сокольниках. Избр. – Москва, изд-во РосНОУ, 2012.

СОКОЛЬНИКИ

В Сокольниках осень,
Птиц озябших стон,
Неба высокая просинь,
Трамваев лихой перезвон.

Снова тропа уводит
К дальним полянам меня,
Туда, где сказка бродит
Вокруг векового пня.

Здесь у лёгких берёз,
Где бархатом зыбким мхи,
Из хаоса давних грёз
Рождаются робко стихи.

***

За дорогой
ветла
и зелёная
грусть,
под луною
светла
полуночная
Русь.
В этом свете
чуть слышно
шелестят
слова,
то поэму о
вишнях
читает
трава.

***

Не спрошу почему,
Всё нам ясно и просто
до боли,
Как ветрам всем

открытому полю
Укрываться от них
ни к чему.
Мы, возможно,
счастливыми были б,
Если б вовремя
уходили.

***

Не виноваты строки недопетые,
Ни в чём не виноваты старики…
Не слышно песен тихими рассветами,
Над мёртвым руслом высохшей реки.

И времена не выбираем тоже,
Родителей – отца и мать,
Но даже имени, оно с судьбою схоже,
Почёт и стыд – всё божья благодать.

Не виноваты павшие в боях,
Ни их друзья из сталинских гулагов,
Ни тени их в заоблачных краях,
И даже ни бурьян на дне оврагов.

Никто не виноват, что мы живём,
Надежду потеряв, виновных ищем,
Карабкаемся на небо за огнём,
И воем на луну на пепелище.

***

Вызываю огонь на себя,
Как на дальней, из детства, войне,
Кто-то может прожить не любя,
Только это, видать, не по мне.
Вызываю огонь на себя,
Измеряю потерями путь,
Оставляю Судьбу на тебя,
Мне с дороги уже не свернуть.

Вызываю огонь на себя…

ЮНОСТЬ

Вдаль уносится ветром гонимая,
Мне её, как судьбу, не догнать,
Бедолагу, лихую, ранимую,
Ни сменить, ни вернуть, ни продать.

А на грешной земле, как встарь,
Всё смешалось: беда и злато,
Правит бал колченогий царь
Там, где люди жили когда-то.

Там деревня моя однорядная
Вся скукожилась средь дворцов,
В праздник пьяная, но нарядная,
Край слезами умытых вдов.

Там, где детство моё неслось
Ранним утром в поля пшеничные,
Свою гложут златую кость
Из лакеев бары столичные.

Видно, время теперь такое,
Впрочем, поздно уже роптать,
Над Рублёвкой и над Москвою
Саранча собирает рать.

***

Вновь положу на рассвете
В старый походный рюкзак
Солнце, луну и ветер,
Совершенно ненужный фрак.

Несколько робких строчек
Ещё не доживших до строф,
Взвод одиноких точек –
Предвестников катастроф.

Ещё карандаш старинный –
Строитель чудес словесных,

Свидетель страстей невинных,
Порой откровений нелестных.

Теперь всё готово, пора
Дверь распахнуть тугую
И смело шагнуть со двора
В жизнь совершенно иную.

***

Собираюсь я в дальний путь,
Налегке, без ненужных ключей,
Без всего, что теперь – не суть,
Беспризорный, хмельной, ничей.

Никого с собой не беру,
Там с судьбою один на один,
Среди туч грозовых, на юру,
Растворюсь среди белых равнин.

Только память останется нам,
В бесконечность стремящий полёт
И твой взгляд, что ловил по утрам,
И улыбка, и брови вразлёт.

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

ИТОГИ XXIV РЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2019 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

30 марта подведены итоги XXIV регионального конкурса молодых поэтов-переводчиков, который проводился под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России на базе факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. В конкурсе приняли участие переводчики с английского, немецкого, французского, китайского и русского языков.

Оргкомитет конкурса отмечает большую активность студентов читинских вузов – ЗабГУ, ЧГМА и ЗабИЖТ, а также старшеклассников средних школ и гимназий г. Читы и Забайкальского края. Среди них учащиеся многопрофильной языковой гимназии № 4, многопрофильной гимназии № 12, городских средних школ: № 27, № 47, учащихся Шилкинской (№ 51), Могзонской (№ 23) и Балейской (№ 5) общеобразовательных средних школ.

Победителем конкурса молодых поэтов-переводчиков 2019 года с английского языка стала Юлия Мусорина, учитель английского языка МБОУ СОШ № 27 г. Читы, многократный победитель поэтических и переводческих конкурсов, в т.ч. и международного статуса.

Победителем конкурса с немецкого языка стала Лилия Краус, автор многих поэтических сборников, неоднократный победитель конкурса молодых поэтов-переводчиков.

Жюри также отмечает поэтический перевод с китайского языка Ксении Поповой (ФФиМК ЗабГУ) и переводы с русского языка Лилии Краус.

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России поздравляет победителей и всех участников регионального конкурса молодых поэтов-переводчиков 2019 года и желает им дальнейших успехов в постижении искусства художественного перевода.

Председатель ЗабРО СПР Ольга Стельмак

С английского языка

CHARLES HANSON TOWNE
(1877 – 1949)

AT NIGHTFALL

I NEED so much the quiet of your love
After the day's loud strife;
I need your calm all other things above
After the stress of life.

I crave the heaven that in your dear heart lies,
After all toil is done;
I need the starshine of your heavenly eyes,
After the day's great sun.

ЧАРЛЬЗ ХЕНСОН ТАУН

НА ИСХОДЕ ДНЯ

Нужна мне тихая любви твоей обитель
На исходе тяжёлого дня.
Ты души моей безропотный целитель
И спаситель от печалей бытия.

О, как нужна твоя мне безмятежность,
Чтобы уйти от бремени забот.
Твой взор – звезды пленяющая нежность –
От солнца жгучего меня убережёт.

UNKNOWN POETS

GOD MAKE ME WORTHY

It is my joy in life to find
At every turn of the road,
The strong arm of a comrade kind,
To help me with my load.

And since I have no gold to give
And love alone must make amends,

My only prayer is while I live
"God make me worthy of my friends!"

СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ ПОЭТОВ

ДОСТОЙНЫМ БЫТЬ ДРУЗЕЙ

Какое счастье мне дано
На жизненном пути:
Товарищей надёжное плечо
В час трудный обрести.

Пускай я им не золотом плачу,
А верностью своей.
Пока я жив, Всевышнего молю
Достойным быть друзей.

SELDOM PUT IN WORDS

We all too seldom put in words
Our thoughts from day to day
About how much we value friends
Who brighten up life's way.

So this is just to let you know
What's now and always true:
All the best that friendship means
Is centered right in you.

КАК ВСЁ-ТАКИ СКУПЫ МЫ НА СЛОВА

Как всё-таки скупы мы на слова.
Скрывает наши мысли повседневность.
Не говорим, как дороги друзья,
Что в жизни они – истинная ценность.

Но всё ж открою чувства я свои.
И пусть слова мои не вызовут сомненья.
Всё то прекрасное, что в дружбе есть,
В тебе находит воплощенье.

Перевод Юлии Мусориной

С немецкого языка

JOSEPH VON EICHENDORFF
(1788 – 1857)

DIE BLAUE BLUME

Ich suche die blaue Blume,
Ich suche und finde sie nie,
Mir trдumt, dass in der Blume
Mein ganzes Glьck mir blьh.

Ich wandre mit meiner Harfe
Durch Lдnder, Stдdte und Auen,
Jb nirgends in der Runde
die blaue Blume zu schauen

Ich wandre schon seit langem,
Hab lang gehofft, vertraut,
doch ach, noch nirgends hab ich
Die blaue Blume geschaut.

ЙОЗЕФ ФОН ЭЙХЕНДОРФ

СИНИЙ ЦВЕТОК

Ищу я свой синий цветочек,
Нигде не найду, не везёт.
Мечтаю, что в этом цветочке,
Всё счастье моё расцветёт.

И с арфой своею брожу я
По городам и странам,
В округе, куда я ни гляну,
Цветка нет нигде, будто канул.

Бродил с давних пор везде я,
Надеялся долго и верил,
Но, всё же пока нигде я
Я синий цветок не приметил.

DETLEV VON LILIENCRON
(1844 – 1909)

VERBOTENE LIEBE

Die Nacht ist rauh und einsam,
Die Вдume stehen entlaubt.
Es ruht an meiner Schulter
Dein kummerschweres Haupt.

Der Fuchs schnьrt durch die Felder,
Wie ferne ist der Feind.
Gleichgьltig glдnzen die Sterne,
Dein schцnes Auge weint.

Du brichst ein dьrres Дstlein,
Das ist so knospenleer,
Und reichst mir deine Hдnde –
wir sahen uns nimmermehr.

ДЕТЛЕВ ФОН ЛИЛИЕНКРОН

ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Как ночь одинока, сурова,
Опала с деревьев листва,
И на плече моём снова
В печали твоя голова.

Лисица по полю шныряет,
Нет ли вблизи врага,
Бесстрастные звёзды сияют,
Прекрасные плачут глаза.

Ты ветку сухую ломаешь,
Бутонов она лишена,
Руки ко мне простираешь –
Не свидеться нам никогда.

Перевод Лилии Краус

С китайского языка

林徽因 （**1904 – 1955**）

雨后天

我爱这雨后天，
这平原的青草一片！
我的心没底止的跟着风吹，
风吹：
吹远了香草，落叶，
吹远了一缕云，象烟——
象烟。

ЛИНЬ ХУЭЙИНЬ

НЕБО ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Я люблю это небо после дождя,
И повсюду – равнинами травы!
Без остатка душа моя мчится туда,
Куда ветер
Несет ароматы травы и опавшей листвы.
Облака, словно дым,
Словно дым...

Перевод Ксении Поповой

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

БУРЯТСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Энхэ элүүр ябахын түлөө бэедээ гамтай, өөртөө дуратай байха хэрэгтэй.	Здоровой сможешь быть, если будешь любить и беречь себя.
Хүн сагаан сэдьхэлтэй ябаа hаа, сагаан харгытай байха.	У человека с доброй душой и дорога светлой будет.
Дуратай ажалаа хэхэдэй саг түргэн ошохо.	За любимой работой время бежит незаметно.
Үнэн үгэ арсаланhаа хүсэтэй, худал үгэ хэзээдэ мэдэгдэхэ.	В хорошие времена лисьим хвостом тебя погладят; В худшие времена – коровьим хвостом ударят.
Талын ганса модые таhалангүй ябаарай, хүдөөгэй ганса модые хүндэнгүй ябаарай.	Одинокое дерево, растущее в степи, нельзя ни ломать, ни трогать. Ему стоит поклониться.
Тулюур гэжэ голонгүй, туhалха.	Бедному и убогому, несмотря ни на что, стоит помогать.
Мориной нэрэ дурдаагүй дуун манай арадта байдаггүйл.	Без упоминания лошадей песен у нашего народа не бывает.
Адуунай дундаhаа хүлэг, – арадай дундаhаа герой.	Из табуна скакун, – из народа герой.
Мориной hайниие унажа мэдэдэг.	Хороший конь познаётся во время езды.
Золтой айлай гуламта халуун, Зунай наранай элшэ халуун.	У счастливой семьи очаг горячий, У летнего солнца лучи горячие.

Зан зандаа зохид, залаа малгайдаа зохид.	К характеру характер подходит, кисточка к шапке подойдет.
Ухаатай хүнэй хэлэн хурса.	У умного человека и язык остёр.
Уймар хүн улаан бургаahаар ойлгохо.	Глупый человек через хворостину еле поймёт.
Эрхыгээрээ олоhон барагдахагүй.	Что заработано руками – не утратится с годами.
hайрхуугай худалhаа – аймхайн үнэн дээрэ.	Правдивость трусишки лучше лжи хвастунишки.
hайн юүмэ бэдэрхэдэш олдожол олдожол байха.	Кто ищет, тот всегда найдёт
Ажалша хүнэй амбар дүүрэн.	У трудолюбивого человека и амбар полон и карман не пуст.
Ехээр хэлэнхаар, Ехээр үмхэhэн дээрэ.	За столом, чем много говорить, лучше больше откусить.
Ехээр хэхэ гээ hаа, багаhаань эхилхэ.	Хочешь сделать много, начни с малого.
Залхуу хүнэй заглуу хоohон.	У ленивого человека – ведро всегда пустое.
Ноён хүн нютагтаа хүндэтэй. Номшо хүн хаанашье хүндэтэй.	Начальника уважают в родном улусе. Учёного почитают везде.
Олон үгэдэ олзогүй, ганса үгэдэ гарзагүй.	Много слов – без прибыли, одно слово – без потерь.
Садахада, сагаан хурьганай hүүл муухай, Үлдэхэдэ,үхэрэй гүзөөн амтатай.	Сытому, и белого ягненка хвост не вкусен, голодному, и говяжий рубец вкусен.
Таабари хэлэhэн хүн сэсэн Таahан хүн тэрээнhээ сэсэн.	Загадки загадывает человек умный. Угадывающий ещё мудрее.

Суурга түлхюүр шэнги Сугтаа ябаха хубитай.	Как замку с ключом, судьба им быть всегда вместе.
Үритэй шэритэй байнхаар, Үгытэй байһаниинь дээрэ.	Чем жить в долгах, лучше быть бедным.
Олиггүй хүндэ ном заахада, – Оёоргүй торходо уһа хэһэнтэй адли.	Бестолкового человека обучать, – что в бездонную бочку воду наливать.
Үнэн бэшэ хүнтэй нүхэсэнхаар, үгы байгаашань дээрэ.	Чем дружбу с нечестным человеком водить, лучше совсем не стоит дружить.
Муу хүн модо хухалха, һайн хүн сэсэг тариха.	Плохой человек ломает дерево, хороший человек сажает цветы.
Хүнэй хүбүүндэ нүхэр хэрэгтэй, Хүлэгэй унаганда эжэл хэрэгтэй.	Как жеребенку-скакуну нужен табун, так и человеческому сыну нужен друг.

Перевод с бурятского Намсалмы Будаевой

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ РАСТЕНИЙ[1]

Составитель НИНА МАРКОВА

РУССКИЙ	АНГЛИЙСКИЙ	ЛАТИНСКИЙ
Тт		
табак	tobacco	Nicotiana tabacum L. (Solanaceae)
табак вергинский (табак настоящий)	common tobacco	Nicotiana tabacum
таволга (лабазник)	dropwort	Filipendula L. (Rosaceae)
таволга вязолистная (белоголовник, лабаз-	European meadowsweet, honeysweet, lady’s belt,	Filipendula ulmaria (Spirea ulmaria, Ul-

[1] См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009.

ник вязолистный)	sweet-hay	maria pentapetala)
таволга даурская	dahurian dropwort	Spirea dahurica (Rupr.) Maxim.
таволга японская	feather-fern	Astible japonica
таволжник (волжанка)	goat's-beard	Aruncus Adans. (Rosaceae)
тайник	tway blade	Listera R.Br. (Orchidaceae)
тайнобрачные	cryptogamous	Cryptogamae
таксодиум (кипарис болотный)	bald cypress	Taxodium distichum Rich. (Pinaceae)
таллом	thallus	thallus
таллофиты	thallophytes	thallophyti
тамарикс (гребенщик)	tamarisk	Tamarix L. (Tamaricaceae)
тамаринд	tamarind	Tamarindus L. (Leguminosae)
тампала	tampala	Amaranthus tricolor
тамус	black bryony	Tamus L. (Dioscreaceae)
тамус обыкновенный (адамов корень)	black bryony	Tamus communis
тангиния	tanghin	Cerbera tanghin
тапсия (злая трава)	deadly carrot	Thapsia L. (Umbelliferae)
таран (горец, гречишник)	jointweed, knotweed	Polygonum L. (Polygonaceae)
таро (колоказия)	dasheen, taro	Colocasia Schott (Araceae)
тархун (полынь эстрагон, эстрагон)	estragon, linear-leaved wormwood, silky wormwood, tarragon	Artemisia dracunculus
татарка (лук-батун, лук дудчатый)	spring onion, Welsh onion	Allium fistulosum L. (Liliaceae)
татарник	Scotch thistle	Onopordon L. (Compositae)
татарник колючий (онопордум колючий)	cotton thistle, Scotch cotton thistle, Scotch thistle	Onopordon acanthium L. (Compositae)
татарское мыло (зорька, лихнис халцедонский)	fireballs, Jerusalem cross, Maltese cross campion	Lychnis chalcedonica L. (Caryophyllaceae)
твёрдая пшеница	durum wheat, flint wheat	Triticum durum
теветия	thevety	Cerbera thevetia

текома	trumpet-creeper	Tecoma Juss. (Bignoniaceae)
телейтоспора	resting spore, teleuto-spore	teleutospora
телекия	ox-eye	Telekia Baumg.(Buphthalmum L.) (Compositae)
телефиум (хлябник)	orpine	Telephium L. (Caryophyllaceae)
телигонум (собачья капуста)	dog cabbage	Thelygonum cynocram-be
телом	telome	teloma
телорез	water-soldier	Stratiotes L. (Hydrocharitaceae)
терескен	eurotia	Eurotia Adans. (Chenopodiaceae)
терминалия	Indian-almond	Terminalia catappa L. (Combretaceae)
терминалия катаппа (тропический миндаль)	Malabar almond, tropical almond	Terminalia catappa
терминалия хебула (миробалановое дерево)	chebula terminalia, Indian almond	Terminalia chebula
термопсис ланцетный (мышатник, пьяная трава)	false lupine, thermopsis	Thermopsis lanceolata
термопсис люпиновидный	lupinoid thermopsis	Thermopsis lupinoides
терновник	black-thorn, sloe	Prunus spinosa L. (Rosaceae)
тернослива (слива ненастоящая)	bullace, damson	Prunus insititia L. (Rosaceae)
терпентиновое дерево (кевовое дерево, скипидарное дерево)	terebinth pistache, terpentine tree, turpenti-ne tree	Pistacia terebinthus (Pistacia mutica) L. (Anacardiaceae)
тестудинария	elephant’s-foot	Testudinaria Salisb. (Dioscoreaceae)
тетраклинис членистый (алжирская туя, сандараковое дерево)-	arar tree, sandarac	Callitris quadrivalvis (Tetraclinis articulata, Thuja articulata)
тефрозия	hoary pea	Tephrosia Pers. (Leguminosae)
тиарелла	tiarella	Tiarella L. (Saxifra-

		gaceae)
тигридия	tiger-flower	Tigridia
тигровая лилия	tiger lily	Lilium tigrinum
тизанолена	tiger-grass	Thysanolaena
тик (тиковое дерево)	teak	Tectona grandis Tectona L. (Verbe-na-ceae)
тиллея водная	pygmy-wood	Tillaea aquatica Mich. (Crassu-laceae)
тимелея	sparrow-wort	Thymelaea L. (Thymelaeaceae)
тимофеева трава (аржанец, тимофеевка	herd's grass, timothy, Timothy grass	Phleum pratense L. (Gramineae)
тимьян (чабрец)	mother-of-thyme, thyme	Thymus L. (Labi-atae)
тимьян блошиный (тимьян блошницевидный	flea thyme	Thymus pulegioides
тимьян испанский	Spanish thyme	Thymus zygis
тимьян лимонный	creeping lemon thyme, lemon thyme, lemon scent-ed thyme	Thymus citriodorus
тимьян обыкновенный (трава богородская)	common thyme, mother-of-thyme	Thymus serpyllum L. (Labiatae), Thy-mus vulgaris
тимьян ползучий	creeping thyme, mother-of-thyme, wild thyme	Thymus serpyllum L. (Labiatae)
типчак (овсяница бороздчатая)	sheep's fescue	Festuca sulcata Hock.(Festuca ovina ssp. sulcata Hock.) (Gramineae)
тисс	yew	Taxus L. (Taxaceae)
тмин	caraway	Carum carvi L. (Umbelliferae)
тмин душистый (кмин тминовый, кумин)	cumin	Cuminum cyminum (Cuminum odorum)
тмин обыкновенный (тмин полевой)	caraway, field caraway	Carum carvi
тмин полевой (тмин обыкновенный)	caraway, field caraway	Carum carvi
толокнянка (медвежья ягода)	bearberry, foxberry, kinni-kinic	Arctostaphylos uva-ursi Spreng. (Arbu-

		tus uva-ursi L.) (Ericaceae)
толокнянка аптечная (медвежье ушко, толокнянка обыкновенная)	bearberry	Arctostaphylos uva-ursi (Arbutus uva-ursi)
толокнянка дубильная	manzanita	Arctostaphylos gen.
томат	tomato	Lycopersicum esculentum Mill. (Solanum lycopersicum L.) (Solanaceae)
тонковласник	bristle-fern	Trichomanes L. (Hymenophyllaceae)
тонколистник	filmy fern	Hymenophyllum J. Sm. (Hymenophyllaceae)
тонконог	koeleria	Koeleria Pers. (Grami-neae)
топинамбур (земляная груша)	American artichoke, Brazilian artichoke, Jerusalem artichoke, girasol, girasole, sunchoke, sunroot, topinambur	Helianthus tuberosus L. (Compositae)
тополь	poplar	Populus L. (Salicaceae)
тополь бальзамический	balsam poplar	Populus balsamifera L. (Salicaceae)
тополь белый	abele, white poplar	Populus alba
тополь трёхгранный (тополь треугольнолистный, тополь канадский)	cottonwood	Populus deltoids Marsh. (Salicaceae)
тополь чёрный (осокорь)	black poplar	Populus nigra L. (Salicaceae)
тордилиум	hartwort	Tordylium L. (Umbelliferae)
торилис (купырник)	hedge-parsley	Torilis Adans. (Umbelliferae)
торица	spurry	Spergula L. (Caryophyllaceae)
торица полевая	common spurry, corn spurry	Spergula arvensis
торичник	sand spurry	Spergularia Presl. (Caryophylaceae)

торрейя	fetid yew	Torreya Arn. (Taxaceae)
торрейя орехоплодная (торрейя орехоносная)	caryocarpous fetid yew	Torreya nucifera
торфяной мох (сфагнум)	peat-moss	Sphagnum
тотара (красное дерево)	totara	Podocarpus totara
трава богородская (тимьян обыкновенный)	common thyme, mother-of-thyme	Thymus serpyllum L. (Labiatae)
трава куропаточья (дриада)	dryad	Dryas L. (Rosaceae)
трава лакмусовая (хрозофора)	turnsole	Chrozophora Neck. (Euphorbiaceae)
трава молукская	Molucca balm	Molucella L. (Labiatae)
трава морская	grass-wrack	Zostera L. (Potamogetonaceae)
трава пампасная	pampas-grass, uvagrass	Gynerium Humb. et Bonpl. (Cortaderia Stapf.) (Gramineae)
трава почечуйная (горец почечуйный)	lady’s thumb	Polygonum persicaria L. (Polygonaceae)
трава, растущая пучком (кочка, дерновина)	tussock	
трава рисовая (тускарора)	Indian rice, wild rice	Zizania aquatica Gronov. (Gramineae)
травянистая бузина	danewort	Sambucus spp.
традесканция	spiderwort	Tradescantia L. (Commelinaceae)
тракаулон	tear-thumb	Tracaulon gen.
трахелиум	throatwort	Trachelium L. (Campanulaceae)
трахикарпус (пальма веерная)	hemp-palm	Trachycarpus excelsa
трёхзубка	heath-grass	Triodia R.Br. (Gramineae)
трёхлистный	trifoliate	trifoliatus
трёхпарный (о слож-	tergeminate	trigeminatus, triju-

ном листе)		gus
трилистник	shamrock	Trifolium minus
трилистник водяной (вахта трёхлистная, трифоль)	bitterworm, common bog bean, marsh trefoil	Menyanthes trifoliata L. (Gentianaceae)
триллиум	wake-robin	Trillium L. (Liliaceae)
триния	trinia	Trinia Hoffm. (Umbelliferae)
триостеум	feverwort	Triosteum L. (Geraniaceae)
триостренник	arrow-grass	Triglochin L. (Juncaginaceae)
трипсакум	gama-grass	Tripsacum L. (Gramineae)
трипутник	felworth	Swertia L. (Gentianaceae)
трипутник японский (свертия японская)	Japan felworth, Japan swertia	Swertia japonica
трихозантес	snake gourd	Trichosanthes L. (Cucurbitaceae)
трищетинник	false oat	Trisetum Pers. (Gramineae)
трищетинник жёлтый	golden oat	Trisetum flavescens
тропический миндаль (термина-лия катаппа	Malabar almond, tropical almond	Terminalia catappa
тростник обыкновенный	bur reed, common reed, common reed-grass	Phragmites Adans. (Gramineae) (Phragmites communis)
тростянка (жёсткоколосница)	hard-grass	Sclerochloa P.B. (Gramineae)
трубчатый цветок	disk flower	siphonanthus, tubuliflo-rus
трутовик	sponk	Polyporus Fr. (Polyporaceae)
трутовик настоящий	tinder fungus	Fomes fomentarius
трюфель	ear-balls, truffle	Tuber Fr. (Eutuberaceae)
трясинник	earth moss	Phascum Schreb. (Phascaceae)
трясунка	dithering –grass, quaking grass	Briza L. (Gramineae)
трясунка средняя	cowquake, quaking grass	Briza media L.

		(Gramineae)
тсуга канадская	hemlock	Tsuga Canadensis Carr. (Pinaceae)
тубероза	tuberose	Polianthes L. (Amaryllidaceae)
тунг (тунговое дерево)	tung-oil-tree, tung-tree	Aleurites Forst. (Euphorbiaceae)
туника	tunic-flower	Tunica Scop. (Caryophyllaceae)
турецкая гвоздика	sweet william	Dianthus barbatus
турецкий горох (нут)	chickpea, garbanzo	Cicer arietinum L. (Leguminosae)
турнепс (репа)	turnip	Brassica rapa L. (Cruciferae)
турнефорция	basket withe	Tournefortia L. (Boranginaceae)
турча	feather-foil, water-violet	Hottonia L. (Primulaceae)
турча болотная	bog feather-foil	Hottonia palustris L. (Primulaceae)
тускарора (трава рисовая)	Indian rice, wild rice	Zizania aquatica Gronov. (Gramineae)
тутовник (испанский дрок)	Spanish broom	Spartium junceum
тутовое дерево (шелковица белая)	mulberry, white mulberry	Morus alba
туя	arbor-vitae	Thuya L. (Pinaceae)
туя биота	biota	Thuja biota
туя восточная	Chinese arborvitae, oriental arborvitae	Biota orientalis (Thuja orientalis)
туя западная	American arborvitae, astern arborvitae	Thuja occidentalis
тыква	gourd, pepo	Cucurbita L. (Cucurbitaceae)
тыква большая (тыква гигантская, тыква крупноплодная)	winter squash	Cucurbita maxima Duch. (Cucurbitaceae)
тыква бутылочная (горлянка)	bottle-gourd, gourd	Lagenaria vulgaris Ser. (Cucurbitaceae)
тыква кустовая (тыква мозговая)	bush pumpkin	Cucurbita pepo codensa
тыква масляная	oily cucurbit, oily gourd	Cucurbita citrullina (Cucurbita styriaca)

тыква мускатная (тыква мускусная)	China squash, cushaw, musky gourd	Cucurbita mosquata Duch. (Cucurbitaceae) (Cucurbita moschata)
тыква обыкновенная	common pumpkin, gourd, pepo, pumpkin, summer squash	Cucurbita pepo L. (Cucurbitaceae)
тыква фигурная	bush pumpkin, crookneck pumpkin, scallop	Cucurbita pepo var. melopepo L. (Cucurbita pepo var. codensa L.) (Cucurbitaceae)
тыква яйцевидная	egg squash	Cucurbita pepo var. ovifera L. (Cucurbitaceae)
тысячеголов	cow-herb	Vaccaria Med. (Caryophyllaceae)
тысячелистник (деревей)	milfoil, yarrow	Achillea L. (Compositae)
тысячелистник монгольский	Mongolic yarrow	Achillea mongolica (Achillea asiatica)
тысячелистник мускусный (мускусная трава, цикламеновая трава)	musky yarrow	Achillea moschata (Achillea erba-rotta ssp. moschata)
тысячелистник обыкновенный	common yarrow, milfoil, soldier’s woundwort	Achillea millefolium L. (Compositae)
тысячелистник птармика (птармика, чихотная трава)	bastard pellitory, European pellitory, sneezewort yarrow	Achillea ptarmica
тычинка	stamen	stamen
тюльпан	tulip	Tulipa L. (Liliaceae)
тюльпан Геснера	common garden tulip, late tulip	Tulipa gesneriana
тюльпанное дерево	cucumber tree, saddle-tree, tulip tree	1. Liriodendron L. (Magnoliaceae) 2. Liriodendron tulipifera

НОВИНКИ

Кнут Гамсун. Визит к Гитлеру

Кнут Гамсун (1859–1952) великий норвежский писатель, нобелевский лауреат был и остается одной из самых противоречивых фигур в литературе XX века. Певец любви и природы, человеческих страстей создавший «евангелие от землепашца» – «Плоды земли» (1917), Гамсун при этом искренне разделял нацистские взгляды и восхищался Муссолини, Квислингом и Гитлером. Опираясь на многочисленные источники, используя неизвестные архивные материалы переписку Гамсуна с издателями, его разрозненные заметки, дневники идеолога третьего рейха Йозефа Геббельса автор данного исследования Туре Рем (род. в 1967 году), профессор университета Осло, литературный критик и журналист, пытается дать ответ на вопрос, как может совмещаться творческая гениальность и служение человеконенавистническому режиму.

В книге подробно описан жизненный путь Гамсуна, его становление как писателя история формирования его мировоззрения. Кульминацией исследования является рассказ о состоявшейся 26 июня 1943 г. встрече великого писателя с диктатором в резиденции Бергхоф.

Книга может быть интересной как знатокам Гамсуна и специалистам по норвежской литературе, так и другим скандинавистам, а также широкому читателю, которому небезразлична история Второй мировой войны. Всем тем, кого волнует роковой вопрос, как великий писатель оказался на стороне зла.

«Он оказался завороженным своей славой, теми преимуществами, которые она давала. Он взял на себя роль одного из современных пророков, и это привело его к фашизму с его околдовывающими утопиями, связанными с мечтами о развитии нации и расы» – таков ответ Туре Рема.

В 2014 году книга «Кнут Гамсун. Визит к Гитлеру» была отмечена ежегодной премией ассоциации норвежских критиков как лучшая по разделу Нон-Фикшн.

Книга переведена на датский, шведский, немецкий и русский языки.

Элеонора Панкратова

Антология современной исландской поэзии

«Антология современной исландской поэзии» – первая книга, представляющая исландскую поэзию рубежа XX-XXI веков.

Эта книга призвана показать читателям современный «срез» поэзии в этой стране. В книгу вошли стихи двадцати современных исландских поэтов разных поколений в переводах О. А. Маркеловой. Среди них – «корифеи», такие, как крупный поэт и прозаик Гвюдберг Бергссон (род. 1932), основоположница «женской лирики» Вильборг Дагбьяртсдоттир (род. 1930), один из старейших и талантливейших исландских рок-поэтов Магнус Тоур Йоунссон («Мегас») (род. 1945), Ингибьёрг Харальдсдоттир (1942–2016), знаток французской литературы и европейской драматургии Сигурд Паульссон (1948–2017), и другие. Также в книге представлены более молодые авторы, уже успевшие обратить на себя внимание самобытным творчеством: лидер авангардистского поэтического объединения Эйрик Эртн Нордаль (род. 1978), поэтесса и художница Кристин Эйриксдоттир (род. 1981), ученица Сигурда Паульссона Кристин Свава Тоумасдоттир (род. 1985).

Некоторые из представленных в книге авторов уже знакомы российской аудитории в другой своей «ипостаси». Так, Эйнар Маур Гвюдмундссон (род. 1954) – автор романа «Ангелы вселенной», по которому был снят одноимённый фильм, дошедший и до отечественных зрителей. У поэтов Хатльгрима Хельгасона и Сьоуна, чьи стихи также представлены в антологии, на русский язык переводились романы. (Перевод романа «Скюгга-Бальдюр», написанного Сьоуном, был опубликован в 2018 году в журнале «Иностранная литература»).

В наши дни в исландской поэзии существует большое разнообразие форм и эстетических установок. Наиболее привычная для Исландии 1970-2010-ых гг. – верлибр. Однако при богатстве экспериментальных явлений, эстетические установки минувших эпох и традиционные стихотворные формы продолжают жить полнокровной жизнью. Активно разрабатываются народные поэтические жанры. Иногда могут возникать и гибридные формы между традиционной и экспериментальной поэзией. «Конфликт поколений» в современной исландской литературе фактически отсутствует; принятие тех или иных эстетических ценностей определяется в первую очередь не возрастом, а личным выбором пишущих.

Разумеется, представленная подборка показывает лишь малую часть исландской поэзии нашего времени. В поэзии «самого литературного народа Северной Европы» ещё есть много интересного и талантливого, что ждёт своего перевода на русский язык. И поэтому хочется надеяться, что эта антология современных поэтов Исландии, будучи первой, не останется единственной.

Ольга Маркелова

Антология современной исландской поэзии / сост. и пер. О.А. Маркеловой. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. – 156 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛДОРЖИЕВ ЦЫРЕН-ХАНДА (Виктор Балдоржиев) (с. Новая Заря, Заб. край)
Известный русскоязычный поэт, прозаик, публицист, переводчик, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР. В 2005–2009 гг. возглавлял Читинскую писательскую организацию. В 2008 году Указом Президента России за вклад в развитие культуры и искусства награждён медалью А. С. Пушкина, в 2012 году хамбо-лама буддистов наградил его медалью «200 лет Агинскому дацану», в 2014 году Постановлением Законодательного собрания Забайкальского края награждён медалью «За укрепление Дружбы народов». Автор романов «Разные люди» (1991), «Последние войны волков» (2004); стихотворного сборника «Каторга» (1992), книг прозы и поэзии – «Русский мир бурят-монгола» (Торонто, 2013), «Ðàçãîâîðû â ïîëíîëóíèå» (Òîðîíòî, 2014), «Ãîëîñà áåçäíû» (×èòà, 2014), Поэт-переводчик с бурятского и монгольского языков. Изданы книги авторизованных переводов с бурятского языка: «Свет родимых вершин» (1996), «Алханай – Шамбала моей души» (1999), Рассказы (1999), «Звезда над степью» (2000), «Между Алханаем и Ямато» (2002). Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

БАТОБОЛОТОВА ДУГАРМА (Забайкальский край, с. Сахюрта)
Бурятская поэтесса, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников. Среди них – «Я не хочу судьбы другой», «О чем молчит степная тишина» и др. Основные темы творчества: дети, семья, друзья, родной край. Многие стихи автора положены на музыку и стали песнями. Педагог по призванию, переводчик.

БРИЛЕВА ВАЛЕНТИНА РОДИОНОВНА (Чита)
Автор поэтического сборника «Любовь» (2000). Переводит английскую классическую поэзию. Автор четырех персональных фотовыставок: «Жизнь – диво в искристых красках…» (2007), «…Радость, прежде всего, пробуждать» (2008), «Жизни земное отраженье» (2009), «Чувствам предаться несуетным…» (2013).

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)
Окончила китайское отделение факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. Принимала участие в работе VIII Летней школы перевода СПР (Крым, 2015 г.). Сотрудничает с журналом «Переводчик».

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)
Окончил китайско-английское отделение Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук. Переводчик, член Союза переводчиков России, член Национальной лиги переводчиков. Научные интересы – методика преподавания китайского языка, переводоведение, лингвокультурология, психолингвистика. Автор учебных пособий и словарей (в том числе в соавторстве с МаТяньюй): Современный русско-китайский словарь (2012); Китайский язык. Три книги в одной. Грамматика, разговорник, словарь

(2013); Самый простой самоучитель китайского языка «500 китайских слов» (2013); монография «Китайскоязычный прецедентикон» (2013), Учебник практической фонетики китайского языка (2014); По-китайски обо всём. 88 научно-популярных текстов-миниатюр на занятиях по китайскому языку (2014); Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая (2015); Китайский язык: четыре книги в одной. Разговорник, китайско-русский словарь, русско-китайский словарь, грамматика (2016). Персональный сайт: www.vokitai.ru

ГАБРИЭЛЯН НИНА МИХАЙЛОВНА (Москва)

Окончила Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза (факультет французского языка). Поэт-переводчик, прозаик, художник, культуролог. Автор поэтических сборников «Тростниковая дудка» (1987), «Зерно граната» (1992), «Поющее дерево» (2010) и сборника прозы «Хозяин травы» (2001), а также статей о литературе и искусстве, опубликованных в журнальной периодике и научных сборниках. Активно занимается переводами зарубежной поэзии, классической и современной (армянской, курдской, индийской, казахской, малайской, африканской, французской и т.д.), которые опубликованы более чем в 30 книгах. Её собственные стихи переводились на армянский, французский, английский, малайский, индонезийский, болгарский и сербский языки, проза – на английский, французский, шведский, итальянский и арабский. Участница Международных фестивалей поэзии в Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговине, Черногории, Италии, в Днях русской культуры в Малайзии и Всемирном женском Форуме в Китае. Лауреат международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» (2016) и «Степная лира» (2018). Член Союза писателей Москвы и Международного Художественного Фонда.

ГАЛАМАГА АНДРЕЙ АРКАДЬЕВИЧ (Москва)

Окончил Литературный институт им. Горького (семинар поэзии). Автор пяти книг стихотворений. Дважды лауреат Международного фестиваля «Пушкин в Британии» (Лондон). Обладатель Гран-при 1-го международного фестиваля «Интеллигентный сезон» (г. Саки, Крым). Победитель международного конкурса произведений о Москве «На семи холмах». Член жюри ряда литературных фестивалей в России и за рубежом. Переводил стихи с азербайджанского, украинского, чеченского, дагестанского, китайского и других языков. В книге Керима Мхце «Возвращаюсь» (Невинномысск, 2018) из 183 стихотворений 168 переводов выполнено Андреем Галамагой.

ГРЕЧИШКИНА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Забайкальский государственный педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. Работала переводчиком в организации PPI Translations.

ЕПИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Чита)

Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных

языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского. Составитель «Краткого исторического словаря галлицизмов русского языка» (Чита, 1999), «Исторического словаря галлицизмов русского языка» (2010). Опубликованы: хронологический словник «Французские ткани и их цвет» (2014), «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского, 2014). Вышли в свет «Хронологический словник Исторического словаря французской моды в России: одежда, обувь, головные уборы, прически» (2015), «Исторический словарь французской моды в России» в 3-х т. (2017), переводы с французского книги Александра Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви» (2015), Дрё дю Радье «Словарь любви» в журнале «Переводчик» (№№ 15, 16), Панаит Истрати «Советский Союз без маски» (2018).

ЕГОРОВА ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА (ЗАМИРСКАЯ ИДА) (Украина, г. Северодонецк)

Окончила факультет иностранных языков (отделение немецкий язык и литература) Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Работала переводчиком научно-технической литературы в НИИхиммаш и учителем английского языка. Художественным переводом с немецкого и английского языков занимается с 2012 года. Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016).

КВЯТКОВСКАЯ МАЙЯ ЗАЛМАНОВНА (Санкт-Петербург)

Окончила 2-й Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков (ЛГПИИЯ), по специальности «французский язык». Переводчик стихов и прозы, в основном, с романских языков. Работала над такими поэтами как Теофиль де Вио, Расин, Лафонтен, Готье, Бодлер, Верлен, Лафорг, Арто (Франция); Камоэнс и Пессоа (Португалия); Лопе де Вега, Сервантес, Гонгора, Кеведо, Вальe-Инклан, Мачадо (Испания), Эдгар По (США), Свифт, Россетти (Англия), Сенеа (Куба), Гонсалес Мартинес (Мексика), Дарио (Никарагуа) и др. Член Союза Российских писателей и СП Санкт-Петербурга. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

КОВАЛЁВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Москва)

Окончила 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова и Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, переводчик, публицист. Работала гл. редактором ряда журналов, включая русско-японский проект «О'Генки». Член Союза писателей Москвы, Союза переводчиков России. Почётный член международной ассоциации «Liguria-Russia» и Русского дома искусств им. Степана Эрьзи в Генуе. Вице-президент Независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы», ведущая литературной гостиной «На перекрёстках миров» Клуба писателей ЦДЛ. Художественный руководитель и основатель Международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» (Генуя, Италия, 2016, 2017) и «Степная лира» (станица Новопокровская Краснодарского края, 2017). Лауреат Большой премии Международного литературного фонда им. Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001), премий Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина (1990), журнала «Кольцо А» (2001), победитель Открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). Автор книг стихов «Четвертая Троя» (1993), «Кесарево сечение» (1995), «Вёрстка мира» (2002), «Орден госпитальеров» (2011), «Тег-

ra Italica» (2013), «Страна стрекоз» (2015), «Карта памяти» (2017», «Лигурийский залив» (2018).

КОМКОВ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ (г. Павловский Посад, Московской области)
Окончил факультет иностранных языков МГУ имени М. В. Ломоносова. Культуролог, герменевт, переводчик. Доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ. Поэтическим переводом занимается с 2008 года. Подборки переводов и оригинальных стихотворений публиковались в «Литературной газете», сербских литературных журналах «Траг» и «Српски југ», в разделе «Антология мировой поэзии» чикагского еженедельника «Реклама», в литературных альманахах «Белый ворон» (Екатеринбург – Нью-Йорк) и «Слова, слова, слова...» (Чикаго – Москва), в журнале поэзии «Плавучий мост». В 2016 году вышла в свет книга стихотворений «Тихое вече».

КОРЖОВА ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА (Чита)
Окончила бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души».

МАКАРОВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ (с. Акша, Заб. край)
Известный забайкальский писатель, поэт-переводчик, журналист, заслуженный работник культуры РФ. Окончил историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. В 1972 г. стал членом Союза журналистов СССР, в 1978 г. – членом Союза писателей. Опубликованы книги стихов поэта: «Начало начал» (1975), «Возвращаются птицы» (1978), «ЦВЕТНЫЕ коромысла» (1983), «Узы» (1987), «На изломе времен» (2001). Более тридцати лет занимается переводом бурятской поэзии. В 2001 году вышли в свет три стихотворных сборника переводов с бурятского: «С родников начинаются реки большие...», «Вечный свет» и «Волшебные зеркала». В 2008 году появились еще два сборника переводов с бурятского – «Степные березы» и «Когда поет кукушка». В 2009 году к 70-летию со дня рождения поэта было опубликовано юбилейное 2-х томное издание «Стихи и поэмы» (Москва). Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). В последние годы вышли в свет книги переводов с бурятского языка «Дороже всех богатств» (2014), «О чём молчит степная тишина» (2015).

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)
Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук. Литературовед. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик», «Женщина при 1000 С» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора), антология фарерской поэзии «Классика фарерской поэзии» (2017). Автор стихов и малой прозы в московских

журналах «Юность», «Литературные незнакомцы», «Наша улица», альманахах «Складчина», «Остров», «Вышгород» (Таллинн), «Тнmarit Mбls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова). Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016).

ОСЬМИНИНА НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА (Москва)

Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Поэт, сценарист, переводчик, журналист. Член Союза писателей России. Автор поэтических книг «Узы» (2004), «Андрей Рублёв» (2013), «Вербная Русь» (2016). Печаталась в газетах «Московский литератор», «Республика Абхазия», «Общеписательская литературная газета», альманахах «Истоки», «Природа и человек», «Русь православная», «Россия – Испания», «Москва – Нью-Йорк», «Образ» и других изданиях. Избранные стихи переведены на английский, армянский и абхазский языки. Её переводы с армянского и абхазского опубликованы в газетах «Литературный Амшен», «Армянская Церковь», «Апсны», в антологии «Современная армянская поэзия». Лауреат и дипломант международных фестивалей и поэтических конкурсов: «Генуэзский маяк» (Италия), «Степная лира» (Россия), «Поэтическая премия «Образ» (Россия), «Звезда Рождества» (Украина). Награждена медалями «За верное служение отечественной литературе», «М. Ю Лермонтов», орденским знаком «Союз писателей России». Академик Евразийской академии телевидения и радио (ЕАТР). Сценарист и автор текстов 12 документальных фильмов. Фильмы «Отец Евгений», «Нюрнбергский процесс: вчера и завтра», «Матрона Московская» награждены призами Евразийского телефорума (Москва), Международных кинофестивалей «Победили вместе» (Украина) и «Невский Благовест» (Санкт-Петербург). Член Союза журналистов России. Работала корреспондентом, обозревателем, редактором в журналах «Работница», «Крестьянка», «Здоровье», в газете «Московский Комсомолец» (шеф-редактор издания «МК-Здоровье»). Сотрудничала с журналами «Смена» и «Северные просторы».

ПАНКРАТОВА ЭЛЕОНОРА ЛЕОНИДОВНА (Москва)

Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России. Автор статей, посвященных норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмуена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История Психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (газета «Aftenposten», журналы «Prosa», «Forfatteren», «Nordlit») и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии.

САГРАТЯН АШОТ АРИСТАКЕСОВИЧ [1936 – 2015]

Окончил университет им. Молотова, затем Литинститут им. А. М. Горького. Учился в аспирантуре Института мировой литературы. Писатель, поэт, художник. Воспитатель переводческих кадров: руководил творческим семинаром в Литературном институте им. А. М. Горького, читал лекции по теории перевода и психологии творче-

ства, в том числе и на Высших литературных курсах. С 1968 года журналист-международник. Перевел около 30 книг. В 1998 г. был избран членкором Академии педагогических и социальных наук, а в 1999 г. – действит. членом АПСН. В 1999 г. был удостоен Золотой пушкинской медали. Автор книги «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом» (2001). В 2009 г. награжден медалью В. Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке. В 2010 году выпустил поэтический сборник, посвященный 65-летию Великой Победы. Автор поэтических переложений бессмертных шекспировских трагедий.

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает литературным редактором журнала «ЧИП – детям» (приложение к журналу «Чудеса и приключения»). Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). «Поэтическое определение перевода».

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. В. И. Ленина. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. Поэт-переводчик, действительный член Союза переводчиков России, председатель Забайкальского регионального отделения СПР, гл. редактор журнала «Переводчик», директор ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Опубликованы книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...» (1998, 2-е изд. 2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Стихи и переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду…». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень …» (2000), «Волшебный мир любимых грёз» (2003), «Мой зачарованный мираж…» (2006); «Сладкой грусти наслажденье…» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликованы стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники», «Российские поэты», Сборник стихов (2012), Любовная лирика (2013). Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года».

ФЕЛЬДМАН ЕВГЕНИЙ ДАВЫДОВИЧ (Омск)

Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Стаж творческой деятельности более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов А. К. Дойля «Песни действия». Основные публикации: переводы в антологии «Семь веков английской поэ-

зии» (2007), Д. Китс «Эндимион» (2008), Р. Бернс «Былые времена» (2009, 2012), Р. Киплинг «Кабульский брод» (2010). В 2012 г. опубликованы книги: Р. Бернс «Джон Ячменное зерно» (стихотворения, поэмы, песни, баллады); Р. Киплинг. «Бремя белых» (часть 2 в пер. автора); Блэкмор Р. Д. «Лорна Дун» (роман); Брэддон М. Э. «Тайна леди Одли (роман); О. Уайльд. «Сфинкс» (стихотворения и поэмы). «Лауреат Бунинской премии 2010 года в номинации «Поэтический перевод». Награжден Всероссийской общественной организацией Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России» Почетным знаком отличия «Трудовая доблесть. Россия» (2013). В ноябре 2013 г. стал лауреатом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Литературные переводы».

ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА (г. Бенавенте, Португалия)

Окончила Волгоградский государственный педагогический университет. Кандидат педагогических наук, доцент, более 60 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор пяти поэтических сборников, литературоведческих статей, эссе об искусстве. Член Союза российских писателей, международного союза писателей. Автор многих альманахов поэзии России и Украины, антологий («Поэзия третьего тысячелетия», по итогам литературного конкурса «Согласование времен 2009»), зарубежных альманахов («Встречи» № 30, Филадельфия; «Стороны света» № 9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья). В Португалии живёт с 2003 года. В 2008 году подтвердила учёную степень в португальском университете. По материалам своего выступления на международном коллоквиуме «Триумфальный день Фернандо Пессоа» (Лиссабон, 2014) опубликовала статью в журнале «Иностранная литература» (№ 7, 2015). Опубликовала ряд статей о творчестве португальских поэтов – классиков и современных авторов, («Новый мир», № 8, 2016; «Иностранная литература» № 4 2017 и др.). В её переводе вышли: поэзия Антонио Нобре «Мельник ностальгии» («Водолей», 2013), Фернандо Пессоа «Книга непокоя» (Ад Маргинем Пресс, 2016), антология португальской поэзии XV – XX веков «Лузитанская душа» («Водолей», 2017).

ЩЕТНИКОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (Новосибирск)

Окончил физический факультет Новосибирского государственного университета. Автор более ста книг и статей по истории точных наук и прикладной эпистемологии; более 250 видеороликов по физике в проекте GetAClass. Инициатор и организатор ряда проектов в области дополнительного образования. Поэт, переводчик. Поэтические переводы с английского (Китс, Байрон, Уитмен, Уильямс, Стивенс, Керуак, Корсо, Снайдер, Ферлингетти, Буковски), испанского (Борхес, Хименес, Неруда, Лорка), украинского (Андрухович, Жадан), польского (Мицкевич, Милош) языков.

ЭМИРЗИАДИ ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н.Г. Чернышевского. Работает начальником отдела международного сотрудничества ЗабГУ. Действительный член Союза переводчиков России, автор и редактор раздела «Эпистолярное наследие декабристов» в журнале «Переводчик». Редактор серии популярных книг известного забайкальского краеведа, «народного академика», Виктора Балабанова.

Научное издание

Переводчик

Выпуск 19

Печатается с оригинал-макета автора
при участии издательства

Главный редактор О. В. Стельмак

Подписано в печать 14.05.2019.
Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Способ печати цифровой.
Усл.печ.л. 30,2. Уч.-изд.л. 10,2.
Заказ № 19045. Тираж 300 экз.
(Первый з-д 1–100 экз.)

ВГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30.